

"Лесник"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

ПРОЛОГ

ГЛАВА I. Читатель немного знакомится с Сантьяго Лопесом и его семейством

Толедо, древняя столица сперва готских, а после распада кордовского калифата — мавританских королей, некогда заключал в себе до двухсот тысяч жителей, теперь же там насчитывается едва двадцать пять тысяч. Так быстро уменьшается народонаселение в несчастной Испании. Милях 1 в пяти или шести от этого знаменитого города, среди гор, в глубине зеленой и почти неизвестной долины, находился в эпоху, к которой относится начало этого рассказа, то есть в 1628 году, скромный домик, построенный из кругляшей, крытый соломой и прислоненный к громадной скале, которая защищала его от северного ветра, тогда как с остальных трех сторон его окружал сад, хорошо ухоженный и обнесенный живой изгородью из колючего кустарника.

Долина, где стоял домик, была невелика; в окружности она едва имела милю и разделялась на две почти равные части речкой, которая уступами падала с вершины горы, но достигнув подножия, лениво текла, осененная шпажником, с тем едва слышным журчанием воды по камушкам, которое так прельщает мечтателей.

Нельзя представить себе ничего более поэтичного, мирного и спокойного, чем вид этого затерявшегося в горах уголка земли, где замирали все отголоски света, этой очаровательной Фиваиды 2, где текла жизнь тихая и мирная, вдали от городских забот и мелочной вражды завистников.

Немногим ранее полудня восемнадцатого мая 1628 года молодой еще человек, высокий, стройный, с лицом кротким, но в то же время решительным, в одежде деревенского жителя окрестностей Толедо, с ружьем под мышкой и косулей на плечах, спускался почти бегом с крутого склона горы по настоящей козьей тропинке; он направился прямо к хижине в сопровождении или, вернее, предшествуемый двумя славными собаками с удлинённой мордой, висячими ушами и огненными подпалинами на коричневой шерсти. Завидев хижину, они помчались во все лопатки, мгновенно перемахнули через изгородь, так как калитка была затворена, и кинулись внутрь домика, где скрылись с радостным лаем, на который ответила густым басом громадная дворняга.

Мгновенно, точно лай был для них сигналом, из дома навстречу к охотнику поспешно вышли три женщины.

Из этих трех женщин первая была лет тридцати с небольшим. В чертах ее лица сохранялись следы красоты, которая лет за десять, вероятно, была замечательна; ее прямой и гибкий стан был наделен той томной грацией, которая отличает андалусиек и женщин Новой Кастилии.

За ней шли две молодые девушки, одна лет пятнадцати, другая — едва достигнув четырнадцати; белокурые волосы обеих имели тот пепельный оттенок, который свойствен потомкам готов, а глаза и брови были черные, что придавало странный характер их веселым и выразительным лицам. Черты их лиц, разве только очень уж правильные, были редкой красоты; ослепительная и гордая красота эта носила отпечаток надменной дикости, которая встречается только в глубоком уединении, увлекает и очаровывает в одно и то же время, и для страсти имеет обаяние неодолимое.

Женщину звали Марией Долорес, девушек — Христианой и Лусией.

Христиана была старшая.

Человек, навстречу которому шли три женщины, называл себя Сантьяго Лопесом; он был мужем Марии Долорес и отцом двух белокурых ангелов, бросившихся ему в объятия, как только они подбежали к нему.

Охотника мигом избавили от ружья и охотничьей добычи, после чего все четверо вошли в хижину и сели к столу, на котором был приготовлен сытный завтрак. Отец прочел вслух короткую молитву, и все усердно принялись за еду.

Мы воспользуемся временем, пока это патриархальное семейство мирно сидит за трапезой, чтобы в нескольких словах поведать его историю или, по крайней мере, о том, что известно было из его истории, — в сущности, однако, очень немного.

Однажды, лет шестнадцать или семнадцать назад, человек лет тридцати пришел со стороны Толедо в долину, тогда совершенно пустынную.

Незнакомец привел с собой двадцать рабочих и несколько мулов, навьюченных съестными припасами, разнообразными инструментами и материалами; одежда погонщиков мулов была не кастильская, а скорее напоминала одеяние жителей баскских провинций.

Осмотрев долину и изучив ее со всех сторон, незнакомец остановил свой выбор на самом дальнем конце ее, сделал знак работникам, и те, с помощью погонщиков развьючив мулов, немедленно со всем рвением принялись за работу.

Одни строили дом или, вернее, хижину, другие вспахивали значительное пространство земли, сперва для сада, а там и для полей, довольно обширных.

Земля никому не принадлежала; можно было брать сколько угодно.

Никогда еще в долине не царил подобного оживления: с грохотом валили деревья, распиливали их на отдельные части и обтесывали; кузнецы ковали на переносных или устроенных на скорую руку наковальнях; никто не оставался без дела.

Новый пришелец наблюдал за работами, объяснял свой план строительства и давал наставления.

Словом, была развернута такая кипучая деятельность, что менее чем через месяц деревянный домик в два этажа, прекрасно отстроенный внутри, стоял уже совсем законченный, как и большой сарай, конюшня на три лошади, хлев для скота и амбар для склада запасов.

Сад был обнесен живой изгородью, засажен фруктовыми деревьями, привезенными из Толедо в несколько приемов, и украшен прекрасными цветами. Вспаханные поля засеяли; две коровы и коза очутились в хлеве, две лошади на конюшне и несколько охотничьих и сторожевых собак на цепи в конурах неподалеку от птичьего двора, полного уток и кур.

Недоставало только мебели, но и ту, как только дом был достроен, немедленно доставили сюда вместе с бельем и посудой.

Мебель была простая, но прочная и могла служить долго.

Когда все работы были закончены, незнакомец, которого звали ньо Сантьяго Лопесом, собрал работников, поздравил их с успешным завершением дела, поблагодарил и отпустил с щедрым вознаграждением. Люди ушли, осыпая его благословениями, так они остались довольны.

После этого ньо Сантьяго обратился к старшему погонщику мулов с несколькими словами на языке, которого никто не понял, — позднее выяснилось, что это баскское наречие, — погонщики мулов ушли, в свою очередь, и незнакомец остался один.

Он принялся за осмотр своих владений и ежедневно отправлялся в долгие путешествия далеко по окрестностям; за две недели он узнал соседние горы на десять миль вокруг, как будто прожил тут целый век.

По прошествии этих двух недель ньо 3 Сантьяго однажды утром, вместо того чтобы отправиться на обычную нескончаемую прогулку, взял ружье, свистнул собак и скорым шагом направился ко входу в долину.

Едва он успел поравняться с ущельем, выходящим на узкую тропинку, которая вела к равнине, извиваясь у подножия горы, как услышал напев баскской песни, которую распевали во все горло, между тем как серебристый звон бубенчиков будто в такт вторил пению.

Вскоре погонщик, которого он отослал две недели назад, вероятно возложив на него важное поручение, показался на повороте тропинки.

Он гнал четырех навьюченных мулов. За ними не торопясь шли четверо путников.

Впереди была молодая женщина лет девятнадцати, не более, красоты замечательной, но бледная, слабая и с выражением лица грустным и болезненным.

Из трех остальных двое были рослые и дюжие мужчины, еще молодые, а третья — женщина лет двадцати трех, довольно хорошенькая и чрезвычайно свежая. Трое последних были слуги: один из двух мужчин, по имени Педро, — муж молодой женщины; другой же, Хуанито, — брат Педро и, следовательно, деверь служанки Пакиты.

вернуться

1

Миля равна 1609 м.

вернуться

2

Фиваида — область вокруг города Фив в Египте, позже название Верхнего Египта.

вернуться

3

Ньо — дон, сеньор.

Завидев этих людей, ньо Сантьяго бросился к ним навстречу.

Путники остановились с почтительным и радостным поклоном слуг, выросших в доме и сильно преданных своим господам.

Сантьяго ответил, улыбаясь, на их поклон и обнял молодую женщину.

— Наконец-то ты тут, Долорес! — воскликнул он. — О! Как я счастлив, что мы опять вместе; время так медленно тянулось вдали от тебя!

— И для меня также, мой дорогой Луис! — ответила она, с нежностью отвечая на его ласки.

— Тс-с! Не называй меня этим именем, радость моя! — вскричал он, закрывая ей рот поцелуем. — Ты ведь помнишь о нашем уговоре.

— Извини меня, друг мой, — сказала молодая женщина с улыбкой, озарившей ее прекрасное и кроткое лицо, словно солнечный луч, который мелькнул среди туч. — От счастья, что вижу тебя, я забыла обо всем на свете.

— Оставим это, моя крошка, но дай мне пожурить тебя.

— Меня, мой возлюбленный господин и повелитель? За что же?

— За то, что при твоей слабости ты идешь пешком, когда могла бы спокойно сидеть на муле.

— Я уже говорил графине, — пробормотал погонщик, — но она меня не слушала.

— Да что же это, Ареги! — с живостью вскричал ньо Сантьяго. — Что это вы говорите?

— Ба! — не смущаясь заявил тот. — Мы здесь в семье, и никакой опасности не подвергаемся. Дайте мне говорить по-своему, ваше сиятельство; не бойтесь измены с моей стороны, я сохраню вашу тайну.

Граф ли был незнакомец или нет, но он протянул погонщику руку.

— Знаю, — сказал он ему.

Подойдя к хижине, донья Долорес улыбнулась.

— О, как счастливы мы будем здесь! — радостно вскричала она.

— Если только наши гонители не отыщут нас и тут, — грустно возразил муж.

— Как же это возможно? Разве ты не умер для всех, без сомнения умер? И я разве не бежала во Францию и не постриглась там в монастыре в отдаленной провинции?

— Правда, — согласился он, — теперь, когда мы навек отторгнуты от общества, будем жить друг для друга и все счастье искать в нашей любви.

— Этого достаточно, чтобы жизнь показалась нам раем, мой возлюбленный.

На другой день ньо Сантьяго уехал в Толедо с погонщиком мулов.

Там они расстались, чтобы, быть может, никогда больше не видеться. Ареги возвращался в Бискайю.

Со слезами на глазах пожали они друг другу руки в последний раз.

Хотя долина, где поселился ньо Сантьяго, никому по настоящему не принадлежала, он решил, во избежание всяких придирок и притеснений со стороны местных властей соседнего города, отнять у них возможность тревожить его в уединении.

Он обратился к толедскому нотариусу и поручил ему начать переговоры с городским советом относительно покупки долины.

Члены совета сначала не уразумели ни слова из всего дела; они понятия не имели о существовании этой долины, однако деньги получать всегда кстати, откуда бы они ни приходили, поэтому городской совет после долгих прений и переговоров согласился за две тысячи пиастров наличными уступить некоему ньо Сантьяго Лопесу, землепашцу и леснику, означенную долину в вечное и потомственное владение, с правом передачи без всякого предварительного разрешения.

К этой купчей по настоящему требованию лесника была сделана приписка, в силу которой ему предоставлялось на вековечные времена право охоты в горах круглый год на пятнадцать миль в окружности, и это за дополнительную сумму в тысячу пиастров, внесенную единовременно.

Только в пользу его величества короля испанского выговорено было право охотиться в горах, если во время своего пребывания в Толедо, куда он приезжал довольно часто, ему угодно было бы заняться охотой.

Итак, сумма купли достигла трех тысяч пиастров, которые надлежало немедленно внести в городской совет нотариусу, служившему ходатаем в торге.

Это и было им исполнено, не покидая заседания. Ему вручили купчую крепость в законной форме, и сановники благородного города Толедо радостно потирали себе руки, устроив такое выгодное дело.

В ту эпоху, как и ныне, горы в окрестностях Толедо имели весьма дурную славу: в них укрывались бандиты со всей провинции; они убивали и грабили путешественников, не опасаясь ни алькальдов 4, ни альгвазилов 5, которые не смели им противиться. Поэтому, вполне естественно, никто не изъявлял желанья владеть долиной, где ньо Сантьяго вздумал поселиться.

Как бы то ни было, он щедро вознаградил нотариуса, тщательно спрятал акт и весело вернулся в горы, куда прибыл за два часа до заката солнца, спеша увидеть жену, с которой расстался на рассвете.

Наши отшельники зажили чисто патриархальной жизнью.

Пакита была молочная сестра доньи Марии Долорес, Педро и Хуанито — молочные братья ньо Сантьяго; эти пять лиц в сущности составляли одно семейство, так они любили друг друга.

Однако, несмотря на просьбы и даже приказания ньо Сантьяго, никогда трое слуг не соглашались садиться за один стол со своими господами.

Не видя возможности убедить их, тот наконец предоставил им свободу поступать по-своему, чем несказанно обрадовал этих честных и скромных людей.

Ньо Сантьяго охотился, Мария Долорес вела домашнее хозяйство, Пакита исполняла тяжелые работы и ходила за птицами и скотом, мужчины возделывали поля и сад.

Каждое воскресенье маленькая колония ходила к обедне в маленькую церковь в бедной деревеньке на склоне горы, обращенном к Толедо.

Они были счастливы.

По прошествии нескольких месяцев обе женщины разрешились от бремени одна вскоре после другой.

Пакита первая произвела на свет крепкого мальчугана.

Через две недели Мария Долорес сделалась матерью прелестной девочки.

Пакита пожелала кормить обоих детей; она не сумела бы сказать, какого из малюток любила больше — своего собственного или ребенка госпожи.

На следующий год картина повторилась в точности. Опять Пакита родила первая и так же была кормилицей обоих детей.

Жена ньо Сантьяго, так как под этим именем ему — по важным, надо полагать, причинам —

заблагорассудилось скрываться, донья Мария Долорес, оттого ли, что чистый и свежий воздух гор пошел ей на пользу, или тихое счастье, которое она вкушала, притупило в ней тайное горе, мало-помалу окрепла, расцвела здоровьем и никогда не чувствовала себя бодрее.

Теперь же она имела приятнейшее развлечение, очаровательное для матери занятие — заботу о детях.

Девочки были прездоровые; с утра до ночи раздавался в саду, словно пение птиц, их звонкий и серебристый смех. Девочки и мальчики играли под бдительным надзором матерей, которые глядели на них с улыбкой.

Отец Санчес, бедный священник деревенской церкви, о которой упомянуто выше, молодой человек, полный веры, ума и доброты, взялся быть наставником детей и три раза в неделю приходил давать им уроки.

Это были веселые дни для маленькой колонии. Иногда достойный пастырь даже оставался на ночь.

На другое утро все провожали его до ущелья, которым кончалась долина, и глядели ему вслед, пока он не скроется из виду в извилинах горной тропы.

«Дворяне Толедских гор», как пышно величали себя обитавшие в горах разбойники, были люди, по своей природе не слишком обремененные совестью. Не питая никаких предубеждений, они абсолютно не уважали жизни ближнего. Сперва они с неудовольствием глядели на водворение чужого человека по соседству с их недоступными убежищами. Первая мысль, которая пришла им в голову, как вполне логичная с точки зрения их личного интереса, была та, что они имеют дело со шпионом.

Вследствие такого предположения они решились неустанно наблюдать за ним и безжалостно убить при первом же подозрительном действии с его стороны.

Наблюдение длилось целый год.

Достойные «горные дворяне», которые с утра до ночи не теряли лесника из виду, пришли по истечении этого долгого срока к такому заключению, что чужеземец нисколько о них не думает; они решили, что он нравственно больной, мизантроп, который удалился от подобных себе, словно от чумы, бежав в глубину лесов, чтобы жить вдали от людей, вероятно ему ненавистных.

вернуться

4

Алькальд — здесь: городской судья.

вернуться

5

Альгвазил — судебный исполнитель.

Тогда всякое наблюдение прекратилось.

Бандиты не только перестали наблюдать за ним, но и сочли долгом чести не стеснять такого мирного и безвредного соседа; они расступились направо и налево на несколько миль, предоставив ему полное владение его пустынной обителью.

Лесник прекрасно видел проделки своих соседей, «горных дворян», но из опасения напугать их прикидывался, будто ничего не замечает.

Позднее редкие, но абсолютно без всякой натяжки отношения понемногу завязались между двумя договаривающимися сторонами, по мере того как этого требовали необходимость или случай.

Например, не раз доводилось бандиту, которого преследовали, искать убежища в горном домике, и никогда он не встречал отказа. Однажды раненый разбойник получил приют, был перевязан и вылечен в семействе лесника, который, со своей стороны, однако, никогда не имел надобности прибегать за чем бы то ни было к своим соседям.

Из всего этого выходило, что настоящим королем Толедских гор оказался лесник и что невидимое, но бдительное и преданное покровительство постоянно охраняло его самого и его семейство.

Горе тому, кто в недобрый час поддастся бы искушению и осмелился нанести малейший вред леснику или его близким! Он не замедлил бы поплатиться жизнью за такой проступок.

Когда дочери ньо Сантьяго подросли настолько, что могли сопровождать отца и даже часто по прихоти, точно дикие лани, одни бегали по горам со своими молочными братьями одних с ними лет, это невидимое покровительство усилило свою бдительность, и никогда молодым девушкам не приходилось раскаиваться в своей смелости.

Когда в воскресенье маленькая колония долины отправлялась к обедне в деревушку на склоне горы, домик с отворенными окнами и отпертыми дверями стерегли одни собаки, и защищался он своей слабостью гораздо вернее, чем сильным гарнизоном.

Если случайно мимо проходил бандит, голодный или испытывающий жажду, он входил, чтобы перекусить и выпить рюмку вина, после чего продолжал путь, поставив все на место и приласкав собак, которые провожали его, виляя хвостами, до садовой калитки.

Вот каков был или, по крайней мере, каким казался человек, которого читатель теперь знает как владельца деревянного домика, и что про него говорили.

К тому дню, когда начинается наш правдивый рассказ, прошло шестнадцать тихих и безмятежных лет.

Кончив завтрак, ньо Сантьяго скрутил сигаретку, но вместо того чтобы пойти наверх в свою комнату для полуденного отдыха, как делал обыкновенно, он снова надел снятые сапоги, вскинул ружье на плечо и свистнул собак.

— Ты уходишь, Луис? — спросила его жена.

Она никак не могла привыкнуть называть его другим именем.

— Да, — ответил он, — я видел следы кабана; мне хотелось попробовать отыскать то место, где

он залег. Это старый кабан, которого, вероятно, спугнули наши горные соседи. Он, должно быть, укрылся где-то здесь.

— Лучше бы тебе остаться, Луис, — посмотри, небо заволакивает тучами, верно, собирается гроза; ты знаешь, как она страшна в горах.

— О! Раньше вечера она не разразится, а я вернусь часа через два, самое позднее — через три.

— Говорил ли вам, папа, отец Санчес, — сказала Христиана, — что король уже несколько дней как прибыл в Толедо?

— Говорил, крошка, да нам-то какое дело?

— Правда, но Хуанито уверял, будто слышал сегодня утром звук охотничьего рога в горах.

— Он не ошибся, крошка; я тоже слышал его.

— Ах! — вскричала донья Долорес. — Уже не двор ли выехал на охоту? Упаси нас Господи, чтобы сюда случайно не заехал сбившийся с пути охотник!

— Да нам-то что до этого, моя возлюбленная? Разве мы здесь не дома?

— Разумеется, но...

— Отбрось эти опасения, жена, мы здесь в большей безопасности, чем в севильском Алькасае б, к тому же я не думаю, чтобы двор охотился сегодня, мы вероятно слышали звуки рога наших соседей, они смелые охотники, как тебе известно; нет дичи, на которую они бы не пошли, — заключил он, смеясь. — Ну, до свидания!

— Не запаздывай, Луис, умоляю тебя! Сама не знаю, отчего мне сегодня так тяжело расстаться с тобой. Все время, пока ты не вернешься, я буду в смертельной тоске.

— Обещаю тебе, если не встретится чего-нибудь совершенно непредвиденного, вернуться до захода солнца; и тем вернее я буду дома, что в воздухе действительно пахнет грозой.

Он обнял жену и детей, свистнул собак, вышел из дома и быстрым шагом направился в сторону гор.

Охотники, однако, самые забывчивые люди на свете; стоит им напасть на след дичи, и они уже ни о чем больше не вспоминают.

Часы проходили; разыскивая следы зверя в чаще леса, лесник ни разу не подумал о возвращении домой.

Он неоднократно слышал, как гудел охотничий рог, но не обращал на это внимания. Он думал только о кабане и чувствовал сильную досаду, что никак не может увидеть его.

Давно уже зашло солнце, стало смеркаться, и с приближением ночи над горами нависла гроза.

Уже несколько раз беловатая молния пробегала по небу, глухо рокотал гром, и вдруг пошел дождь, мелкий, частый и необычайно сильный. Совсем стемнело.

Тут лесник вспомнил, что обещал жене вернуться до захода солнца; хотя и с опозданием, он, однако, поспешил исполнить данное слово.

Несмотря на мрак, он так хорошо знал местность, что не боялся сбиться с пути.

Итак, он шел со всей быстротой, какую допускала горная тропинка, когда сопровождавшие его собаки вдруг громко залаяли и невдалеке ему послышался звон оружия.

Не долго думая, он пустил собак по следу и бегом кинулся за ними.

Вскоре он вышел на узкую прогалину, среди которой спешившийся всадник, прикрываясь убитой лошадью, отчаянно оборонялся против шести разбойников, которые все разом напали на него.

Насколько мог судить лесник при свете молнии, всадник, весь в черном бархате, был благородного вида, бледный и худощавый, молодой человек, на наружности которого, правда немного бесцветной, лежал отпечаток невыразимого изящества и величия.

— Эй вы, молодцы! — крикнул лесник, обнажив свой охотничий нож и одним прыжком став по правую сторону всадника. — В какую же мы тут играем игру?

— Нью Сантьяго! — вскричали нападающие, узнав его голос.

Они отступили на шаг.

Всадник воспользовался минутой отдыха, чтобы перевести дух.

— Однако, приятель, — смеясь воскликнул один из разбойников, — хороший охотник не кидается на помощь зверю, когда тот загнан и осталось только положить его на месте. Дайте нам кончить свое дело; мы вмиг управимся.

— Клянусь Богом, я не допущу этого! — смело вскричал лесник. — Или вы положите на месте и меня вместе с ним!

— Полноте, нью Сантьяго, не вмешивайтесь не в свое дело, что вам до этого человека, которого вы совсем не знаете?

— Он мне ближний, и жизнь его в опасности; этого для меня достаточно, я хочу спасти его.

— Берегитесь, нью Сантьяго, у нас в горах есть страшная поговорка: пощадить чужестранца — значит, нажить неумолимого врага.

— Будет то, что угодно Богу, — великодушно ответил лесник, хотя сердце его непроизвольно сжалось от ужаса. — Я стану грудью за этого человека, пусть даже с риском для собственной жизни.

Воцарилось продолжительное молчание.

— Если вы непременно требуете этого, нью Сантьяго, — ответил наконец один из разбойников, — мы уйдем, так как не хотим отказать вам в первой вашей просьбе; но, повторяю, берегитесь этого человека. Прощайте, нью Сантьяго, мы остаемся друзьями. Ну, отправляйтесь скорее! — крикнул он своим товарищам.

Разбойники скрылись во мраке, и лесник остался один возле человека, которого спас таким необычным образом.

вернуться

Алькасар — крепость, дворец.

ГЛАВА II. Несколько неприятных часов в Толедских горах

От истощения сил, а может быть, также, от волнения, пережитого во время неравной, храбро вынесенной им борьбы с разбойниками, незнакомец упал на землю и лежал без чувств. Первой заботой лесника было оказать ему помощь и как-нибудь восстановить его силы.

Подобно всем охотникам, ньо Сантьяго всегда носил на поясе флягу с водкой.

Раскупорив ее, он влил несколько капель в рот незнакомцу-

Этого было достаточно, чтобы привести его в чувство. Он приподнялся и с помощью охотника встал на ноги.

— Вы ранены, сеньор? — спросил с участием ньо Сантьяго.

— Не думаю, — ответил тот слабым голосом, — быть может, я и получил рану, но ничего серьезного.

— Слава Богу! Как же, однако, случилось, что я нашел вас в таком критическом положении?

— Сегодня в этих лесах охотился король.

— А!

— Я принадлежу к свите короля, увлекся, гоняясь за зверем, и заплутал в лесу...

— Где на вас напали шестеро разбойников, с которыми одному вам бы не справиться!

— Но Бог послал вас ко мне на помощь.

— Да, — с улыбкой сказал лесник, — кажется, пора было помочь вам.

— Так пора, сеньор, что без вас я был бы теперь уже убит; вам я обязан жизнью и не забуду этого.

— Полноте, стоит ли помнить такую пустяшную услугу! Я сделал для вас то, что готов сделать для каждого.

— Очень может быть, но это только доказывает, что вы человек с благородной душой, что нисколько не уменьшает мою благодарность вам. Я богат, могуществен, имею вес при дворе; я многое могу сделать для своего спасителя.

— Забудьте меня, кабальеро, вот все, о чем я вас прошу. Благодарение Богу, я не нуждаюсь ни в чьем покровительстве. Мне достаточно моего небольшого состояния. Я счастлив в своей смиренной доле; всякая перемена только омрачит мой ясный небосклон.

Незнакомец вздохнул.

— Вы, кажется, страдаете? — с живостью вскричал лесник. — Силы ваши истощены

усталостью, быть может, голодом! Гроза не утихает; нам нельзя оставаться здесь дольше, необходимо куда-нибудь укрыться. Полагаете ли вы, что отыщете сборное место охоты?

— Не знаю; этот лес и горы мне совсем не знакомы.

— В таком случае вам нельзя идти в эту темь на поиски, это было бы опасно. Чувствуете ли вы себя теперь в силах идти?

— Да, я совсем бодр; дайте мне еще немного водки из вашей фляги, и я оправлюсь окончательно.

Лесник подал ему флягу. Незнакомец выпил глоток и вернул флягу.

— Теперь я готов идти за вами, — сказал он, — куда мы направляемся?

— Ко мне.

— Далеко это?

— Да с милю будет... Только предупреждаю вас, дорога адская.

— Ничего, я привык рыскать по горам днем и ночью.

— Тем лучше. В путь!

— Признаться, и я буду рад поскорее добраться куда-нибудь; все платье на мне промокло насквозь, и я окоченел от холода.

— Так идем!

Незнакомец наклонился к своей лошади, вынул пистолеты из седельных сумок и заткнул их за пояс.

— Бедный Сайд! — сказал он. — Такое благородное животное — и убито презренными разбойниками!

— Не жалуйтесь, сеньор; его смерть спасла вас, дав вам возможность укрыться за его телом.

— Это правда...

Они оставили прогалину и вошли в лес. Несмотря на уверения незнакомца, он только благодаря сверхъестественным усилиям мог следовать за лесником; на каждом шагу он готов был свалиться наземь.

Вскоре ньо Сантьяго заметил, как он слаб, несмотря на его возражения взял его под руку, и они пошли рядом, только немного медленнее.

— Домой, мои красавчики! — крикнул лесник своим собакам. — Домой! Бегите предупредить наших!

Собаки бросились в чащу леса со всех ног, точно поняли, что поручал им хозяин.

Однако Бог положил человеческим силам предел, за который они заходить не могут. При всем невероятном усилии воли незнакомец наконец почувствовал, что даже при помощи лесника не

только шага не может дальше ступить, но и просто держаться на ногах.

Со вздохом отчаяния он тяжело опустился к ногам спутника, не в обмороке, но от истощения сил, несмотря на львиную храбрость.

Лесник быстро наклонился к нему, приподнял и усадил, прислонив спиной к стволу упавшего от старости дерева.

Гроза усиливалась с каждой минутой; то и дело сверкали молнии; небо с одного края небосклона до другого казалось громадным огненным шатром зловещего бледно-желтого цвета.

Раскаты грома следовали один за другим неумолкаемо; буря завывала с неистовой яростью, хлеща по ветвям, крутя и ломая деревья, как соломинки, и увлекая их, чтобы кружить в воздухе, продолжая бешено нестись дальше; дождь, уже превратившийся в настоящий ливень, залил дорогу по колено; стремительные потоки с оглушительным ревом падали с горных вершин, унося и опрокидывая все на своем пути, разрушая тропинки и вымывая землю, образуя при этом глубочайшие ямы.

Это величественное выражение Божьего гнева представляло собой зрелище ужасающей красоты.

Будь лесник один, он за несколько минут добрался бы до дома, но ему не хотелось бросать своего спутника, хотя он вовсе не заблуждался относительно опасности их положения; оставаться дольше там, где они находились, было все равно что обречь себя на неизбежную и страшнейшую смерть.

Он наклонился к незнакомцу.

— Взбодритесь, сеньор, — сказал он ему ласковым голосом, каким говорят с детьми и больными.

— Не бодрости мне недостает, сеньор, — возразил тот, — мои силы вконец истощены — я и пальцем не могу пошевелить.

— Попробуйте встать.

— Напрасно было бы, холод леденит меня; он проник мне в сердце; я словно параличом разбит.

— Что делать? — пробормотал лесник, в отчаянии ломая руки.

Это был человек с прекрасной и благородной душой, из тех избранных натур, решительных и энергичных, которые до последнего вздоха борются с неодолимыми преградами и сдаются только мертвые.

— Бросьте меня, сеньор, — сказал незнакомец голосом, который явно слабел, — не противьтесь долее преследующему меня року; вы сделали все, что только в человеческих силах, чтобы спасти меня, и если вам не удалось, то только потому, что мне суждено умереть.

— Ах! Если вы поддаетесь отчаянию, то мы погибли! — вскричал Сантьяго в смятении.

— Я не отчаиваюсь, мой друг, мой спаситель, я просто смиряюсь перед волей судьбы! Я уповаю на Божье милосердие! Я чувствую, что скоро пробьет мой последний час; Господь простит мне,

я надеюсь, грехи за мое искреннее раскаяние и покорность Его грозному приговору.

— Все пустяки, сеньор! Господь — да благословенно Его имя! — тут не при чем. Будьте мужчиной, вставайте! Через десять минут мы достигнем надежного убежища — мой домик находится в двух ружейных выстрелах от этого места, где мы остановились так некстати.

— Нет, сеньор, повторяю, я не в силах сделать ни малейшего движения, я совсем ослабел. Бросьте меня, бегите и спасайтесь сами, пока еще есть возможность.

— Вы жестоко оскорбили бы меня своими словами, сеньор, если бы не находились в таком жалком состоянии.

— Простите, сеньор, протяните мне руку и, умоляю вас, уходите, уходите скорее! Кто знает, не поздно ли будет через минуту? Повторяю вам, все ваши усилия спасти меня будут тщетны, бросьте меня здесь...

— Нет, я не брошу вас, сеньор; мы спасемся или погибнем вместе, клянусь Богом и честью... — он вдруг остановился и поспешно закончил: — ...лесника! Мне не впервые находиться в подобном положении. Взбодритесь, сеньор! Посмотрим, что одержит верх, грубая слепая стихия или венец создания — человек, сотворенный по образу Божию, с умом и волей. Ей-Богу, мы спасемся вместе или вместе погибнем! Я понесу вас на плечах, если вы не можете идти сами.

И говоря таким образом с притворной веселостью, лесник, не слушая более возражений незнакомца, поднял его, как ребенка, на свои могучие руки, с легкостью перекинул через плечо и отважно пустился в путь, опираясь на ружье. Он твердо решил скорее пожертвовать жизнью, чем подло бросить того, кого уже спас от смерти так великодушно.

Началась смертельная борьба человеческой воли против безумных, свирепых, будто вырвавшихся на волю слепых сил природы.

Каждый шаг стоил леснику сверхъестественных усилий, особенно из-за той тяжести, что лежала у него на плечах. Он шел, шатаясь, точно пьяный, спотыкаясь, и по колено уходил в вязкую грязь, ежеминутно опасаясь увязнуть в ней с головой. Ветви хлестали и царапали ему лицо, дождь бил в глаза и ослеплял его, от бури захватывало дух и мутилось в голове.

Однако он не унывал и только удваивал усилия; он упорно не бросал своего спутника, теряя и вновь отыскивая дорогу по несколько раз за минуту, среди этого страшного хаоса восставшей против него разъяренной стихии.

За полчаса он продвинулся вперед всего на какую-нибудь сотню шагов.

Тут он с ясностью мыслей человека, принявшего непоколебимое решение, хладнокровно подсчитал, что если б он даже не разбился на дне пропасти, не был увлечен потоком или не выбился окончательно из сил — а холодный пот и теперь уже выступал у него на лбу от изнеможения, — ему понадобится ровно семь часов на то, чтобы добраться до дома таким образом, разве только к нему подоспеют на помощь.

— На Божью волю! — прошептал он. — Господь везде и во всем. Да будет то, что решил Он в своей премудрости. Но я не прекращу борьбы, пока есть силы, и буду отстаивать жизнь до последней минуты... но далеко ли до нее?

Он подавил вздох и удвоил усилия, и без того уже невероятные. Прошло еще несколько минут.

Незнакомец неподвижной массой висел на плече лесника и не подавал никаких признаков жизни. Он или умер, или лишился чувств.

Вдруг невдалеке раздался бешеный лай.

Лесник остановился; он несколько раз глубоко вздохнул, перевел дух, и радостная улыбка озарила его мужественное лицо.

— Вот мои славные собаки! — воскликнул он. — Мы спасены!

Он собрал последние силы и крикнул зычным голосом, который перекрыл на мгновение рев и грохот бури:

— Эй, красавчики! Сюда, сюда!

Собаки ответили лаем еще более сильным и вскоре показались в сопровождении двух человек с факелами, которые следовали за ними на некотором расстоянии.

— Слава Господу, вот наконец и вы! — вскричали они почти с благоговейной радостью — так боготворили своего хозяина.

— А это кто? — удивился Педро.

— Человек, которого я спас... Он очень нуждается в помощи, друг мой.

— Сеньора так и думала, что случилось нечто в этом роде, — в сердцах заметил Хуанито.

— Сеньора! Неужели она вышла в такую страшную погоду? — с живостью вскричал Сантьяго.

— Нет, нет, сеньор, не извольте беспокоиться; но и стоило же нам труда удержать ее!

— Достойная, святая женщина! — прошептал лесник.

— Однако, сеньор, отсюда надо поскорее убираться подобру-поздорову.

— Да, да, поспешим; этот несчастный в самом жалком положении.

— Бренная наша жизнь! — пробормотал Хуанито, который отчасти был философом. — Ба-а! После нас хоть трава не расти! — заключил он.

Незнакомца тихонько опустили на землю. Лесник наклонился к нему и пощупал пульс, — он был слаб, но ясно прощупывался. Очевидно, несчастный лишился чувств, но не умер.

Лесник весело поднял голову.

— Мы спасем его! — радостно вскричал он.

— Аминь! — отозвались слуги.

— Живее, надо устроить носилки.

— О, это не займет много времени!

— Особенно если тотчас примемся за дело.

Собаки лизали незнакомцу лицо и тихо, жалобно скулили.

Эти ласки привели его в чувство; он открыл глаза.

— Боже мой! — прошептал он. — Я думал, что умер.

— Но, по счастью, ошиблись, — весело ответил лесник.

— Ах! И вы тут, мой спаситель!

— Все тут.

— Вы не бросили меня?

— Бросить вас? Полноте, видно, что вы меня не знаете.

— Вы спасли меня во второй раз!

— И на этот раз окончательно, будьте спокойны.

— Как мне отплатить вам?

— Ничего не может быть легче, я уже говорил вам.

— Не говорите со мной таким тоном!

— Отчего же? Позвольте мне говорить с вами откровенно, чтобы положить конец всякому изъявлению благодарности с вашей стороны.

— Говорите.

— Вы воображаете, что я спас вас и затратил столько усилий исключительно только ради вас?

— Для чего же тогда?

Полноте, вы с ума сошли, сеньор! Я вас не знаю, понятия не имею, кто вы, да и знать не хочу. Я сделал все единственно для себя, из чистейшего эгоизма, для своего Удовольствия, наконец. Моя страсть — оказывать услуги; это мания, если хотите, как и любая другая. У каждого свой конек; это — мой, вот и все тут.

— Какой вы странный человек!

— Да уж каков есть, не извольте гневаться.

— Вы, должно быть, жестоко страдали, если дошли до того, что холодно излагаете подобные мысли, против которых возмущается даже ваше собственное сердце.

— Кто знает! Быть может да, быть может — нет... но теперь речь не о том. Как вы себя чувствуете?

— Лучше, гораздо лучше, я даже думаю, что в состоянии идти.

— Это заблуждение; вы еще слишком слабы, чтобы я согласился на это... Вот и носилки для вас готовы, мы тихонько переложим вас на них и с Богом отправимся в путь.

— О! Могу вас уверить...

— Ничего не хочу слушать, повинуйтесь.

По знаку лесника двое слуг осторожно переложили незнакомца на носилки, потом взяли каждый за один конец и подняли их.

Двинулись в путь.

Собаки уже убежали вперед — вероятно, чтобы дать знать оставшимся в доме о приближении хозяина.

Лесник сказал правду: расстояние до его домика было совсем не велико; они добрались до него менее чем за четверть часа.

Женщины стояли в тревожном ожидании в дверях домика, освещенные факелом, который держала Пакита.

Увидев носилки, донья Мария испустила крик ужаса и бросилась было к ним.

Она подумала, что случилось несчастье с ее мужем.

Но тот, угадав, что происходило в сердце жены, поспешил к ней и крепко обнял ее.

Велика была радость всех членов семейства, когда они опять были вместе после долгих часов мучительного ожидания.

По распоряжению доньи Марии яркий огонь горел в камельке и сухая одежда была приготовлена для пострадавших путников.

Как только слуги внесли в дом носилки, дамы ушли, чтобы дать путникам переодеться.

Незнакомец вскочил на ноги с живостью, которой нельзя было ожидать после полного его изнеможения за несколько минут до этого.

Лесник немедленно приступил к обязанностям сиделки и, даже не сменив своего мокрого платья, поспешил оказать незнакомцу с ловкостью и проворством, удивительными в таком человеке, самые заботливые и нежные попечения.

Раздев его, он велел докрасна растереть ему все тело суконкой, пропитанной водкой, потом сам надел на него теплую и сухую одежду, дал ему укрепляющее средство и усадил в кресло подле пылающего камелька.

— Теперь не трогайтесь с места, пока я не вернусь, — сказал он, — грейтесь; через десять минут вы точно переродитесь, предсказываю вам.

— Клянусь, я чувствую себя отлично.

— Вам сейчас будет еще лучше и я надеюсь, что вы отдадите должное ужину.

— Ужину? — переспросил незнакомец, улыбаясь.

— Что ж, черт возьми! Разве вы думаете, что мы останемся без ужина? Мы с вами, кажется, умираем с голоду.

— Право не знаю, мой любезный хозяин.

— В котором часу вы ели в последний раз?

— Часов в восемь утра, но что-то голоден не был и едва отведал завтрак.

— Так и есть, вы потеряли силы от недостатка пищи, — не спорьте, ваша частая зевота ясно изобличает страдание желудка! Вы будете есть, повторяю, и с большой охотой.

— Я буду делать то, мой любезный хозяин, что вам угодно.

— Вот это хорошо! Теперь вы благоразумны. Не теряйте терпения в мое отсутствие, я мигом вернусь.

— Здесь вы хозяин. Прошу вас передать дамам мои извинения за беспокойство, которое невольно причинил им, и за хлопоты, которые наделал теперь.

— Вы сами исполните свое поручение, сеньор; вы увидите дам за ужином.

Он сделал знак слугам вынести носилки, взял мокрую одежду незнакомца, чтобы высушить на кухне, и вышел.

Оставшись один, незнакомец осмотрелся вокруг, потом опустил голову на грудь, нахмурил брови и погрузился в глубокую задумчивость.

«Из всей моей свиты, — пробормотал он про себя, — ни один не подумал отыскивать меня! Все они бросили, низко бросили меня, а ведь этих людей я осыпал почестями, богатством! Кто знает, не хотели ли они избавиться от меня? О! Если б я удостоверился в этом! Увы! Я один, всегда один! Никто не любит меня!.. Без этого человека, которого судьба послала мне на помощь, мое мертвое тело лежало бы теперь разбитое на дне какого-нибудь обрыва этих проклятых гор. О Боже, Боже мой!.. Но какое странное обращение у этого человека! Кто он?.. Он не имеет ни малейшего сходства с надушенными марионетками, которых я знавал до сих пор. В нем что-то могущественное, благородное, непостижимое для меня. Я узнаю, что это за человек».

Легкий шум заставил его поднять голову. Перед ним стояла прелестная девушка.

Незнакомец хотел приподняться.

— Не вставайте, кабальеро! — с живостью произнесла она нежным и благозвучным голосом. — Извините, что я потревожила вас.

— Я задумался, сеньора, — ответил он с бледной улыбкой, — все, что происходит со мной уже несколько часов, так необычно!.. Господь спас меня и теперь прислал ко мне одного из своих ангелов; да будет благословенно имя Его!

— Это чересчур лестный отзыв о такой скромной девушке, как я, сеньор, — возразила она, краснея.

— Лестный? О нет, сеньорита! Я говорю то, что думаю; разве не обязан я жизнью вашему отцу?

— Это большая радость для нас; папа такой добрый! Но я просила бы вас не беспокоиться, я только пришла накрыть стол для ужина.

— Я не помешаю вам, сеньорита, прошу только об одной милости.

— О милости, сеньор?

— Назовите мне свое имя.

— Меня зовут Христианой... а вот и моя сестра Лусия, — прибавила она, указывая на молодую девушку, которая входила с целой горой посуды.

— Христиана, Лусия... благодарю, сеньорита, я запомню, — ответил гость с глубоким чувством.

В эту минуту в гостиную вошла Мария Долорес и с участием осведомилась о его состоянии.

Незнакомец воспользовался случаем, чтобы выразить ей свою искреннюю признательность и в то же время извиниться за хлопоты, невольно причиненные обитателям этого мирного жилища.

Вмиг стол был накрыт, и на нем появились дымящиеся блюда самого аппетитного вида.

— Сядем скорее за стол, любезный гость, — весело сказал лесник, входя в комнату, — мы с вами, кажется, заслужили хороший ужин; а вы что думаете об этом?

— Я думаю, — возразил с улыбкой незнакомец, — что вы — очаровательнейший эгоист, какого я видал, и семейство у вас прелестное.

— Быть может, вы и правы, но не надо давать ужину остыть.

Все сели за стол; лесник прочел молитву, и все с усердием приступили к давно ожидаемой трапезе.

Случайно незнакомец сидел напротив Христианы. Он не мог поднять глаз, чтобы не встретиться взглядом с молодой девушкой.

По-видимому, он совсем оправился; увлеченный примером других, он прогнал мысли, которые печалили его, и выказал себя таким, каков был на самом деле, то есть веселым, остроумным, приятнейшим собеседником с манерами человека высшего круга. С бодростью к нему вернулся и аппетит.

Ужин оживлялся веселыми шутками лесника, который хотя и не показывал, но в душе был очень рад, что спас жизнь такому благородному человеку, каким казался его гость.

Незнакомец встал из-за стола совсем другим человеком, нежели сел за него.

Он не знал, чему приписать такую счастливую перемену, которая изумляла его самого.

Он с изысканной вежливостью простился с дамами, и хозяин проводил его в комнату на нижнем этаже, приготовленную для него.

В камине горел огонь; одежда незнакомца сушилась, разложенная на стульях.

Лесник пожал руку незнакомцу и ушел, пожелав ему доброй ночи.

С этим человеком несчастье вошло в скромный домик, где в течение стольких лет царили мир и спокойствие.

Грозы в горах редко бывают продолжительны. Разбушевавшаяся стихия за несколько часов истощает свою неистовую ярость, и все вокруг быстро приходит в обычное, так внезапно нарушенное равновесие. На другое утро светило яркое солнце; в воздухе стояла тишина, небо было голубое, утренний ветерок слегка шелестел ветвями, усыпанными росинками, и распространял острый, но благовонный запах, который издает земля после бури.

На рассвете лесник давно уже был на ногах. Он вышел на порог своего дома и с удовольствием огляделся вокруг, потом направился к конуре, вероятно с намерением дать свободу своим собакам, которые, почуяв приближение хозяина, наперебой приветствовали его громким лаем.

В ту же минуту отворилось окно. Лесник обернулся и увидел незнакомца, который дружески кланялся ему.

— Уже встали? — весело осведомился ньо Сантьяго.

— Как видите, любезный хозяин, — ответил тем же тоном гость. — И как видите, совсем уже одет.

— Уж не плохо ли вы спали, чего доброго?

— Я-то? До утра не просыпался.

— Это хорошо! И как вы себя чувствуете?

— Никогда не бывал бодрее.

— Тем лучше.

— Вы идете куда-нибудь?

— Да, собираюсь... а что?

— Я желал бы поговорить с вами.

— Кто же вам мешает? Хотите, я зайду к вам?

— Нет, лучше я выйду, если вам все равно.

— Как знаете. Я вас жду.

Пока незнакомец затворял окно, лесник отпер конуру и не знал, как отделаться от чересчур горячих ласк собак, которые от радости, что видят его, прыгали ему чуть не на плечи.

— Славные животные, — заметил незнакомец.

— По крайней мере, они искренни; их привязанность вознаграждает меня за лицемерие и людскую злобу, — заметил лесник с насмешливой улыбкой.

— Все те же странные речи!

— Почему же мне так не говорить, если это мои мысли, мой любезный гость?

— Так я повторю вам, что вы, должно быть, много страдали, если дошли до такого состояния духа.

— А я отвечу вам, как вчера: кто знает?.. Но оставим этот разговор, который завел бы нас далеко. Вы желали переговорить со мной?

— Действительно.

— Ничего легче быть не может. Я беру ружье и даю вам другое; в ожидании завтрака мы настреляем рябчиков и на охоте потолкуем, согласны?

— Очень хотел бы, но, к несчастью, это невозможно, — с подавленным вздохом сказал незнакомец.

— Как невозможно? Почему же? Разве вы еще чувствуете утомление? В таком случае я, разумеется, настаивать не стану.

— Нет, — покачав головой, возразил незнакомец, — нет, дело вовсе не в этом.

— В чем же тогда?

— Я должен покинуть вас.

— Уже? Полноте! Вы, должно быть, шутите.

— Нет, любезный хозяин, к несчастью, не шучу. Я уже говорил вам, что принадлежу ко двору; мои обязанности требуют моего немедленного возвращения в Толедо к королю.

— Правда, я и забыл про это, не стану настаивать более, мой любезный гость. Войдем в дом, я велю подать вам чашку горячего молока и кусок хлеба, а там — с Богом, и в путь.

В ту минуту, когда они вошли, Христиана с сестрой, как бы угадав, зачем мужчины вернулись в дом, ставили на стол чашки с горячим молоком, от которых поднимался густой пар.

— Эти прелестные дети — две очаровательные волшебницы, — сказал, улыбаясь, незнакомец.

— Это просто добрые девушки, — резко заметил лесник.

И он прошел в другую комнату. — Позвольте мне, сеньориты, — обратился тогда незнакомец к молодым девушкам, но более к Христиане, — поблагодарить вас еще раз за все внимание ко мне, пока я имел счастье находиться под вашим кровом; я ухожу.

— Уходите? — вскричала Христиана, но вдруг остановилась, покраснела и в смущении опустила голову.

— Увы! Это необходимо, — ответил он с чувством, — и быть может, навсегда.

— Навсегда! — прошептала молодая девушка почти невольно.

— Но, — продолжал незнакомец, — я сохраню в сердце дорогую память о вашем... — и, тотчас спохватившись, договорил, — о жителях этого дома.

— Аминь! — заключил лесник, который в эту минуту показался в дверях.

Девушки убежали, точно испуганные голубки.

— Теперь пора и в путь, — сказал лесник, когда выпил чашку молока, приготовленную для него, и увидел, что незнакомец также кончил свою порцию.

Ньо Сантьяго взял ружье, и они вышли в сопровождении собак, прыгавших вокруг них.

У калитки сада стоял Педро, держа оседланную лошадь под уздцы.

— Садитесь на лошадь, любезный гость, — весело сказал лесник.

— Как?

— Да ведь вы в шести милях от Толедо! Такой ходок, как вы, пешком не доберется за целые сутки, а верхом вы будете на месте как раз к выходу короля, если его величество — да хранит его Господь! — имеет привычку вставать рано.

— Да, это правда.

— Ну, теперь еще нет и шести. В восемь вы будете в Толедо, не особенно спеша. Полноте, не стесняйтесь со мной, мой любезный гость, и примите мое предложение.

— Принимаю, но с условием.

— Каким?

— Что вы позволите мне самому привести к вам назад вашу лошадь.

— Я не вижу к тому никаких препятствий.

— Так решено, благодарю вас... Но где же донья Мария?

— Торопитесь с отъездом; она спит, вы увидите ее, когда вернетесь.

Они отправились вместе, потому что лесник непременно хотел проводить своего гостя до входа в долину, чтоб указать ему дорогу, и тот принял эту услугу с признательностью.

Если бы незнакомец оглянулся в минуту отъезда, быть может, он увидел бы приподнятую занавеску в окне второго этажа и очаровательную белокурую головку, немного бледную, но с мечтательной улыбкой на алых губках.

Это Христиана, невидимая и задумчивая, присутствовала при отъезде незнакомца.

Во время пути мужчины разговаривали между собой о посторонних вещах. Когда они достигли того места, где надлежало расстаться, лесник указал незнакомцу направление, которого тот должен был держаться; впрочем, в нем трудно было ошибиться, необходимо было только все время ехать под гору.

— Теперь прощайте, мой любезный гость. Доброго пути!

— Прощайте и еще раз благодарю.

— Полноте!

— Одно слово!

— Что такое?

— Я один из первых сановников при короле.

— Очень рад за вас, если это вам приятно.

— Если бы, несмотря на свое желание, я был вынужден долго оставаться в отсуствии и... ведь неизвестно, что может случиться, не так ли?

— Так, но что же из этого?

— На случай, если бы вам понадобилась моя поддержка в чем бы то ни было, обращайтесь прямо в королевский дворец, назовите себя и спросите дон Фелипе.

— Кто этот дон Фелипе?

— Я, — улыбаясь, ответил незнакомец.

— Гм! Вы, должно быть, очень известны, если достаточно назвать вас по имени при большом дворе, который кишмя кишит звонкими титулами.

— Я действительно очень известен, — ответил незнакомец, слегка покраснев, — вы удостоверитесь в этом сами, если навестите меня. Сегодня же будет отдано приказание, чтобы вас тотчас провели ко мне, в какое бы время вам ни заблагорассудилось приехать. Вы не забудете?

— Как можно? Но маловероятно, чтобы я стал отыскивать вас при дворе; если вы желаете видетсья со мной, вернее будет вам приехать сюда.

— И я, в свою очередь, запомню это. До свидания, любезный хозяин.

— До свидания, сеньор дон Фелипе; поручаю вам мою лошадь.

— Будьте спокойны, я поберегу ее.

Они еще раз махнули друг другу рукой на прощание, и дон Фелипе, так как это было имя незнакомца, ускакал прочь.

С минуту лесник следил за ним взглядом, после чего вернулся в долину. Стая куропаток поднялась перед ним, и он весело занялся охотой.

Прошло несколько дней. Ничто, по-видимому, не изменилось в мирной и тихой жизни обитателей лесного домика, однако теперь уже было не то, что прежде: донья Мария имела вид озабоченный, Христиана задумчивый, Лусия больше не смеялась, что же касается ньо Сантьяго, то он напрасно ломал себе голову, отыскивая причину всему этому, и страшно сердился, что не находит ее.

По прошествии десяти дней однажды за завтраком лесник вдруг спросил Педро, который стоял за его стулом:

— Давно ты имел известие о сыновьях?

— Довольно давно, сеньор.

— Где они?

— Старший, Мигель, пошел в моряки, как я вам докладывал, сеньор; он отправился из Байоны по морям-океанам.

— А другой?

— Перико?

— Ну да.

— Он на родине, как вам известно, сеньор, у наших родителей.

— Видно, не хочет быть моряком?

— О! Это истый горец! Я ждал от него письма и удивляюсь, что до сих пор не получил.

— Постой, завтра я поеду в Толедо и справлюсь; можешь быть спокоен.

— Благодарю, сеньор.

— Кстати, мне хочется узнать, что случилось с моей лошастью — кажется, этот дон Фелипе не церемонится со мной.

— Разве с друзьями церемонятся? — раздался тихий голос в дверях.

Все с изумлением обернулись. Женщины едва удержались, чтобы не вскрикнуть от испуга.

Дон Фелипе стоял на пороге, спокойный, улыбающийся, со шляпой в руке.

Он низко поклонился.

— Привет и доброго здоровья всем! — сказал он.

— Ей-Богу! Вы не могли явиться более кстати, дон Фелипе! — вскричал лесник. — Я как раз поминал вас.

— Слышал, — с улыбкой ответил тот.

— Мы только что сели за стол; милости просим позавтракать с нами. Педро, прибор.

— С удовольствием принимаю приглашение.

И гость сел между двумя девушками, которые, как бы по безмолвному соглашению, раздвинули свои стулья, чтобы дать ему место.

— Я привел назад вашу лошадь, любезный хозяин, — сказал дон Фелипе, как только сел, — не беспокойтесь о ней; я попросил бы моего друга Педро отвести ее на конюшню вместе с моей.

— А где же лошади, сеньор? — спросил ньо Сантьяго.

— Мой слуга держит их у калитки сада.

— Педро, — приказал лесник, — позаботься о слуге этого сеньора.

Педро поклонился и немедленно вышел.

Веселость и оживление, так давно исчезнувшие из дома, точно вернулись вместе с гостем.

Губы улыбались, глаза блистали, разговор был оживлен. Дон Фелипе очаровывал остроумием и веселостью. Он говорил про Толедо, про двор и вельмож, окружавших короля, как человек посвященный во все тайны придворного быта; он ловко передавал забавные анекдоты; словом, добродушно-свободным обращением, которое никогда не переступало границ приличия и хорошего вкуса, и слегка насмешливым, но всегда утонченным умом приводил в восторг своих слушателей, которые все время находились под обаянием его живой, меткой и увлекательной речи.

Часы летели, словно минуты.

Но в конце концов пришла пора расставаться, хотя дону Фелипе, по-видимому, так нравилось это милое семейство, что он всячески отдалял минуту отъезда.

В три часа, однако, ему необходимо было уехать; его звание обязывало его прибыть ко двору не позднее шести часов.

Итак, он отправился в путь, дав слово опять приехать, и хозяева усердно просили его не забывать своего обещания.

Дон Фелипе вернулся опять. Сперва он приезжал раз в неделю, потом по два раза и, наконец, ежедневно.

С каждым разом его посещения становились продолжительнее; казалось, ему стоило большого труда отрывать даже на несколько часов от своих новых друзей.

Они же, со своей стороны, питали к нему искреннюю и глубокую привязанность.

Надо отдать дону Фелипе справедливость, что он делал все на свете, дабы угождать всем и каждому.

Он охотился с лесником, беседовал о духовных предметах с доньей Марией, которая была чрезвычайно набожна, смеялся, пел, играл и бегал с молодыми девушками, был щедр и обходителен со слугами и даже искал дружбы собак, кормя их пряниками.

Чего же больше?

Однажды дон Фелипе объявил, что не появится целых три дня по непредвиденному случаю. Его величество король Филипп IV должен был принять посланника французского короля, прибывшего в Толедо накануне. Хотя двор изначально переехал в город всего на несколько дней, он словно окончательно основал тут свое пребывание; по крайней мере, уже целых пять месяцев король испанский жил в Алькасааре — дворце мавританских владык.

Не знали, чему приписать это внезапное расположение короля к Толедо, но жители провинции, равно как и города, оставались очень довольны продолжительным пребыванием двора, так как оно оживляло торговлю и вдобавок ко всему принесло ту выгоду, что Толедские горы избавились от разбойников, до тех пор процветавших там в полной безнаказанности, нанося большой ущерб мирным городским и окрестным жителям.

На другой же день после охоты, о которой мы упоминали, несколько отрядов войска обложили гору, а другие в то же время изъездили весь лес вдоль и поперек. Разбойники были захвачены все до одного и вздернуты на виселицу без дальних околичностей.

Итак, дон Фелипе уехал, объявив, к огорчению всего семейства лесника, что визит французского посланника задержит его на целых три дня, но на четвертый день он прискачет во весь дух к своим добрым друзьям.

Прошло двое суток. Утром на третий день отец Санчес, достойный наставник молодых девушек и преданный друг семейства, сходил со своего мула у садовой калитки. Все кинулись к нему навстречу, однако добрый пастырь казался печален и озабочен.

В то время это был человек лет тридцати пяти, со строгим лицом и величавой речью, преждевременно состарившийся от перенесенных мук и страданий — как душевных, так и телесных.

Посещение священника в этот день вовсе не входило в его привычки — уже с год он не проводил занятий с молоденькими девушками, образование которых было закончено; раза два-три в месяц, никак не более, он приезжал, чтобы провести несколько часов в семействе лесника, а между тем не прошло и пяти дней со времени последнего посещения достойного пастыря. Дамы очень обрадовались ему, однако не знали, чему приписать посещение отца Санчеса, образ жизни которого был по преимуществу точный и определенный.

Пожимая руку хозяина, священник шепнул ему:

— Найдите предлог, чтобы нам остаться наедине, мне нужно переговорить с вами о важном деле.

— Знаете что, отец Санчес, — громко ответил ему ньо Сантьяго, — ведь еще рано, чтобы запирацца с дамами, не лучше ли вам пройтись со мной по долине? Дичи теперь бездна; быть может, мы и подстрелим кое-что к обеду.

— Вы — пожалуй, любезный сеньор, только не я! Ведь я никогда не охочусь, как вам известно, — возразил пастырь с кроткой улыбкой, — однако, если вы желаете, я охотно пойду с вами; мне будет полезно размяться после долгой дороги верхом.

— Идите, сеньор падре, — сказала донья Мария, — но не задерживайтесь надолго! В особенности не давайте мужу завлечь вас далеко; помните, что мы ждем вас с нетерпением.

— Мы вернемся не позднее чем через час, не так ли, ньо Сантьяго?

— Когда вам будет угодно, сеньор падре.

— Вот это умно сказано, — похвалила донья Мария, — желаю удовольствия, господа.

Мужчины ушли. Пока их можно было видеть из дома, они говорили исключительно о посторонних предметах, но после нескольких поворотов они достигли густого леса, под сенью которых, внимательно наблюдая, что происходит вокруг, могли беседовать, не боясь, чтобы их подслушали или застигли врасплох.

Лесник растянулся на траве и знаком предложил священнику располагаться возле него; собакам он велел сторожить.

- Ну, отец Санчес, теперь я готов слушать, — сказал он, — что вы хотите мне сообщить, мой добрый старый друг?
- Я только хочу рассказать вам одну историю, — ответил священник своим приятным голосом.
- Историю?
- Да, друг мой, — с тонкой улыбкой подтвердил отец Санчес, — разумеется, вы вольны извлечь из нее заключение, какое найдете нужным.
- Ага! Очень хорошо понимаю, сеньор падре! Говорите же, я вас слушаю.
- Итак, друг мой, — начал пастырь, — жил-был некогда великий испанский король по имени Филипп, не помню — первый ли, второй, третий или четвертый по порядку престолонаследия.
- Не суть важно, сеньор падре, продолжайте. Итак, вы говорите?..
- Я говорю, что король этот Филипп — который именно, ровно ничего не значит в этом деле — был охотник путешествовать, и разъезжал он, если верить хронике...
- Не «Современной хронике» Тюриена 7, надеюсь?
- Я боюсь, что именно ей; итак, разъезжал король единственно для того, чтобы избавиться от докучливости своего первого министра, которого он ненавидел, однако последний был настолько всемогущ, что иначе его величество не мог спастись от него. Вышеупомянутый король прибыл однажды в добрый свой город Кордову.
- Или Толедо, — посмеиваясь, подсказал лесник.
- Что вы хотите сказать, друг мой? — вскричал священник, слегка вздрогнув.
- Ровно ничего! Продолжайте, пожалуйста, эта история в высшей степени заинтересовала меня.
- Слушайте же. Итак, по прибытии в Кордову... или Толедо, как вам будет угодно...
- Я предпочитаю Толедо.
- Скажем, в Толедо... Поблизости от города есть горы, богатые дичью. Тотчас устроили охоту для двора. К несчастью, король так увлекся новым для него наслаждением почти неограниченной свободы, что потерял охоту из вида.
- Бедный король!
- Разумеется, бедный король, потому что проплутал долго и никак не мог отыскать своей свиты. Совсем стемнело, разразилась страшная гроза, и, как бы в довершение всех бед, обрушившихся на несчастного венценосца, его жестокое положение усложнилось...
- Нападением шести разбойников, которые внезапно как из-под земли выросли перед ним, — перебил лесник. — Они разом накинулись на него, убили его лошадь, и не подоспей к нему вовремя на помощь другой запоздавший охотник, король Филипп без сомнения был бы убит! Теперь рассказывайте, пожалуйста, дальше.
- Разве вы знаете эту историю?

— В основных чертах, как видите, но о подробностях я не имею понятия, а, собственно, они-то и должны быть интересны. Итак, продолжайте.

— Что ж мне говорить вам, друг мой? Охотник избавил короля от разбойников и спас его с риском для собственной жизни от ужасного урагана в горах; словом, преданность его королю, которого он не знал, была безусловна, великодушна, самоотверженна и без всякой затаенной мысли. Он привел короля в свой дом и оказал ему сердечное радушие. Король увидел его дочерей — у охотника были две очаровательные дочери, души чистой и простой, прямой и невинной.

— Довольно, довольно! — вдруг воскликнул лесник, лицо которого помертвело. — Которую полюбил он?

— Христиану!

— Любимую мою! — пробормотал лесник. — Но она не любит его! — вскричал он с внезапным порывом.

— Любит! — спокойно ответил пастырь.

— О, низость людская! — воскликнул с отчаянием лесник. — Человек, которому я спас жизнь, король, которого я видел еле дышащим у своих ног, которого спас, рискуя погибнуть сам, — вот какую награду готовил он мне! О, это ужасно! Все они одинаковы, эти тираны, для которых нет иного закона, кроме их чудовищных прихотей!

— Успокойтесь, любезный друг, ради Бога!

— Мне успокоиться?! — вскричал ньо Сантьяго вне себя. — А вы-то сами, служитель Бога, по какому праву приходите вы рассказывать мне эту страшную историю? Разве она теперь известна всем? Разве честь моего имени отдана на всеобщее посмеяние?

— Я рассказал вам ее, сеньор, — холодно возразил священник, — потому что все может быть исправлено, а дочь ваша — еще чистый, невинный, святой ребенок! Вы можете бежать и таким образом оградить ее от преследований короля.

— Бежать? Мне?! — вскричал лесник в порыве гнева. — Видно, вы не знаете меня, сеньор падре, я рожден для борьбы! Клянусь Богом! Я, напротив, неуклонно стану грудью против бури.

— Берегитесь, мой друг, проиграете!

— Сеньор падре, — сказал ньо Сантьяго с леденящим холодом, — вы искренне мне преданы, раз не побоялись поставить вашу жизнь на кон, рассказав мне эту чудовищную историю. От всей души благодарю вас, потому что вы не колеблясь указали мне бездну. Мало людей на вашем месте были бы способны на такой подвиг дружбы... Вашу руку! Я люблю вас — о! — люблю глубоко, вы доказали, что вы мне истинный друг. Выслушайте же меня. Завтра рано утром сюда прискачет этот гнусный король, этот венценосный соблазнитель, который подлой изменой платит мне за мою великодушную самоотверженность. Дайте мне честное слово быть здесь завтра ровно в полдень. Обещаете?

вернуться

Ришар Тюриен — французский историк XVI в. — Примеч. автора.

— Что вы намерены делать?

— Это мое дело... Но успокойтесь — месть моя, если я буду мстить, будет благородная и достойная!

— Обещаю, но с условием.

— Нет, друг мой, без всякого условия.

— Пусть будет так, если это необходимо, я полагаюсь на вашу честь.

— Благодарю!.. Теперь ни слова более. Вернемся, нас ждут. Смотрите только, не выдайте как-нибудь того, что произошло между нами. Глаза любви зорки!

— Будьте спокойны, друг мой. Для большей верности я уеду тотчас после завтрака.

— Вы хорошо сделаете, это правда, но завтра не забудьте...

— Ровно в полдень я буду здесь; я дал честное слово! Они встали, вышли из лесу и не торопясь вернулись к домику. Дорогой лесник настрелял рябчиков. Итак, он ходил на охоту, ровно ничего более.

ГЛАВА IV. Где доказывается, что ни богатство, ни величие не составляют счастья

На другое утро, часам к десяти, дон Фелипе, не подозревая, какой прием готовит ему лесник, подъезжал к его домику с сияющим лицом. Лошадь, вся в пене, доказывала, с какой быстротой он мчался.

Он остановил ее у садовой калитки, соскочил наземь, бросил поводья слуге, который был с ним, взял под мышку из его рук большой красный сафьяновый портфель, который запирался на ключ, и большими шагами направился к домику, где на пороге неподвижно стоял лесник.

— Вот и я, любезный друг! — сказал он, протягивая руку леснику.

— Я ждал вас, дон Фелипе, — ответил тот, сделав шаг назад и не взяв протянутой ему руки.

Дон Фелипе этого движения не заметил или не придавал ему значения.

— Все у вас здоровы? — продолжал он. — Мне кажется, будто я целый век не был здесь.

— Все здоровы, сеньор.

— Слава Богу! Я не мог дожидаться минуты, когда мы увидимся.

— И я также, сеньор, — ответил лесник глухим голосом. Теперь холодный прием невольно бросился дону Фелипе в глаза.

— Что с вами, друг мой? — спросил он с участием. — Вы мне кажетесь печальным, озабоченным; уж не приключилось ли у вас какого горя?

— Действительно, горе есть, сеньор, почему и прошу извинить меня. Я желал бы переговорить

с вами, дон Фелипе, о важном деле; удостойте меня несколькими минутами разговора с глазу на глаз.

— С величайшим удовольствием, — весело ответил дон Фелипе, похлопывая по портфелю, который держал, — и мне надо переговорить с вами о важном деле.

— Важном для меня?

— Для кого же еще?

— Я не понимаю, какое это дело.

— Быть может, — лукаво заметил дон Фелипе, — мое дело и ваше — в сущности, одно и то же.

— Сомневаюсь, — пробормотал лесник, нахмутив брови.

— Мы будем беседовать здесь?

— Нет, это общая комната, здесь все проходят; лучше пойдете ко мне.

— Как хотите, любезный друг.

Лесник прошел вперед и поднялся по лестнице, между тем как дон Фелипе следовал за ним.

К своему изумлению, гость заметил, что дамы не показывались, тогда как прежде этого не случалось никогда.

Лесник был как будто совершенно один в своем домике.

Наверху он отворил дверь, посторонился, чтобы пропустить дону Фелипе, и вошел вслед за ним, тщательно затворив за собой дверь, потом быстро надел на голову шляпу, которую все время держал в руках, выпрямился и надменно сказал гостю:

— Мы теперь наедине и можем объясниться.

— По-видимому, кузен, — улыбаясь, ответил дон Фелипе, — вам угодно наконец вспомнить, что вы — испанский гранд первого ранга и имеете право стоять перед королем в шляпе. Я очень рад этому за вас и за себя.

— Что это значит? — вскричал лесник, оторопев.

— Это значит, что я — Филипп Четвертый, король Испании и Индии, а вы — дон Луис де Торменар, граф Тулузский и герцог Бискайский. Разве я ошибаюсь, кузен?

— Ваше величество! — пробормотал дон Луис в страшном волнении.

— Выслушайте же меня, — с живостью продолжал король, ласково улыбаясь, — вы спасли меня, рискуя собственной жизнью. Я хотел узнать, кто вы; однако, упорно оставаясь непроницаемым, вы отказывались от всех моих даров, отклоняли все мои предложения. Такое упрямство подзадоривало меня; во что бы то ни стало хотел я знать о вас — и узнал! Герцог, мой покойный отец, король Филипп Третий, обманутый ложными наветами и легко поверив клевете ваших врагов, был жесток, неумолим к вам, я даже прибавил бы — несправедлив, если бы не говорил про отца, теперь уже находящегося на небе, в царстве Отца Небесного. Следовало исправить вопиющую несправедливость — я исполнил это. Ваше дело было

пересмотрено в верховном суде, приговор над вами отменен, честь ваша восстановлена в былом блеске. Теперь, кузен, вы действительно дон Луис де Торменар, граф Тулузский, маркиз Сан-Себастьянский, герцог Бискайский; состояние ваше возвращено вам, позор снят с вашего имени, враги ваши наказаны!.. Довольны ли вы?

И он протянул ему руку.

Совсем растерявшись под влиянием тысячи разнородных чувств, нахлынувших на него, дон Луис преклонил колени и хотел поцеловать руку, которая так великодушно возвращала ему все, чего он был лишен, но король не допустил этого, он удержал его, привлек к себе и заключил в объятия.

— О, ваше величество! — вскричал герцог, и рыдание вырвалось из его груди. — Зачем надо...

— Пойдите, кузен, — мягко прервал его король, — ведь я еще не закончил.

— Боже мой! С какой целью все это было сделано? — пробормотал герцог глухим голосом.

— Увидите.

— Я слушаю, ваше величество.

— Я буду говорить откровенно; принятый как друг, почти как сын в вашей благородной семье, я не мог не полюбить Христианы.

— А! — вскричал дон Луис, бледнея.

— Да, герцог, теперь говорит не король, но друг! Я люблю Христиану, как никого еще не любил; ее безыскусное чистосердечие, ее девственная чистота — все пленило меня в ней. Тогда...

— Тогда, ваше величество, — с горечью сказал герцог, — вы, друг ее отца, спасшего вам жизнь, решили отплатить за эту услугу.

— Тем, что прошу у герцога Бискайского, моего друга, руки его дочери, — с благородством сказал король, — неужели он откажет мне и спас мне жизнь только для того, чтобы осудить на вечное страдание? Теперь отвечайте мне, герцог, или, вернее, друг мой; я сказал все, что хотел сообщить вам.

— Но я, ваше величество, должен сообщить вам, что недостойн вашей доброты, что сомневался в вас, в вашем сердце, наконец, в величии вашей души; что еще вчера, когда мне открыли, кто вы, я думал, что вы намерены внести позор в мой дом.

— Молчите, дон Луис!

— Нет, ваше величество, не буду молчать! Вы должны узнать все: ненависть, которую я питал в сердце к вашему отцу, мгновенно пробудилась во мне сильнее, ужаснее прежнего, и — да простит мне Господь! — в моей голове мелькнула мысль смыть вашей кровью неизгладимое оскорбление, которое вы, как мне казалось, хотели нанести.

— Вы имели бы на это право, дон Луис; я был бы подлец и изменник, если бы действительно замыслил то, что предполагали вы. Однако, герцог, вы не ответили еще на мою просьбу.

— О! Ваше величество, такая честь... — пробормотал дон Луис, изнемогая от прилива

разнородных чувств, которыми было переполнено его сердце.

— Полно, кузен, — ласково остановил его король, — разве впервые вашему роду вступать в союз с королевским домом? Поверьте мне, герцог, вашему счастью будут завидовать, но злобной зависти оно не возбудит, так как брак этот в глазах всех будет явным восстановлением вашего доброго имени и доказательством большого уважения к вам вашего короля и друга.

— Благодарю, ваше величество, вы велики и возвышенны душой.

— Нет, я благодарен, — возразил король, улыбаясь, — я справедлив, а в особенности — влюблен. Теперь же, когда между нами нет более недоразумения, поговорим о наших делах, чтобы и впредь не могло вкрасться ничего темного между нами.

— Я почтительно слушаю ваше величество.

— Садитесь возле меня.

— Ваше величество!

— Я так хочу.

Граф склонил голову и взял стул.

Положив портфель на стол, король отпер его золотым ключиком тонкой работы и достал из него несколько пергаментов с печатями разных величин и цветов.

— Вот, — сказал король, — все бумаги, относящиеся к делам, о которых мы говорили; ваши грамоты на владение — словом, все, что было вашим и что я возвратил вам. А вот, сверх того, ваше назначение губернатором Бискайи... Последний же этот акт есть составленный мной брачный договор; из него вы увидите, что я закрепляю за Христианой сумму в миллион пиастров и вдовью пенсию в двести тысяч в год.

— О, это слишком много, ваше величество!

— Я не согласен, кузен, напротив, я нахожу, что этого недостаточно... Но довольно обо всем этом! Вот ключ и портфель, кузен; уберите эти документы и поговорим о другом.

— Ваше величество...

— Завтра, если возможно, вам бы следовало расстаться с этой долиной, где вы наслаждались таким счастьем, и уехать с семейством в Мадрид. Ваш так давно запертый дворец на улице Алькала готов к вашему приему.

— Я исполню приказание вашего величества и завтра же выеду.

— Очень хорошо! Я, со своей стороны, отправлюсь сегодня вечером из Толедо, так что мы прибудем в Мадрид почти одновременно. Однако мне пора приступить к самой щекотливой части моего сообщения. Для избежания всякого недоразумения, чтобы вы вполне поняли меня, любезный кузен, я по-прежнему буду говорить с вами совершенно откровенно.

Герцог почтительно склонил голову.

— Не знаю, известно вам или нет, любезный дон Луис, — продолжал король с напускной веселостью, — что я слышу — если не на самом деле являюсь таковым — за короля очень

слабого и добродушного, который позволяет министрам управлять собой и делает почти все, чего они хотят.

— О, ваше величество!

— Это верно. Наскучила ли мне борьба с душами более упорными, или утомила она меня, но много справедливого в этих слухах. Я сознаюсь в этом, но средства помочь беде не вижу. Теперь это положение вещей изменить нельзя. Герцог Оливарес, мой первый министр, управляет королевством почти по своему усмотрению. Я не препятствую ему ни в чем, а так как это, в сущности, глубокий политик, опытный в делах, то я по большей части в выигрыше. Из всего изложенного следует, что, не желая открыто вступать в борьбу, когда мне приходит охота быть независимым, я обхожу затруднение окольным путем и потом вынуждаю упрямого министра смириться перед свершившимся фактом. Понимаете, герцог?

— Вполне понимаю, ваше величество.

— Так я приступлю к дальнейшему: мой брак с доньей Христианой — один из моих приступов независимости, о которых я только что упоминал.

— То есть, ваше величество желает обойти затруднение?

— Именно, и вот средство, которое я придумал; оно очень простое и непременно будет иметь успех.

— Я слушаю, ваше величество.

— Я сочетаюсь с доньей Христианой тайным браком.

— Тайным браком?

— Как только у меня родится сын, брак будет обнародован и мой сын объявлен наследником престола. Как и всегда, герцог Оливарес побесится, так как у него на уме другой брак, если не ошибаюсь, но должен будет покориться; только нам надо спешить, чтобы искусные шпионы не успели предупредить его.

— Но тайный брак, ваше величество!..

— Все знаю, но другого выхода нет. К тому же, это вопрос года, не больше. Кроме того, хотя и не признанная официально, донья Христиана будет пользоваться своим званием при дворе.

— Если дело должно произойти таким образом, я предпочел бы, чтобы дочь моя оставалась у меня в доме; на нее меньше будут обращены взгляды.

— Вы правы, кузен, так будет лучше. Теперь же я подкреплю обещание своим королевским словом. Согласны вы принять это ручательство?

— Приходится, делать нечего.

— Но вы не скрываете от меня неприятных мыслей?

— Нет, ваше величество, я так же прямодушен, как и вы сами.

— Значит, все идет отлично. Не говорите ничего дамам о нашем разговоре, пока мы не увидимся опять в Мадриде, — я желаю преподнести сюрприз моей пленительной донье

Христиане.

— Все будет исполнено по желанию вашего величества... но разрешите ли вы мне обратиться к вам с просьбой?

— Просите о чем хотите, кузен, все даровано вам заранее, — милостиво сказал король. — О чем речь?

— О бедном священнике деревенской церкви, которая стоит на склоне горы. Он был наставником моих дочерей,

ваше величество, и ныне проповедует слово Божие. Он чрезвычайно предан моему семейству; мне не хотелось бы расставаться с ним.

Не говоря ни слова, король придвинул к себе лист бумаги, написал несколько строк, подписался и перстнем, который носил на шее на золотой цепочке, приложил печать, после чего сложил лист вчетверо и подал его дону Луису.

— Не читайте, кузен, — сказал король с улыбкой, — и сами отдайте ему это.

— Он сейчас прибудет.

— Так подождите, пока я уеду, и только тогда передайте ему бумагу... Теперь все? Вам не о чем больше просить меня?

— Только могу благодарить ваше величество за все милости, которыми я осыпан.

— А вы разве ничего не делаете для меня, дон Луис? Ни слова больше об этом; сойдем теперь к дамам.

— Як услугам вашего величества.

— Не забудьте, кузен, что сегодня я еще сохраняю свое инкогнито, что я — дон Фелипе и более никем быть не хочу.

— Я исполню ваше приказание.

Дамы с нетерпением и беспокойством ожидали конца этого продолжительного разговора, причина которого им была неизвестна. Они очень обрадовались при появлении мужчин, которые с веселыми лицами дружески разговаривали между собой.

В то же самое время у садовой калитки показался отец Санчес. Он сильно тревожился и потому с невыразимым радостным облегчением и благодарностью к Богу услышал уверение дона Луиса, который поспешил к нему навстречу, что все окончилось счастливейшим и вместе с тем самым необычайным образом; дон Луис прибавил второпях, что расскажет все позднее и что отец Санчес так же, наверное, как и он, будет в восторге от непредвиденной развязки дела, грозившего самыми ужасными последствиями.

— Особенно, — заключил он, — не показывайте вида, что узнали короля; сегодня он еще хочет сохранить строжайшее инкогнито.

— Я во всем буду соображаться с волей его величества, любезный дон Луис, вы будете довольны мной, — ответил священник с кроткой и тонкой улыбкой.

День прошел в тихих и приятных беседах.

По своему обыкновению, король простился около трех часов. Дон Луис и отец Санчес провожали его до конца долины.

— До скорого свидания! — сказал король, махнув им рукой в последний раз.

Он ускакал.

Священник и дон Луис вернулись к дому медленным шагом; последний рассказал со всеми подробностями о том, что произошло между ним и королем. Свой рассказ он заключил тем, что, не желая расстаться с ним, просил у его величества разрешения увести священника с собой в Мадрид.

— Вот, падре, — прибавил он, подавая ему бумагу с королевской подписью, — что мне поручено передать вам.

Священник развернул бумагу и вскрикнул от изумления: он назначался настоятелем Иеронимитского монастыря в Мадриде.

На другое утро долина, в которой так долго благоденствовало семейство де Торменаров, опустела; домик их стоял брошенный не всегда.

Все совершилось так, как решил король.

Бракосочетание Филиппа IV и доньи Христианы произошло в Эскуриале 8 в присутствии некоторых придворных и самого герцога Оливареса, хотя брак был объявлен тайным.

Всемогущий министр искусно скрыл свое неудовольствие по поводу брака, состоявшегося против его воли — по крайней мере, он, как и всегда, внешне казался склонившимся пред свершившимся фактом.

Так продолжалось довольно долго; министр и, по его примеру, все придворные оказывали всевозможные почести той, которая с минуты на минуту могла быть открыто признана королевой.

Дон Луис де Торменар пользовался, по крайней мере с виду, величайшим весом при дворе, постоянно живя в Мадриде, в своем собственном дворце, лишь по временам и на короткий срок навещая Бискаю, губернатором которой он был.

Прошло два года, наконец донья Христиана в декабре 1641 года родила сына.

вернуться

8

Эскуриал (Эскориал) — город близ Мадрида с одноименным дворцом-монастырем, резиденцией испанских королей.

Долгожданное рождение ребенка привело короля в восторг. По получении уведомления он примчался в мадридский дворец герцога, где все еще жила донья Христиана, и непременно сам хотел положить в колыбель желанного сына орден Золотого Руна первой степени, великими

магистрами которого были испанские короли в качестве прямых наследников герцогов Бургундских.

Новорожденного окрестили под именами Гастона-Филиппа Карла Лорана, и отец тут же пожаловал ему титул графа де Транстамара и назначил альмиранте 9 кастильским.

Затем король, верный слову, которое дал герцогу Бискайскому, принял меры, чтобы публично огласить свой брак и признать донью Христиану королевой.

Дело вели с необычайной быстротой; торжественный обряд в Уэльвском монастыре должен был совершиться, как только поправится будущая королева.

Роды доньи Христианы были очень тяжелые, она медленно приходила в силы, однако доктора не выказывали ни малейшего беспокойства; напротив, они утверждали, что молодая женщина скоро будет в состоянии встать, когда вдруг, против всякого ожидания, с доньей Христианой после продолжительного посещения герцога Оливареса случился первый припадок и через полчаса она скончалась в страшных страданиях на руках обезумевшего от отчаяния короля.

Смерть эта вызвала большие толки при дворе.

Враги министра — а их было немало — громко говорили об убийстве, то есть отравлении, но слухов этих ничто не подтверждало, и мало-помалу они затихли сами собой.

Безутешный король с торжественным великолепием схоронил единственную женщину, которую горячо любил и которая была вполне достойна его любви по ангельской кротости своей и высокому уму. Он заперся в своем дворце и долго никого не хотел принимать, кроме самых близких к нему лиц.

Беды к горю, как реки к морю — эта народная поговорка сбылась роковым образом и теперь.

Донья Мария Долорес с младшей дочерью, доньей Лусией, уехали в Бискайю тотчас после смерти доньи Христианы и предавались снедающему их горю в замке Торменар, мрачном здании среди гор, находящемся в каких-нибудь двух-трех милях от французской границы.

Однажды ночью замок был захвачен врасплох и сожжен мародерами, как говорили, принадлежащими к французской армии. Слабый гарнизон, защищавший Торменар, был весь перебит, местечко и замок преданы огню и мечу.

На следующее утро от них остались одни дымящиеся развалины; пожар залили кровью; мародеры исчезли с громадными богатствами и увели с собой донью Марию и ее дочь, донью Лусию.

Этот новый, еще более ужасный удар, поразивший дона Луиса едва не лишил его рассудка.

Силой воли, однако, он поборол свое отчаяние. Во что бы то ни стало решил он отыскать жену и дочь, но лишь напрасно расточал золото и обещания, — все поиски остались тщетными, все усилия не привели ни к какому результату. Никогда убитый горем муж и сокрушенный духом отец не смог узнать что-либо о судьбе двух дорогих ему существ; она осталась навсегда покрыта непроницаемой тайной.

Изъездив Европу в течение нескольких лет по всем направлениям в поисках двух ангелов, которых лишился таким печальным образом, герцог сдал все занимаемые им должности герцогу Оливаресу, бывшему в то время могущественнее и счастливее, чем когда-либо, и

удалился во вновь отстроенный по его приказанию на прежнем месте замок Торменар, чтобы там доживать век вдали от света, причинившего ему столько страданий.

Один преданный друг остался верен герцогу в его несчастье, это был отец Санчес, который все оставил, чтобы разделять его уединение и не утешать его — есть такого рода скорбь, которая всегда останется незаживающей раной в сердце, — но помогать твердо сносить удары, постигшие его, и поддерживать на скорбном пути жизни.

Гастон-Филипп, на которого король, отец его, по-видимому, перенес всю любовь, которую питал к его матери, получил блестящее образование.

В то время, о котором мы теперь ведем речь, это был прекрасный и гордый молодой человек лет семнадцати, одаренный пленительной красотой матери, но с выражением более мужественным и, в особенности, более твердым.

По неперемому требованию короля, который словно боялся с ним расстаться, юноша не оставлял двора и жил в

мадридском дворце деда. Он носил титул графа де Транстамара и, как было сказано выше, со дня рождения своего был назначен кастильским альмиранте.

Хотя Гастон лишь изредка видел своего деда, герцога Бискайского, он, однако, питал к нему искреннюю и глубокую привязанность и был счастлив, когда удавалось выпросить у короля позволение провести несколько дней в Торменаре.

И в замке это были дни радости! При виде внука дон Луис словно оживал, и радостное чувство наполняло его сердце. С неисчерпаемым наслаждением слушал герцог рассказы молодого человека о его жизни в Мадриде, о событиях при дворе, свидетелем которых он был.

Однако тайное беспокойство терзало старого герцога.

Хотя, казалось, король и горячо любил Гастона-Филиппа, окружал его заботливым вниманием и осыпал милостями, однако не признал еще законности своего брака с доньей Христианой, несмотря на торжественное обещание, и не упрочил положения своего сына, которого после объявления брака должен был признать наследником престола.

Это равнодушие короля, эта непостижимая беспечность огорчали старика, и не из честолюбия — давно уже всякое честолюбие умерло в его сердце, — но он находил справедливым этот поступок по отношению к сыну той женщины, которую король так любил, и считал, что король оскорбляет ее память, изменяя священной клятве.

И это было еще не все: король не оставался верен памяти бедной Христианы; несмотря на первые приступы безутешного горя, он мало-помалу втянулся в свой обычный образ жизни, одна за другой несколько наложниц метеорами сверкали при дворе. Одна из них имела сына, и под именем дона Хуана Австрийского сын этот открыто воспитывался при короле, пользуясь его любовью и милостями наравне с Гастоном-Филиппом, который, хотя и непризнанный, все же был законным сыном и прямым наследником престола.

Кроме того, чья-то скрытая, но неумолимая и никогда не дремлющая ненависть с самого рождения молодого человека с ожесточением преследовала его. Или это была несчастная судьба?

Напрасно старый герцог старался выяснить что-нибудь на этот счет, удивительное стечение

обстоятельств, случайных или вызванных упорной ненавистью, приводило старика в сильное недоумение и внушало ему величайшие опасения за жизнь внука.

Несколько раз Гастон чуть было не сделался жертвой самых странных случайностей, даже жизнь его была в опасности.

Эти случайности были так искусно подстроены, что Гастон, со свойственной его возрасту беспечностью и к тому же одаренный неодолимой храбростью, со смехом рассказывал деду, который грустно покачивал головой, слушая его, как лошадь под ним внезапно взбесилась и он чуть было не разбился насмерть в скалах; или как в другой раз, когда он фехтовал с графом Медина-Сидонией, молодым человеком одних с ним лет и большим его приятелем, с рапиры графа каким-то непостижимым образом вдруг слетел шарик и жизнь Гастона была на волоске, так как рапира чуть не проткнула его насквозь.

Еще раз, на охоте, пули засвистели вокруг него, а узнать, кто же был виновником такой удивительной неловкости, оказалось невозможно.

Все эти факты действительно наводили ужас и сильно беспокоили старого герцога.

Так обстояло дело, когда однажды утром в мае 1750 года Гастон неожиданно прискакал в Торменар, где не был с год.

Герцог Бискайский, предупрежденный слугой, поспешил навстречу молодому человеку, который, увидев деда, соскочил с лошади и бросился в его объятия, осыпая его дорогими для старческого сердца ласками.

После этого молодой человек подал руку герцогу, и они вместе вошли в замок.

вернуться

9

Альмиранте — адмирал.

ГЛАВА V. Клятва

Молодой человек был бледен, брови его нахмурены, он казался чем-то сильно удручен и взволнован. Герцог усадил внука на подушку у своих ног, взял его за руки и две-три минуты внимательно вглядывался в его лицо.

— Бедное дитя! — сказал он, целуя его в лоб. — Ведь ты очень страдаешь?

— Очень, дедушка, — ответил Гастон с глазами, полными слез.

— Хочешь разделить со мной свое горе, дитя?

— Для этого только я и прискакал сюда, дедушка.

— Как! Ты все эти двести миль...

— Летел сломя голову, чтобы все рассказать вам.

- А... король что?
- Король! — вскричал он с горечью. — Король — могущественный властелин, дедушка!
- Надолго ты ко мне теперь?
- Вы сами решите это.
- Если так, то я не скоро выпущу тебя из Торменара.
- Кто знает? — пробормотал Гастон задумчиво.
- Правда, король, твой отец...
- У меня нет больше отца, кроме вас, герцог.
- Боже! Разве король скончался?
- Успокойтесь, здоровье его величества отменное.
- Тогда твои слова для меня загадка, дитя мое, и я отказываюсь понять их.
- Я объясню, не беспокойтесь, но прежде чем приступить к объяснению, я желал бы видеть здесь достойного пастыря...
- Он в отсутствии, дитя мое, — перебил герцог, — уже месяц как отец Санчес уехал от меня, — вероятно, ты говоришь о нем?
- Разумеется, о нем, о вашем старом друге, единственном, который оставался верен нашему семейству.
- Увы! Отец Санчес уже с месяц в Мадриде, куда внезапно был призван делами величайшей важности, как, по крайней мере, сказал он мне перед отъездом из замка. Удивительно, что ты не видел его при дворе.
- И меня это удивляет, дедушка, — обычно по приезде в Мадрид он первым делом навещал меня. Вероятно, что-нибудь помешало ему... Но так как отец Санчес в отсутствии, то я выскажу все только вам, дедушка.
- Говори, дитя, я слушаю.
- Прежде всего, надо вам сказать, что в течение уже нескольких месяцев я замечал странную перемену в обращении короля со мной; его величество все еще был милостив ко мне, но не так сердечен, не так откровенен. Когда являлся во дворец, я замечал в нем что-то натянутое, неестественное, чего никогда прежде не бывало! Мало-помалу его обращение со мной превратилось в холодное, сухое и надменное, не раз мне даже возбранялся вход к королю и я уезжал из дворца, так и не повидав его величества.
- О, это действительно странно! — пробормотал герцог, нахмутив брови.
- Это еще ничего, — продолжал молодой человек с горькой усмешкой, — мне суждено было вынести оскорбления и посильнее. Придворные, по свойственному им обычаю соображаясь с настроением духа короля, стали принимать в разговоре со мной тон, который мне очень не нравился, они шептались между собой или понижали голос при моем появлении; если бы

смели, они просто повернулись бы ко мне спиной. Я молча страдал от этих глупых нападок, выжидая прямого оскорбления, за которое мог бы достойно отомстить. Прав ли я был?

— Прав, дитя мое, ты поступал как человек благородный и храбрый... Я предчувствую, как все это должно было кончиться.

— Напротив, дедушка, вы и подозревать не можете, — возразил Гастон с нервным смехом. — О! Моя месть была великолепна, даже блистательнее, чем я мог надеяться!

— Продолжай, дитя, я слушаю.

— В это время при дворе стали поговаривать о женитьбе короля. Смутные вначале, слухи становились все определеннее.

— О женитьбе короля? — вскричал герцог с прискорбным изумлением. — Так король женится?!

— Да, теперь об этом объявлено официально, его величество вступает в брак с принцессой, олицетворением совершенства, как говорят. Да нам-то какое дело!

— Это правда, — прошептал герцог, стиснув зубы, тогда как презрительная улыбка мелькнула на его побледневших губах, — продолжай, мой мальчик.

— Однажды утром, — заговорил опять Гастон, — ко мне явился королевский камердинер с извещением, что король требует меня к себе. Я немедленно сел на лошадь и отправился в Эскуриал. Его величество ждал меня в своей молельне, с бледным лицом и глазами, красными от слез или от бессонной ночи. Камердинера он отослал движением руки и знаком подозвал меня к себе. Я повиновался. Заметив, что я держу шляпу в руке, король сказал сухо: «Наденьте шляпу, вы испанский гранд». — «Если как гранд я имею право стоять перед королем в шляпе, то долг велит мне слушать отца с обнаженной и склоненной головой». — «Хорошо, сын мой».

Король отвернулся, — продолжал Гастон, — и спустя минуту заговорил опять: «Я призвал вас по весьма важному делу, которое не терпит отлагательства».

Никогда еще король не говорил со мной так холодно! У меня дрогнуло сердце, но я ничего не ответил. Видя, что я молчу, он продолжал тоном человека, который спешит исполнить то, что в душе находит достойным порицания.

«Польза государства требует, чтобы я вступил в брак; вероятно, вы уже слышали об этом?»

Я только наклонил голову.

«Бракосочетание должно вскоре совершиться, и я вынужден временно удалить вас от двора». — «Это изгнание, ваше величество?» — спросил я. — «Нет, — с живостью возразил король, — это мера осторожности, диктуемая политикой. Предоставляю вам самому выбрать место вашего пребывания, только не в Бискайе, у вашего деда...»

— Король сказал это? — вскричал герцог.

— Разумеется, раз я повторяю его слова!

— Правда, прости мне, мой мальчик!

— «...И чтоб вы не подъезжали ко двору ближе чем на двадцать пять миль, — продолжал молодой человек. — Впрочем, ваше удаление будет, надеюсь, непродолжительно; вот все, что я

хотел сказать вам. Уезжайте, вдали вы или вблизи, мое благосклонное внимание всегда будет следить за вами».

Не дав мне времени ответить, король знаком простился со мной и прошел в другую комнату. Как во сне вышел я из Эскуриала и возвратился домой, сам себя не помня. Там я нашел приближенного секретаря могущественного министра, который от имени короля потребовал, чтобы я отказался от всех своих званий. Как видите, король спешил доказать мне благосклонность, в которой уверял. Не удостоив посланника ни единым словом, я молча подписался под всеми актами отречения. Секретарь брал их один за одним, рассматривал, и когда все бумаги были подписаны, он спросил меня с усмешкой, когда я уезжаю. «Сегодня же», — ответил я и выставил вон этого человека.

— Так ты без звания, дитя мое?

— Только сын Христианы де Торменар, и этого звания, ей-Богу, никто не может у меня отнять! Да и на что мне титулы?.. Но это еще не все, дедушка.

— Говори, дитя.

— В тот же вечер герцог Медина-Сидония, отец моего близкого приятеля, давал бал, на который была приглашена вся знать. Так как я не совершил ни преступления, ни позорного действия, насколько мне было известно, я не считал достойным себя скрыться от двора, словно беглец, я решил явиться на бал с гордо поднятой головой, как человек, уверенный в своей невинности. Итак, я велел все приготовить к своему отъезду и, распорядившись, чтобы люди с экипажами ждали меня у форта Энарес, с одним слугой, которого оставил при себе, отправился во дворец герцога Медина-Сидонии. Многочисленная и блистательная толпа теснилась во всех залах. Мое появление произвело ошеломляющее впечатление, я ожидал этого и потому несколько не смутился. Должно быть, немилость, в которую я впал, была уже всем известна, из моих многочисленных накануне друзей оказалось всего пятеро или шестеро, у которых хватило духу подойти ко мне и пожать руку — знак сочувствия, за который я был им глубоко признателен в душе. Медина-Сидония, сын герцога, и граф Осуна взяли меня под руки и, весело разговаривая, пошли со мной среди толпы, которая расступалась, точно я чумной, потом они увели меня в комнату, где собралась вся молодежь из высшей знати, чтобы смеяться и шутить на свободе. В числе присутствующих находился молодой человек, почти одних лет со мной, по имени или, вернее, называемый доном Филиппом Гусманом Оливаресом. Он был сыном герцога и севильской актрисы. Три года назад отец узаконил его благодаря своему могуществу. Молодой человек этот — в сущности, ничтожный и очень гордый своими новыми титулами — всегда выказывал, сам не знаю почему, глубокую ненависть по отношению ко мне, на которую, однако, признаться, я не обращал ровно никакого внимания, дедушка. В ту минуту, когда я входил, дон Филипп говорил с большим оживлением посреди небольшой кучки людей, собравшихся вокруг него. При моем появлении один из его приятелей сделал ему знак, и он мгновенно замолчал...

...Тут я воспользуюсь своим правом романиста и вместо слов Гастона де Транстамара вставлю свой собственный рассказ, в убеждении, что интерес повествования от этого только выиграет.

Молодой человек прекрасно заметил внезапное молчание, воцарившееся в толпе около дона Филиппа при его неожиданном появлении в дверях; он медленно подошел к

дону Филиппу, раскланиваясь направо и налево, и очень спокойно сказал:

— Извините, кабальеро, вы, кажется, беседовали о чем-то чрезвычайно занимательном, когда я

вошел. Надеюсь, вы не сочтете мое поведение нескромным, если я спрошу, что именно так сильно заинтересовало вас?

— Несколько, сеньор, — дерзко ответил дон Филипп, — мы говорили о незаконных сыновьях!

— Лучше вас, кабальеро, — холодно возразил Гастон, — никто не может обсуждать подобный вопрос. Позвольте узнать, здорова ли ваша матушка?

— Сеньор! — воскликнул собеседник в порыве гнева. — Такое оскорбление...

— Оскорбление? Когда я осведомляюсь о здоровье вашей матери, кабальеро? Да что с вами?!

Дон Филипп прикусил губу.

— Я говорил о вас, — процедил он сквозь зубы.

— Стало быть, я, по вашему мнению, незаконный сын? — вскричал Гастон, и молния сверкнула в его черных глазах. — Клянусь Богом, вы солгали! Оказывается, вы не только глупец, но еще и клеветник!

— Да что же это, сеньоры! — вскричал с гневом один из молодых людей. — Разве сыновья куртизанок станут нам предписывать законы? Вышвырнуть вон этого человека, и делу конец!

— Никто не должен трогаться с места! — громко вскричал Гастон, останавливая друзей, которые, казалось, хотели броситься к нему на помощь. — Это касается меня одного!.. Вы будете вторым после дона Филиппа, граф Касерес! Ну, господа, кто еще намерен поддерживать эту позорную ссору?

— Я!

— И я также! — вскричали почти в один голос двое.

— Очень хорошо, маркиз д'Альвимар, а после вас будет очередь, если не ошибаюсь, графа Сьерра-Бланка. Господа, я согласен драться с вами по очереди или разом со всеми четырьмя, что, полагаю, было бы вам всего приятнее.

Молодые люди испустили крик ярости при этом новом оскорблении.

— Сеньоры, — сказал молодой Медина-Сидония, подходя к ним, — я стыжусь за ваше поведение в доме моего отца, который вам следовало бы уважать. Граф де Транстамар мой друг и гость, благородный дворянин, любимый нами. Вы вели себя, без всякого повода с его стороны, как конюхи! Мои друзья и я, мы сумеем поддержать его в этой ссоре, которая касается также и нас.

— Да, да! — вскричали все, увлеченные примером, и подошли, чтобы крепко пожать Гастону руку.

Обидчики остались в одиночестве, и вокруг них образовалась пустота.

— Благодарю вас, господа! — вскричал с чувством Гастон. — Мне приятно убедиться, что я не упал в вашем мнении.

Раздались крики, единодушно утверждавшие противное.

— В эту же ночь я уезжаю из Мадрида, господа, — продолжал Гастон, — и буду ждать вас на рассвете у Энареса.

— Мы все придем туда и будем вашими секундантами! — восторженно вскричали его друзья.

Через два часа Гастон выходил из дворца герцога Медина-Сидонии. Вернувшись домой, он привел в порядок некоторые бумаги, вооружился, сел на лошадь и, сопровождаемый слугой, выехал из Мадрида, направляясь к деревне Энарес, куда прибыл минут за десять до восхода солнца.

При въезде в деревню он увидел человек сорок знатных вельмож, которые ждали его, чтобы составить ему свиту.

Такое выражение внимания подействовало на Гастона отрадно. Он с жаром поблагодарил друзей, не бросивших его в трудную минуту, и, сопровождаемый ими, достиг довольно уединенного места позади картезианского монастыря, избранного секундантами обеих сторон местом сражения.

Там молодые люди сошли с лошадей и отдали поводья слугам.

— Господа, — сказал Гастон своим друзьям, — дело это касается меня одного, я один и должен покончить с ним.

Медина-Сидония и Осуна хотели было протестовать, но Гастон остановил их.

— Умоляю вас именем нашей дружбы! — сказал он. Друзья крепко пожали ему руку и замолчали. Приехали противники Гастона, но почти одновременно

подоспел старый герцог Медина-Сидония, который примчался во весь опор.

Несмотря на свой почтенный возраст, он проворно соскочил наземь и подошел к Гастону, который в свою очередь поспешил к нему навстречу.

— Граф де Транстамар, — громко сказал герцог, снимая шляпу и бросая гордый взгляд вокруг себя, — я узнал, что в

эту ночь, во время посещения, которым вы удостоили меня, вам было нанесено жестокое оскорбление в моем доме. Прошу вас, граф, принять мое нижайшее извинение! Я считаю вас за благороднейшего, истого дворянина и ставлю себе за честь быть в числе ваших друзей.

Эти слова, произнесенные одним из высших представителей испанского дворянства, тронули Гастона до слез.

— Благодарю вас, герцог, — сказал он дрожащим голосом, — вы восстановили мою честь в глазах всех. С Божьей помощью, моя шпага довершит остальное.

— Искренне желаю этого, граф, — ответил почтенный старик.

— Долой плащи, господа! За шпаги! Это борьба не на жизнь, а на смерть! — вскричал Гастон звонким голосом, сбрасывая на землю верхнее платье. — Ваша очередь, дон Филипп!

Испанцы по природе народ храбрый, для них дуэль почти то же, что увеселительная прогулка. Дон Филипп уже стал в позицию. При втором выпаде шпага Гастона проткнула его насквозь.

Граф Касерес уже стоял перед ним, обнажив шпагу.

Гастон сделал ему знак, что готов, и противники ринулись один на другого.

Через несколько мгновений граф Касерес повалился как сноп, шпага Гастона воткнулась ему прямо в сердце.

Присутствующие пришли в ужас. Они уже хотели вмешаться, но Гастон остановил их.

— Прочь! — крикнул он, размахивая окровавленной шпагой. — Эти люди принадлежат мне.

— Я вас жду, — сказал маркиз д'Альвимар.

— К вашим услугам! — вскричал Гастон с ревом тигра. Это был уже не человек, гнев и кровь ослепляли его, он

видел перед собой лишь смертельного врага.

Маркиз упал со шпагой противника, воткнувшейся ему в горло.

Почти мгновенно граф Сьерра-Бланка стал в позицию.

— Убейте же и меня! — крикнул он резко.

— Постараюсь, сеньор, — последовал грубый ответ.

На этот раз бой был продолжительный и ожесточенный. Оба противника были мастера фехтовать. Утомленный предыдущими стычками, Гастон утратил добрую долю своего проворства. А Сьерра-Бланка, хладнокровный, методичный, рассчитывал каждый удар и не давал противнику поразить себя, извиваясь вокруг него как змея; шпага его составляла как бы непроницаемую броню.

Гастон понял, что погиб, если не переменит тактики. Он мгновенно напал на противника, сильным ударом отразив его шпагу, ринулся вперед, прежде чем тот имел время дать отпор, и всадил ему лезвие прямо в сердце.

Граф упал, даже не вскрикнув; он был мертв.

Четыре врага теперь лежали у ног Гастона бездыханные.

— Исполнил ли я свой долг, как человек храбрый и дворянин? — спросил он, воткнув в землю конец шпаги.

— Да, — грустно ответили ему друзья, — вы сражались доблестно.

— Так прочтите теперь вслух эту бумагу, герцог Медина-Сидония.

Он подал герцогу бумагу, которую тот немедленно прочел, — это было свидетельство о браке короля Филиппа IV с доньей Христианой.

— Итак, я законный сын! — гордо вскричал Гастон. Все склонили голову в знак согласия.

Тогда молодой человек взял свою шпагу и сломал ее о колено.

— Слушайте все, — сказал он, — сломав эту шпагу, я одновременно разбил и свою клятву верности испанской короне. Я отрекаюсь от своего отечества, не хочу служить королю-клятвопреступнику, который попирает ногами честь женщин своего дворянства, отказывается от своих детей! Пока я жив, испанская монархия не будет иметь врага более неумолимого, чем я! Повсюду я стану преследовать ее без отдыха, без пощады. Скажите это королю, господа, чтобы он знал, что сын, от которого он отрекся и права которого подло украл, сохранил драгоценнейшее из всех благ — честь. Прощайте, господа! Граф де Транстамар умер. Скоро вы услышите о мстителе. Клянусь вам в этом прахом моей матери, ставшей жертвой этого презренного короля!

Он накинул на плечи плащ, вскочил в седло и ускакал во весь опор, между тем как никто не думал останавливать его.

Присутствующие пребывали в оцепенении, они были поражены увиденным и услышанным и не могли себе уяснить, явь ли все это или им грезится страшный сон.

Герцог Бискайский выслушал этот ужасный рассказ с мрачным удовлетворением.

— Хорошо, дитя мое, — сказал он, когда молодой человек наконец замолчал, — я узнаю в тебе потомка де Торменаров, но грозную клятву, которую ты произнес, сдержать надо.

— До смерти не изменю ей, дедушка, клянусь вам!

— Ах, наконец-то мы будем отомщены! — воскликнул старик с необычайным оживлением. — Тебе нельзя оставаться здесь ни минуты, надо ехать немедленно, если возможно.

— Я готов, дедушка, — ответил молодой человек, вставая.

— Но куда ехать?

— Сперва во Францию, а там — куда Бог приведет.

— Хорошо, но торопись.

В комнату вбежал слуга с докладом, что человек пятнадцать всадников поднимаются вскачь по крутому подъему, следуя по дороге к замку.

— Все к оружию! — приказал герцог.

— Поторопились, — заметил с улыбкой молодой человек.

— Нельзя допускать, чтобы ты попался им в руки.

— Не бойтесь, дедушка, живым они меня не возьмут. Они быстро вышли.

Слуги, беззаветно преданные герцогу и давно находившиеся при нем, стояли вооруженные, готовые исполнить любое его приказание, в чем бы оно ни заключалось.

Однако всадники приближались во весь опор. Когда до замка оставалось всего несколько метров, человек, с ног до головы одетый в черное, с золотой цепью на шее и с эбеновой тростью в руке, потребовал именем короля, чтобы их впустили.

— Королю тут делать нечего, — отчетливо произнес герцог. Тогда человек в черном развернул пергамент и с важным

видом приступил к чтению.

В это время Гастон уже сел на лошадь и тихо отдал приказание привратнику.

— Что ты хочешь сделать, Гастон? — спросил герцог.

— Проложить себе дорогу сквозь толпу этих негодяев.

— Они убьют тебя, дитя! — вскричал старик.

— Нет, дедушка, — возразил Гастон, смеясь, — они чересчур неловки для этого.

— Боже, Боже мой!

— Дедушка, благословите меня, — сказал молодой человек, обнажив голову.

— Да благословит тебя Господь, дитя мое! — произнес старик дрожащим голосом. — Всемогущий Боже! Неужели мне суждено лишиться и тебя, последнего и более всех дорогого моему сердцу!

— Господь сохранит меня, дедушка. Разве не должен я отомстить за ту, которая молится за нас на Небе?

— Да, сын мой, отомсти за свою мать!.. Но что я говорю? Они убьют тебя, эти люди!

— Не думаю, дедушка, но — ей-Богу! — если бы это и случилось, я устрою себе славные похороны. Поцелуйте меня в последний раз, дедушка, и отпустите.

Он наклонился к старику, который поцеловал его в лоб, проливая слезы.

— А теперь прощайте, дедушка! — вскричал Гастон. — Я опять бодр и полон сил!

— Постой, — сказал герцог, — я отвлеку их внимание. Человек в черном, не кто иной как алькальд министерского дворца, между тем dokonчил свое чтение.

— Если вы не отопрете ворота, — крикнул он, складывая опять свой пергамент, — в вас будут стрелять, как в мятежников, выступающих против воли короля!

— Вашего короля мы не знаем, — возразил старик звонким голосом.

В ту же минуту ворота отворились и Гастон, со шпагой в зубах и пистолетом в каждой руке, помчался во весь опор среди королевских посланников.

— Стрелять в бунтовщиков! — взревел алькальд.

— Огонь! — приказал герцог.

Два страшных залпа раздалась почти одновременно.

Старик упал с пульей в груди, но тотчас опять встал.

Несколько минут продолжалась страшная свалка между Гастоном и окружавшими его всадниками, наконец молодой человек проложил себе кровавый путь сквозь их ряды и с криком торжества скрылся из виду под горой, размахивая шпагой.

— Он спасен, благодарю Тебя, Боже! — воскликнул старый герцог, который ухватился за выступ стены, чтобы следить за бегством внука. — Господи, — прошептал он, — прими мою душу...

Он выпустил из рук опору, за которую держался, и упал бездыханный.

Старик был мертв.

ГЛАВА I. Что происходило 28 февраля 1664 года в пятом часу утра на пустынном побережье в окрестностях Чагреса

Для европейца, только что высадившегося на американский берег, тропическая ночь представляет чудное и величественное зрелище: таинственно шелестит морской ветер в ветвях высоких столетних деревьев девственных лесов; небо, усеянное блестящими, как алмазы, звездами, простирает до крайних пределов небосклона свой лазоревый свод с темной каймой, которая смешивается с широко раскинутой гладью неподвижного океана; серебристый диск луны парит в эфире и, словно отражаясь в бесчисленном множестве зеркал, сверкает в зеленоватых лужицах, как бы неохотно оставляемых за собой, среди мрачных и грозных прибрежных скал, отступающими волнами.

Все спит, все отдыхает в дремлющей природе, только и видишь, словно во сне, постоянно набегающие на песчаный берег волны и слышишь однообразный назойливый гул насекомых, невидимая работа которых никогда не утихает.

О! Тропические ночи, что в тысячу раз светлее самых ясных и все-таки темных дней наших холодных северных стран, вы возвышаете душу, вливаете жизнь в истощенное тело, энергию в сердце, расслабленное унынием! Ничем нельзя передать упоительного обаяния, затаенного под вашим прозрачным и тем не менее таинственно-величественным покровом.

Если бы 28 февраля 1664 года человек посторонний или любопытный находился часам к четырем утра, примерно за час до восхода солнца, на вершине крутого утеса, милях в пяти к северу от города Чагреса, и, куря сигаретку или пахитоску, блуждал бы взглядом по бесконечной равнине океана, теперь спокойного, этот посторонний или любопытный присутствовал бы при зрелище, в котором ровно ничего бы не понял, несмотря на все усилия своего воображения.

Глазам наблюдателя представилась бы панорама, не лишенная известной доли величественной и печальной красоты, особенно в этот ранний утренний час, когда ночь вступает в борьбу с занимающимся днем, которому суждено вскоре остаться победителем.

Во-первых, у самого подножия утеса начиналось песчаное побережье, вдоль которого на довольно значительное пространство тянулись песчаные холмы, увенчанные группами тропических деревьев со странно высеченной листвой, стволы которых, высокие, тонкие и прямые или узловатые и низкие, устремлялись во все стороны.

Налево мыс, покрытый густым кустарником, углом врезался в море, образуя бухточку в виде эллипса, в которой при необходимости довольно большие суда могли бы найти убежище или даже укрыться за корнепусками.

С другой стороны, направо, виднелась посеребренная луной извилистая речка, впадающая в океан, по берегам которой было разбросано несколько полуразрушенных хижин из тростника, по-видимому давно покинутых своими обитателями.

Опаловая полоса уже появилась на темно-буром горизонте небосклона, звезды стали меркнуть одна за другой на небесном своде, когда в море на некотором расстоянии от берега появилась черная точка, которая быстро увеличилась в размерах и вскоре приняла форму брига водоизмещением тонн в двести.

Судно это, лавируя, медленно подходило к берегу и на расстоянии ружейного выстрела от мыса повернуло и замерло в неподвижности.

Тотчас же спущенная на воду лодочка отделилась от брига и на веслах пошла к берегу.

Не успела лодка отчалить, как бриг поднял паруса и, пользуясь попутным ветром, скрылся за мысом.

Лодочка с усиленно работающими гребцами вскоре очутилась среди зарослей корнепуски и, почти не замедляя своего хода, стала пробираться между ветвями до расстояния двух-трех метров от берега, после чего остановилась возле упавшего от старости дерева, поддерживаемого на воде другими деревьями и образующего естественную пристань.

Три человека, находившиеся в лодке, встали.

Двое из них одновременно прыгнули на ствол лежащего дерева, тогда как третий, оставшись в одиночестве в лодке, собрал несколько довольно больших мешков, которые передал товарищам, а те сложили их один за другим на сухом песке.

— Ну вот, — сказал человек, оставшийся в лодке, после тщательного осмотра под всеми лавками, — теперь мы все перенесли на берег.

— Ты уверен, что ничего не забыли? — спросил человек, ближайший к лодке.

— Еще бы, ваше сия...

— Что такое? — с живостью вскричал собеседник, и черные глаза его сверкнули гневом.

— Виноват, обмолвился! — воскликнул человек в лодке. — Да ведь мы же по-французски говорим!

— Это правда, но я приказал тебе или, вернее, просил... — прибавил он смягченным тоном.

— Ба-а! Не стесняйтесь! — сердито заметил человек в лодке. — Разве ваша просьба не приказание для меня?.. Не бойтесь, больше не попадусь, это в последний раз.

— Надеюсь!

— Что же теперь делать?

— Скорее в путь, Мигель, солнце уже восходит, вскоре нам здесь придется худо.

— Это правда.

Мигель взял топор, двумя сильными ударами пробил дно лодки, и она вмиг наполнилась водой, так что он едва успел гигантским прыжком перескочить на дерево, чтобы не пойти ко дну вместе с ней.

Три странных пловца сперва удостоверились, что лодка не всплыла на поверхность воды, после

чего сошли на берег и каждый взвалил себе на плечи по мешку.

— А теперь, вождь — или кто бы вы там ни были, — сказал первый из говоривших тому своему спутнику, который до сих пор оставался безмолвен, — остальное касается вас.

— Идите за мной, — ответил тот, к кому была обращена речь.

— Одну минуту, — резко остановил другой, взяв его за плечо и глядя на него в упор, — мы с Мигелем Баском в ваших руках; помните, что при малейшем подозрении в измене я убью вас как собаку, клянусь честью буканьера!

Индеец — тот, к кому обращена была эта страшная угроза, был краснокожий — без тени смущения выдержал устремленный на него пристальный взгляд и кротко улыбнулся, повторив спокойно и лаконично:

— Идите за мной.

— Хорошо, — согласился буканьер, — идем.

Они углубились следом за индейцем в густой кустарник на берегу речки.

Однако путь их оказался непродолжительным. Не успели они пройти и получаса по лесу, где их проводник вышагивал со свободной уверенностью, точно на большой дороге в цивилизованном краю, как остановились перед хижинкой, скрытой в непроницаемой чаще и так искусно замаскированной от посторонних глаз густыми ветвями, что заметить ее было невозможно даже в пяти шагах.

Краснокожий тихо свистнул.

По прошествии пяти-шести секунд ожидания ему ответил такой же свист.

Это явно был ответ на сигнал, данный проводником.

Не колеблясь более, индеец снял растянутую на четырех шестах из тростника оленью шкуру, которая заменяла в хижине дверь, потом посторонился и, нагнувшись к двум своим спутникам, которые неподвижно стояли за его спиной, произнес тихим и вместе с тем звучным, мелодичным голосом:

— Войдите, господа, в мое смиренное жилище, здесь вы в полной безопасности на все время, пока вам угодно будет оставаться под моим кровом.

Спутники вождя прошли мимо него и очутились в хижине. Тот опять заставил отверстие щитом из оленьей кожи и снова свистнул.

— Что вы делаете? — поинтересовался буканьер.

— Даю приказание, чтобы нас стерегли, — спокойно ответил вождь.

— Переоденемся, — предложил Мигель, — никогда нельзя знать наперед, что может случиться, надо всегда быть настороже, это очень важно!

— Хорошо сказано, братец, ей-Богу! Это похвальная предусмотрительность.

— В такой экспедиции, как наша, — произнес Мигель Баск внушительно, — когда самое

меньшее, чем можно поплатиться, это головой, необходимо помнить, что прежде всего не следует пренебрегать...

— Чем? — перебил со смехом его товарищ.

— Деталими, брат, деталими. Правда, мы оба говорим по-испански, словно уроженцы Кастилии, но не следует забывать, что испанцы есть и в числе Береговых братьев, хотя их совсем мало. Надо перехитрить хитрецов, испанцы чуют буканьера за десять миль вокруг, у них особенный дар узнавать их безошибочно; нам надо быть тем бдительнее, что мы одни во враждебном краю, отрезаны от всякой возможной помощи, а между тем нам предстоит столкнуться с мастерами своего дела и малейшее упущение или забывчивость могут погубить нас безвозвратно.

— Отлично излагаешь, любезный друг. Должен признаться, что ты прав во всех отношениях. Итак, условимся хорошенько, чтобы не допускать ошибок в наших ролях.

— Я слушаю, но очень опасаясь.

— Ты всегда опасаясь, — возразил со смехом его собеседник.

— Если бы речь шла только обо мне!

— Уж не принимаешься ли ты, снова-здорово, за прежнее?

— Я молчу.

— Это замечательно! Ты пугаешься тени, когда нет ничего проще и легче того, что мы хотим сделать.

— Гм, гм!

— Опять?

— Нет, я просто охрип и прочищаю горло, вот и все. Я слушаю.

— Прежде всего скажем, что мы бискайцы, — начал буканьер, уже приступив к переодеванию, — следовательно, принадлежим к племени, которое под видом простодушной откровенности скрывает тонкий ум и большую хитрость, — в этом, надеюсь, ты согласен со мной?

— Вполне. Продолжайте, я не пророню ни слова.

— Желал бы я видеть, как негодяи-испанцы заткнули бы нас за пояс, словно каких-нибудь простофиль! Помни одно, Мигель, старый дружище, я — граф Фернандо Гарсиласо де Кастель-Морено, чистокровный испанец, предки которого поселились и проживают в Мексике уже лет сто.

— Ну, этим я скорее доволен.

— Почему?

— Да хотя бы потому, что я, по крайней мере, могу называть вас вашим сиятельством.

— Что ж в этом за польза?

— Так будет легче — по крайней мере, я не стану опасаться на каждом шагу, что сделаю глупость. Какая великолепная мысль пришла вам в голову, ваше сиятельство!

— Опять за старое?

— Напротив, за новое, я вхожу в свою роль! Разве вы не испанский гранд первого ранга и прочая, и прочая? Будьте спокойны, теперь нечего опасаться, что я ошибусь.

— Сумасброд! — улыбнулся буканьер. — Пусть будет по-твоему, раз ты так настаиваешь, но не забудь, что аделантадо 10 в Кампече, мой близкий родственник, зная, что я имею намерение организовать в Панаме добычу жемчуга в больших масштабах, снабдил меня убедительнейшим рекомендательным письмом к тамошнему губернатору, — все это, кажется, ясно как день.

— Яснее дня, ваше сиятельство!.. Видите, я уже привыкаю к роли.

— Прекрасно, теперь, кажется, все сказано... Да! Еще надо прибавить, что ты — мой преданный слуга...

— Еще бы, черт возьми!

— Дай же закончить... старший сын моей кормилицы, почти молочный брат.

— За исключением возраста, впрочем, все справедливо.

— Погоди, теперь все будет вымыслом: во-первых, тебя зовут Мигелем Варосом.

— И тут не большая ошибка: Мигель Баск и Мигель Варос — в сущности, одно и то же.

— Совершенно верно; вдобавок, мы с этой минуты говорим только по-испански. Поначалу будет немного трудно привыкнуть, но вскоре мы втянемся и таким образом легче влезем в шкуру испанцев.

— Решено, сеньор граф, — по-испански ответил Мигель Баск.

Разговаривая таким образом, авантюристы переоделись. Это было полное превращение с ног до головы.

Буканьеры исчезли бесследно, а вместо них появились вельможа знатного вида лет двадцати восьми — тридцати, с изысканными манерами, пленительной обходительностью, но тем не менее с орлиным взглядом и гордым, несколько насмешливым выражением лица, что не только не вредило его костюмировке, но, напротив, довершало ее, и человек лет сорока пяти, с хитрым взглядом исподтишка и раболепно почтительным видом слуги из хорошего дома.

Так искусно было переодевание, что самый зоркий глаз не подметил бы обмана.

Граф Фернандо — поскольку он дал себе это имя, то мы на первое время оставим ему оное за неимением другого — и Мигель Баск, его мнимый слуга, были из числа тех отверженцев феодального общества XV11 столетия, которых изгнал подавляющий деспотизм европейских правительств и которые, вместо того чтобы склонить голову под унижительным игом, навязываемым им, гордо удалились на Черепаший остров.

вернуться

Аделантадо — губернатор в пограничной провинции.

Остров этот был тогда убежищем множества великих людей, не признанных и доведенных до отчаяния.

Присоединившись к грозному обществу Береговых братьев, флибустьеров и буканьеров, на Санто-Доминго, эти два человека, которых мы выводим на сцену, благодаря неслыханным подвигам храбрости, ума и отваги вскоре стали наравне с Монбаром, Польшэ, Олоне и прочими знаменитыми авантюристами, которые даже самых могущественных королей заставляли трепетать от страха и открыто вели с ними переговоры, гордо выставляя на своем трехцветном флаге — голубом, белом и красном — неумолимый девиз:

Война с Испанией без отдыха и пощады!

Переодевшись, два авантюриста стали один против другого, и, подобно авгурам 11 в древнем Риме, не могли не расхохотаться, глядя друг на друга — так мало они походили на то, чем были всего минуту назад.

Дон Фернандо, как младший, а следовательно, и наиболее смешливый, первый разразился хохотом.

— Делать нечего, любезный друг! — весело вскричал он. — Надо с этим смириться! Мы просто великолепны: ни дать ни взять два чучела в католической процессии.

— Ба! Что нам за дело до этого? — философски возразил Мигель. — Тем лучше, если мы похожи на чучела: так нас скорее примут за идальго, а нам этого-то и нужно, ваше сиятельство.

— Совершеннейшая правда, любезный друг.

— Итак, все хорошо, и незачем нам долее, глядя друг на друга, драть глотку, словно два каймана, зевающих на солнце.

При этом довольно оригинальном сравнении оба снова залились дружным хохотом, сильно вредя своему напускному достоинству.

По счастью, их остановило возвращение индейца, который из врожденного у краснокожих чувства приличия вышел из хижины, чтобы предоставить им полную свободу переодеваться, и теперь возвратился сказать, что завтрак готов.

Известие это было принято с невыразимым удовольствием: авантюристы не ели со вчерашнего вечера и, утомленные продолжительным путешествием по морю и по суше, буквально умирали с голоду. Они поспешно последовали за хозяином и уселись рядом с ним на траве против жареной лопатки оленя и печенных в золе сладких бататов, предназначенных, вероятно, заменить, хотя и не вполне удачно, хлеб, которого не было.

Мимоходом мы отметим некую характерную черту, которая не лишена известного значения: люди, привыкшие к крутым поворотам жизни авантюристов, в каком бы настроении духа ни находились, в радости или в горе, всегда едят с аппетитом.

То же самое замечается и у солдат во время кампании или на биваках неподалеку от неприятеля накануне сражения. Все это, по нашему мнению, основательно доказывает, что

физическое состояние поддерживает нравственное, и в течение наших продолжительных странствований по Америке мы имели случай удостовериться, что ясности мысли и бодрости духа немало способствует сытый желудок.

Оба буканьера оказали честь простой, но обильной трапезе, предложенной хозяином; они приправили ее несколькими глотками хорошей французской водки, которой захватили с собой порядочное количество — на всякий случай, как говорил Мигель Баск с той насмешливой серьезностью, которая составляла отличительную черту его характера.

Краснокожий, подобно большей части представителей этой расы, ел очень умеренно и, несмотря на все уговоры, ни за что не хотел коснуться губами золотистой влаги.

Краснокожего звали или, вернее, он позволял себя звать общим прозвищем *Хосе*, которое, неизвестно почему — в насмешку, быть может, — испанцы дают всем индейцам, и непокорным, и мирным.

Он представлял собой один из совершеннейших типов прекрасной индейской расы, перемешанной с европейской и африканской.

Индеец этот был высок и строен, тело его, необычайно пропорциональное, могло бы служить моделью для Аполлона Пифийского, а руки и ноги, с выступающими твердыми, как сталь, мышцами, выдавали в нем необычайную силу, гибкость и проворство.

Красивое овальное лицо его имело правильные и тонкие черты, а большие черные глаза с бахромой длинных темных ресниц, бросавших тень на щеки медно-красного цвета, имели прямой, глубокий и пронизательный взгляд и придавали подвижному выражению лица отпечаток тонкого ума, который становился еще более явным от немного мечтательной улыбки на губах; кроме того, индеец был наделен каким-то удивительным магнетическим даром, который неудержимо увлекает тех, кого случай или обстоятельства сводят с подобными людьми.

Хосе казалось на вид лет сорок или сорок пять; быть может, он был старше, а может, и моложе — с точностью определить возраст краснокожего не представлялось возможности.

Так же трудно было составить себе мнение и насчет его нравственной натуры. Он казался кроток, откровенен, благороден, бескорыстен, весел, общителен, но — кто знает? — не играл ли он всего лишь роль и под маской мнимого добродушия не старался ли обмануть тех, чье доверие ему полезно было приобрести?

Кто был он? Откуда? Все это покрывал непроницаемый мрак тайны, он никогда не говорил о своем прошлом и очень мало — о настоящей своей жизни. Два года назад он прибыл в Чагрес неизвестно откуда и с той поры жил здесь постоянно, добывая себе средства к существованию охотой и тем, что провожал путешественников из Чагреса в Панаму или через перешеек, иногда же выполняя роль гонца.

Индеец также счел приличным принарядиться, заменив накидку из плетеного камыша, которая служила ему единственной одеждой, на штаны из сурового полотна, кожаное пончо и остроконечную соломенную шляпу с широкими полями, какие обычно носят работники на испанских плантациях.

Авантюристы едят быстро, для них время — деньги, как говорят современные янки. Три описанных нами человека ели молча и насытились за несколько минут.

Когда последний кусок был проглочен, дон Фернандо залпом выпил большую рюмку водки, громко крикнул и, набивая свою глиняную трубку с черешневым чубуком, обратился на чистейшем мадридском наречии к краснокожему:

— Ну, вот мы и на берегу, Хосе, любезный друг. Скажи, где мы? Что нам делать?.. Передай мне огня, Мигель.

Последний осторожно взял большим и указательным пальцами раскаленный уголь и приложил его к трубке товарища, чтобы он раскурил ее.

— Мы в пяти милях к востоку от Чагреса, — ответил краснокожий, — речка возле нас — та же самая, по берегу которой мы шли сюда; исток она берет далеко в горах и впадает в Тихий океан в восьми милях от Панамы; называется она Браво.

— Она судоходна на всем своем протяжении? — спросил дон Фернандо.

— Да, для маленьких каноэ, за исключением небольших порогов.

— Вот что я называю толково излагать! Итак, мы продолжаем наш путь по воде?

— Что будет чрезвычайно приятно, — заметил Мигель между двух клубов дыма.

— Нет, это заставило бы нас кружить и потерять дорогое время.

— Гм! — отозвался Мигель. — Это не лишено основания.

— К тому же, — продолжал краснокожий, — дон Фернандо — испанский дворянин, он путешествует верхом, что гораздо приличнее для его звания и удобнее.

— Разумеется, — согласился неисправимый Мигель. — Беда только в том, что рагу хорошо, да зайца для него пока еще нет.

— То есть, — пояснил дон Фернандо, — для путешествия верхом надо иметь лошадей.

Краснокожий улыбнулся.

— Две верховые лошади с вашей поклажей, привязанной к седлам, ожидают вас в том кустарнике, — сказал он.

— Неужели?

— Разве я не обещал вам?

— Правда! Простите, вождь, я забыл. Должен признаться, что слово свое вы умеет держать... Но почему же две лошади, а не три?

— Потому, — с недоброй усмешкой произнес краснокожий, — что я всего лишь бедный мирный индеец, слуга, и моя обязанность — бежать впереди вашей милости, чтобы прокладывать вам дорогу. Что подумают о вас, если ваш раб будет на лошади?

— Ага! Вот оно что! — посмеиваясь, сказал Мигель. — Эти добрые испанцы всегда такие человеколюбивые!

— Когда мы отправляемся? — спросил дон Фернандо.

вернуться

11

Авгуры — римские жрецы, улавливавшие поданные божеством знаки и толковавшие их. Согласно Цицерону, в его время авгуры не могли без улыбки смотреть друг на друга при совершении гаданий, ибо не верили в них.

— Когда будет угодно вашей милости.

— Нас больше ничто не держит?

— Ровным счетом ничего, сеньор.

— Так отправимся в путь немедленно!

— Извольте! Они встали.

В эту минуту нежный, мелодичный, почти детский голосок раздался в кустах нарвалина.

— Отец! — произнес голос.

И молоденькая девушка, выпрыгнув из-за ветвей, бегом бросилась к краснокожему, который приподнял ее могучими руками и страстно прижал к своей широкой груди, воскликнув с невыразимым восторгом:

— Аврора! Мое прекрасное дитя! О, я боялся, что буду вынужден уйти, не обняв тебя!

При виде девушки авантюристы остановились, пораженные удивлением, и почтительно поклонились ей.

ГЛАВА II. Как совершился первый переход

Только сейчас девушка заметила присутствие посторонних, опустила глаза, попятилась и замерла в неподвижности, вся вспыхнув от смущения. Несмотря на тройную броню, которая облекала их свирепые сердца, авантюристы были приятно взволнованы видом очаровательного создания, которое так внезапно предстало перед ними, словно небесное явление; они едва осмеливались коснуться ее беглым взглядом, опасаясь усилить смущение девушки и тем заставить ее скрыться.

И в самом деле прекрасна была эта невинная шестнадцатилетняя девушка, уже наделенная, сама того не подозревая, всеми совершенствами женщины.

Большие задумчивые глаза с кротким и немного беспокойным взглядом, цвет кожи слегка смуглого оттенка, правильные черты ее прелестного лица, пунцовые губки, которые, раскрываясь при звонком смехе, обнаруживают двойной ряд ослепительной белизны зубов; благовонным облаком вокруг нее развеваются иссиня-черные волосы, чрезвычайно тонкие, которыми она с легкостью вся могла бы закрыться с ног до головы; ее стройный, округленный и грациозно гибкий стан, голос, мелодичный, как пение птиц, обаятельная гармония ее изящных очертаний — словом, все соединилось, образуя в целом образ самой пленительной красоты, когда-либо выпадавшей на долю дочери Евы.

С минуту краснокожий смотрел на чудного ребенка умиленным взглядом, потом нежно привлек ее в свои объятия, в которых она укрылась, точно перепуганная горлица, и, поклонившись своим гостям с учтивостью, гордой и величественной, сказал с достоинством:

— Представляю вам свою дочь. Авантюристы молча поклонились.

— Зачем ты пришла, несмотря на мой запрет? — опять обратился краснокожий к дочери, напрасно стараясь придать своему голосу строгость.

— Мне очень хотелось скорее обнять вас, — ответила она в замешательстве, — и потом еще...

— Что же еще? — спросил он, видя, что она замялась.

— Я хотела узнать ваши распоряжения.

— Мои распоряжения? — удивился он.

— Да, насчет гостей.

— Вот оно что, — с улыбкой сказал он. — Но мне нечего распоряжаться насчет этих сеньоров, так как они уезжают через десять минут.

— А! — вскрикнула она, украдкой взглянув на посетителей.

— Да, Аврора, моя милая, и я пойду с ними.

— И вы уходите! — вскричала она огорченно. — А я?

— Что ты?

— Разве я должна оставаться здесь одна?

— Одна? Ни в коем случае. Кажется, Силах, Камиш и Тораб могут надежно оградить тебя от всякого беспокойства и защитить в случае необходимости. Это преданные слуги.

— Разумеется, отец, но вас-то не будет и, простите, мне страшно.

— Ты сумасбродна и избалована моей любовью, Аврора. Я был чересчур мягок по отношению к тебе.

Но заметив слезы в глазах девушки, он поспешил прибавить:

— Полно, не плачь, дитя, я не могу остаться, но будь спокойна, скоро я вернусь, мое отсутствие не продлится долго.

— Дай-то Бог, отец! Эта хижина стоит так уединенно, а между тем в лесу столько незнакомых людей!

— Успокойся, говорю тебе, твои страхи нелепы. К тому же, если кто-либо из этих презренных посмеет подъехать на расстояние выстрела к нашей хижине, ему пустят пулю в голову. Я в особенности приказал слугам наблюдать за Каскабелем. Если этот негодяй опять станет бродить тут поблизости, как он, по-видимому, взял в привычку, то с ним, не сомневайся, сведут счеты! Повторяю, не опасайся ничего.

— Каскабель! — пробормотала девушка с движением ужаса.

— Ни слова больше, дитя, — возразил отец повелительно, — я и так потерял много времени. Поцелуй меня и оставь нас.

Молодая девушка не посмела настаивать, она бросилась с рыданием на шею отца и потом убежала с легкостью птички.

— Это ребенок, — сказал краснокожий голосом, которому напрасно силился придать твердость, — она ничего не знает о жизни и воображает, что все должно идти по ее прихоти.

— Да сохранит ей Бог это неведение как можно дольше! — сказал Мигель Баск. — Она так счастлива!

— Правда, бедное дитя!.. — сказал индеец и вдруг переменял тон. — Следуйте за мной, сеньоры, мы должны были бы сделать уже целых две мили.

— Ну вот! Что за спешка? Да, наконец, мы скоро нагоним упущенное время.

Они направились за проводником к густому перелеску, посреди которого молодой красивый краснокожий держал под уздцы двух великолепных лошадей в богатой испанской сбруе.

— Вот вам лошади, — сказал Хосе.

— Какие превосходные животные! — не мог удержаться от восхищенного восклицания дон Фернандо.

— Вы еще больше оцените, когда узнаете их достоинства, — заметил вождь.

Авантюристы вскочили в седло.

Хосе о чем-то тихо говорил несколько минут с молодым индейцем, после чего тот почтительно склонил голову, приложил руку к сердцу и одним прыжком скрылся в кустах.

— В путь! — сказал вождь, став во главе небольшого отряда.

Наконец все двинулись по тропинке, едва проложенной дикими зверями, которая тянулась вдоль холмистых берегов речки.

Картины природы, суровой, спокойной, дикой и величественной, сменяли одна другую, подобно исполинскому калейдоскопу, перед глазами восхищенных путников.

Нигде не было видно признаков грубого вмешательства человека.

Эта великолепная страна со своими тысячелетними лесами, с лугами, покрытыми высокой травой, осталась точно такой, какой вышла из рук Творца.

Действительно, почва под ногами путешественников была девственно свежей и абсолютно нетронутой.

Порой при звуке их шагов из-за кустарника выглядывала с беспокойством лань и тут же убегала в испуге; самые разнообразные птицы с ярким оперением мелькали повсюду, некоторые лениво качались над волнами речки, едва подернутой легкой рябью от прихотливого ветерка.

Повсюду, куда доставал глаз, царила девственная природа, нигде не было заметно следов рук человеческих и присутствия людей, хотя они не могли быть далеко, так как местность, где находились путешественники, была в то время одной из богатейших и могущественнейших испанских

колоний на американском континенте; к тому же Панама на Тихом океане и Чагрес на Атлантическом океане соединялись путем очень оживленным, потому что между двумя этими портами пролегал Золотая тропа, по которой перевозили несметные богатства Нового Света.

По требованию проводника авантюристы пустили лошадей крупной рысью, а между тем индеец, выступая своим скорым, свойственным краснокожим шагом, не отставал от них, ничуть не напрягаясь при этом и постоянно держась впереди, по-видимому нисколько не тяготясь таким быстрым ходом.

Мигель Баск под влиянием лучей полуденного солнца, отвесно падавших ему на голову, и арабского седла, на котором он удобно устроился, скоро заснул.

Напрасно дон Фернандо будил его несколько раз и силился завязать разговор, ответом ему было лишь короткое и невнятное мычание. Наконец он и этого добиться не смог, а вместо того раздалось храпение, сила звука которого не уступала гудению севильского церковного органа в воскресный или праздничный день.

Потеряв всякую надежду на успех, дон Фернандо отказался от попыток вступить в разговор с таким упорным спящим, но так как он принадлежал к числу людей, никогда не засыпающих, если вынашивают в голове важные замыслы или им поручено дело не только трудное, но и опасное, то решил оставить в покое товарища, не отвечающего ему, и расспросить проводника, чтобы извлечь из него полезные сведения, которые впоследствии, вероятно, могли бы им пригодиться.

Дон Фернандо был одарен редкой тонкостью, хитрый, как горец, до мозга костей, он, однако, до сих пор имел дело только с европейцами; характера краснокожих он не знал вовсе и понятия не имел, где у них слабая струнка. Со свойственной европейцам самонадеянностью он воображал, что легко справится с неотесанным дикарем, который так бодро вышагивал в десяти шагах впереди него.

Достойный авантюрист не подозревал, что в самом простодушном с виду краснокожем хитрости, ловкости и смысленности хватит на трех уроженцев Нижней Нормандии, двух — Нижней Бретани и такое же число гасконцев или бискайцев, по общему мнению — за основательность которого, однако, сохрани нас Боже поручиться, — людей самых хитрых во всем нашем подлунном мире.

Итак, уверенный, что достигнет своей цели, авантюрист пренебрег всеми мерами предосторожности и весело окликнул проводника:

— Эй, Хосе! Нельзя ли тебе идти немного тише и рядом со мной? Мы потолковали бы дорогой, чтобы скоротать время. Между нами говоря, оно тянется для меня чертовски долго на этом солнцепеке, от которого изжарился бы даже панцирь черепахи.

— Как угодно, сеньор, — спокойно ответил краснокожий, — но к чему говорить, когда можно спать? Берите пример с вашего товарища: видите, он спит, убаюканный мерной поступью лошади. Отчего бы вам не поступить так же?

— По двум причинам, любезный друг, — ответил молодой человек насмешливым тоном, — во-

первых, мне спать совсем не хочется, во-вторых, я был бы не прочь наблюдать за дорогой, по которой мы едем.

— Нет ничего легче, когда у вас глаза так широко раскрыты, сеньор, для этого нет надобности в разговорах.

— Правда, любезнейший, истинная правда, я вполне признаю это, однако, если тебе не будет неприятно, я был бы очень рад поговорить с тобой. Признаться, я очень люблю беседовать, да и то сказать, ведь это самое верное средство получить сведения.

— А! Вы хотели бы собрать сведения, сеньор?

— Не скрою, что сильно хочу этого.

— Какая неудача для вас, что вы напали именно на меня, любезный сеньор! — возразил краснокожий, и в голосе его прозвучала насмешка. — Похоже, из всех людей я менее всего способен предоставить то, что вам нужно.

— Как знать, любезный друг, как знать, все-таки подойди ближе, если не возражаешь, и потолкуем о том о сем; быть может, сами не подозревая того, в нашем беспредметном разговоре мы до чего-нибудь и договоримся.

— Не думаю, сеньор, однако, не желая делать вам неприятное, я исполню ваше желание. Будем говорить или, вернее, извольте говорить, сеньор, а я готов отвечать вам, если смогу.

Краснокожий замедлил шаг и пошел по правую руку путешественника .

Тот, изумленный отпором и начиная подозревать, что имеет дело с противником несравненно более сильным, чем предполагал, насторожился и сменил тактику. Он продолжал самым равнодушным, казалось бы, тоном:

— Признаться, я так упорно настаиваю на беседе с тобой только потому, что не хочу заснуть.

— Очевидно, — ответил проводник небрежно.

С этим словом он разможил палкой, которую держал в руке, голову речной змеи, внезапно появившейся перед ним.

— Ого, приятель, как ты ловко справляешься с этими гадами! — вскричал молодой человек с удивлением.

— О, это сущий пустяк!.. Так что вы говорили, сеньор?

— Я ничего не говорил.

— Значит, разговор окончен?

— Напротив, только начинается, поскольку, как известно, приступать к делу труднее всего.

— Полноте, сеньор, вы шутите или смеетесь надо мной.

— Ты же так не думаешь.

— Напротив, уверен в том, что говорю. Вам, извольте видеть, приятно было бы узнать кто я,

откуда родом, из каких мест направляюсь и куда.

— Да что же это? — вскричал молодой человек с притворным смехом, который не скрывал, однако, его смущения. — Мы, кажется, хитрим?

— Ничуть! Я не думаю хитрить и говорю вполне откровенно: мне нечего вам сообщить, по крайней мере сейчас; со временем, быть может, я окажу вам доверие, которое теперь считаю лишним. Человек, на которого вы вполне полагаетесь, поручил мне быть вашим проводником, он знает, кто я, любит меня и покровительствует мне, за него я дам изрубить себя в куски; этого для вас должно быть достаточно. Я дал слово довести вас до Панамы, слово это я сдержу — вот все, что я могу сказать вам в настоящую минуту, а если этого вам недостаточно, то ничего не может быть легче, как вернуться назад, тем более что я опасаясь урагана. Вы можете пока скрываться в моей хижине, а при первом удобном случае я обязуюсь доставить вас обратно на ваш корабль в целости и сохранности.

С минуту авантюрист не знал, что ответить на эти гордые и решительные слова краснокожего, но он тотчас овладел собой.

— Ты меня не так понял, любезный друг, — сказал он шутливо, — я вовсе не сомневаюсь в твоей преданности — за нее мне поручился человек, которого я считаю братом, — но поскольку мы должны оставаться вместе довольно долго, то, говоря откровенно, я был бы не прочь узнать тебя поближе, в тебе кроется что-то таинственное, чего я не опасаясь, правда, но что в высшей степени возбуждает мое любопытство.

— Однако, сеньор, мне кажется...

— И мне, черт возьми, кажется, — с живостью перебил путешественник, — что твои действия честны, обращение откровенно, но что это доказывает? Мыс товарищем затеяли игру, в которой наши головы могут начинить пулями! Испанцев ты должен знать не хуже нас, тебе известно, какую ожесточенную войну они ведут с нами, какую ненависть питают к нам, — впрочем, и мы не остаемся у них в долгу; они зовут нас грабителями, гоняются за нами, как за дикими зверями, и безжалостно убивают повсюду, где только встречают нас поодиночке.

— Да, да, — сказал проводник задумчиво, — они поступают с вами, как с краснокожими.

— Именно так, если не хуже. С их точки зрения краснокожие — их рабы, так сказать, их собственность, лишаться которой они не имеют никакой охоты. А мы — совсем иное дело, при малейшем подозрении о том, кто мы, нас безжалостно расстреляли бы после жесточайших пыток. Смерть меня не пугает, я часто глядел ей прямо в глаза. Но если я отважно подвергаюсь смертельной опасности во имя почестей, славы и богатства, это вовсе не значит, что я собираюсь попасться, как волк в западню, и лишиться жизни, как последний дурак, для вящего наслаждения надменных испанцев. В конце концов, я должен сознаться, что какая бы сумасбродная голова ни была у меня на плечах, я имею слабость дорожить ею, потому что другой уж, верно, не подыщу.

— Вы правы, сеньор, и слова ваши основательны — доверие требует доверия. Вы действительно находитесь в моих руках и, будь я изменником, могли бы считать себя погибшим, но все же предоставьте мне действовать по своему усмотрению. Ничьей воли насиловать не следует. Каждый должен поступать согласно своим наклонностям и своим интересам. Быть может, доверие, которого вы требуете от меня сегодня, завтра я окажу вам по собственному побуждению, это зависит от обстоятельств... Впрочем, предупреждаю, что скоро я попрошу вас об одной важной услуге, пусть это будет по пословице, что долг платежом красен.

— Согласен от всего сердца, но смотри в оба, приятель, клянусь честью Берегового брата, если бы даже ты как-нибудь оплошал по отношению ко мне, я не изменю своему слову.

— Решено, теперь разбудите вашего товарища, небо принимает вид, который меня тревожит, надо поторопиться.

— Чего же ты опасаясь?

— Урагана. Взгляните наверх и вокруг себя, и вы увидите, что необходимо скорее добраться до убежища.

Молодой человек поднял голову и вздрогнул от изумления.

Солнце мгновенно скрылось за громадными желтоватыми тучами, которые мчались по небу с головокружительной быстротой армии, обратившейся в бегство, а между тем в воздухе стояла мертвая тишина, жара становилась удушливой, дышала огнем, птицы тяжело перелетали с места на место, в испуге кружили в воздухе, испуская пронзительные и отрывистые крики, животные в страхе выбегали из леса и кустарника и со зловещим воем разбежались в разные стороны.

Явление странное и вместе с тем грозное — река как будто вдруг остановилась в своем быстром течении, поверхность ее стала неподвижной и гладкой, как зеркало.

Вдали в горах слышался неопределенный гул и глухие раскаты.

Лошади под всадниками, уткнув морды в землю, сильно фыркали и скребли копытами землю, пригибая уши, сверкали глазами и в неопишемом ужасе не трогались с места, несмотря на понукания; временами они жалобно ржали.

— Что это значит? — спросил дон Фернандо с изумлением, к которому примешивался отчасти страх.

— Это значит, сеньор, что если не произойдет чуда, мы погибли, — холодно ответил проводник.

— Погибли? Полноте! — вскричал молодой человек. — Разве мы не можем поискать какого-нибудь убежища?

— Поискать можно, только найти нельзя, от землетрясения не укроешься!

— Что такое вы говорите?!

— А то, что сейчас будет ураган вместе с землетрясением!

— Черт побери! Это, кажется, не шутка.

— Не шутка, а страшная вещь.

— Далеко мы от ночлега?

— В двух милях, не более.

— Да ведь это вздор, мигом проскакать можно.

— Поздно! — вдруг вскричал проводник.

— Долой с лошади!

И схватив молодого человека за пояс, он мигом приподнял его с седла и уложил возле себя ничком наземь.

Лошадь, избавленная от всадника, тотчас улеглась рядом.

Страшный вихрь несся прямо на них, ломая и опрокидывая все на своем пути.

Мигель Баск свалился с лошади, точно мешок, и спросонья не понимал, что происходит вокруг него.

На счастье достойного авантюриста, он упал так тяжело, что остался лежать неподвижно, оглушенный падением.

В то же время раздался оглушительный треск, подобный пальбе из сотни орудий крупного калибра; вода в реке, поднятая неведомой силой, закипела, полилась фонтаном на берег и затопила все вокруг на большом расстоянии; земля задрожала с глухим и зловещим рокотом, широкие трещины открывались в ней там и здесь, горы содрогались в своем основании, деревья сталкивались, раскачиваясь из стороны в сторону, словно укушенные тарантулами.

Потом вдруг все замолкло, тучи, затемнявшие небесный свод, рассеялись, солнце выглянуло вновь, и воцарилась прежняя тишина.

— Встаньте! — крикнул проводник. Путешественники проворно вскочили на ноги и огляделись вокруг с испугом.

Они не могли узнать места, где находились. В несколько мгновений природа вокруг настолько изменилась, что все приняло совсем иной вид: там, где раньше была долина, теперь возвышалась гора, река как будто изменила свое русло, деревья, вырванные с корнем, скрученные, сломанные, переплелись ветвями и лежали, разбросанные в беспорядке, громадные трещины разверзлись в земле и пересекали равнину по всем направлениям, исчез всякий след дороги или тропинки.

Между тем с моря подул легкий ветер и освежил раскаленную атмосферу, ярко сияло солнце в голубом небе, глубокая тишина как бы по волшебству воцарилась вслед за страшным ураганом, животные, как и прежде, спокойно бродили, птицы запели в листве.

Никогда еще человеческий глаз не встречал противоположности более резкой, более поражающей.

— Что же нам делать? — вскричал дон Фернандо.

— Ждать, — ответил проводник.

— Прелестный край, — ворчал про себя Мигель, потирая бока, — даже земля уходит под ногами, на что же после этого полагаться? Ей-Богу! Море лучше во сто раз!

— Неужели мы тут останемся? — спросил дон Фернандо.

— До утра; разумеется, дорога нам отрезана, и надо проложить другую, теперь же поздно за это братья. Мы проведем ночь на этом самом месте.

— Да зачем же это? — запротестовал Мигель. — Ночлег на открытом воздухе вовсе не

безопасен в таком краю, где горы пляшут, словно пьяные матросы.

— Это неизбежно — мы не можем достигнуть сегодня места, где полагали остановиться на ночлег.

— Зачем же нам стремиться именно туда? Разве нельзя отыскать другого?

— Мы в пустыне.

— Однако не совсем... Что за стена там виднеется?

— Ничего нет, — ответил проводник нерешительно.

— Полно, друг, ты смеешься надо мной!

— Не понимаю.

— Как! — вскричал дон Фернандо. — Разве ты не видишь на вершине этого пригорка, немного вправо, минутах в десяти ходьбы отсюда белые стены здания, наполовину скрытого деревьями?

— Надо быть слепым, чтобы не видеть, черт побери! — подтвердил Мигель.

Проводник содрогнулся, но тотчас же, по-видимому, собрал все свое мужество и принял решение.

— Сеньоры, — сказал он, — я вижу этот дом не хуже вашего. Я знаю его давно.

— Что это за здание? — осведомился дон Фернандо.

— Асиенда дель-Райо.

— Блистательное название, во всяком случае 12, — с улыбкой заметил Мигель.

— Оно принадлежит дону Хесусу Ордоньесу де Сильва-и-Кастро, — невозмутимо продолжал проводник.

— А что это за человек? — поинтересовался дон Фернандо.

— Один из богатейших землевладельцев в провинции.

— Очень хорошо, но я не о том спрашиваю; сам-то он какой человек?

— Чистокровный испанец, пропитанный предрассудками до Мозга костей, ханжа, лицемер, развратник, коварный и лживый, но, разумеется, примерный католик — вот вам его портрет.

— Гм! Портрет не льстивый и если похож на оригинал, то последний весьма непривлекателен.

— Он точен. Позвольте мне еще раз настаивать на том, чтобы остаться ночевать здесь, это для нас будет лучше во всех отношениях!

— Разве нас плохо примут?

— О нет, нет! Этого опасаться нечего. Только...

— Только что?

— Странные слухи ходят про этого дона Хесуса Ордоньеса и про его дом.

— Да ну же, говори прямо! — вскричал с нетерпением дон Фернандо.

— Асиенда его имеет дурную славу в краю, люди благоразумные обходят ее стороной, страшные вещи рассказывают про эти старые стены... Поговаривают, будто там водится нечистая сила.

— Только-то! — радостно вскричал Мигель. — Вот славный случай посмотреть на привидение, который я-то уж ни в коем случае не упущу, поскольку жажду этого счастья всю свою жизнь, но ни разу еще не испытал его!

— Веди нас, Хосе, мы тут не останемся.

— Но...

— Полно говорить о пустых фантазиях, ведь мы не дети, которых пугают сказками, идем.

— Подумайте...

— И думать нечего! В путь!

— Если вы непременно хотите этого...

— Требую.

— Я покоряюсь вашей воле, но помните, что я только уступил вашим настоятельным требованиям.

— Разумеется, Хосе, я беру на себя всю ответственность.

— Так пойдете, раз вы непременно этого желаете, но послушайте меня, будьте осторожны!

— Да чего же нам бояться-то? — рассмеялся Мигель. — Разве мы не такие же черти? Неужели сатана не будет добрым товарищем своим же?

Проводник пожал плечами с грустной улыбкой и двинулся в путь.

Спустя десять минут путешественники приближались к асиенде.

Когда они входили в ворота, Хосе увидел разглагольствовавшего среди кучки народа отвратительной наружности индейца, кривого и однорукого, тело которого было раскрашено, подобно тигровой шкуре, желтоватыми пятнами, а лицо, узкое, коварное, жестокое, просто отталкивало.

Возле него стоял серый мул, худой, с ввалившимися и окровавленными боками, понурил голову с покорностью отчаяния несчастного животного, не прирученного, но терзаемого человеком. Громадная собака с серой свалывшейся шерстью, с окровавленными ушами и гноящимися глазами, лежала у ног индейца.

Увидев этого человека, Хосе вздрогнул, в глазах его сверкнула молния, и он невольно прошептал:

— Каскабель здесь! Зачем?

Как тихо ни были произнесены эти слова, дон Фернандо услышал их.

Между тем проводник не останавливался, и всадники въехали вслед за ним во двор.

вернуться

12

Одно из значений испанского слова гауо — сияние, ореол.

ГЛАВА III. Каков был на самом деле дон Хесус Ордоньес де Сильва-и-Кастро, владелец асиенды дель-Райо

Хосе обменялся со странно раскрашенным краснокожим быстрым взглядом, в который вмещалась вся ненависть, на какую способно человеческое сердце. Между ними легко бы могла завязаться жестокая ссора, если бы на парадном дворе не появился владелец асиенды, спеша приветствовать гостей.

— Гляди за шквалом, матрос, — шепнул дон Фернандо на ухо товарищу, — тут надо держать ухо востро.

— Будьте спокойны, ваше сиятельство, — почтительно ответил буканьер, низко склонившись к гриве своей лошади, быть может чтобы лучше скрыть насмешливую улыбку, адресованную испанцу.

Асиендадо дон Хесус Ордоньес был человеком средних лет, среднего роста и средней полноты, с правильными чертами и смуглым цветом лица, пронизательным взглядом, закрученными кверху усами, ртом одновременно насмешливым и сладострастным; лицо его выражало то хитрое добродушие, что чаще всего не дает наблюдателю составить себе определенное мнение о человеке, с которым имеет дело; впрочем, он был радушен, приветлив, любезен во всех отношениях и соблюдал законы кастильского гостеприимства со всеми своеобразными его требованиями: путешественники не только были вежливо приняты, но еще и приветствованы с изъявлениями живейшей радости.

— Добро пожаловать в мое бедное жилище, кабальеро, — сказал асиендадо с усердным поклоном. — Вам, вероятно, известна наша поговорка: гость Богом послан, он вносит в дом радость и счастье. Итак, повторяю, добро пожаловать в мою плохенькую хижину! Все, что в ней находится, в вашем распоряжении, как и ваш слуга дон Хесус Ордоньес де Сильва-и-Кастро.

Эта речь была произнесена так быстро, не переводя духа, что дон Фернандо не имел времени вставить ни слова.

— Покорнейше благодарю, кабальеро, — наконец ответил он, сходя с лошади и бросая повод Хосе, — не имею слов выразить вам свою признательность за любезный прием. С час назад неподалеку отсюда меня с моим доверенным слугой и проводником-индейцем на пути застигло землетрясение. Поставленный перед невозможностью продолжать путь, я решил просить у вас приюта на несколько часов, принося извинение за беспокойство.

— Извинение! — вскричал асиендадо. — Вы, верно, шутите! Ведь это мне следует извиняться за то, что я не могу оказать вам достойный прием: землетрясение нас совсем переполошило, мои люди до сих пор еще не совсем опомнились от страха, все в беспорядке, но мы приложим все

усилия, чтобы доставить вам возможное удобство.

После этого обмена любезностями асиендадо, предшествуемый мажордомом, рослым детиной с видом висельника, в черном бархате с ног до головы, толстой золотой цепью на шее и эбеновой тростью в руке — знаками его достоинства, — повел гостей в обширную комнату, где собирався оставить вновь прибывших, лично удостоверившись, что тут имеется все для них необходимое.

— К ужину позвонят через час, — сказал он и сделал движение, чтобы уйти.

— Позвольте, сеньор, — возразил гость, удерживая его, — я вам еще не назвал себя.

— Для чего? Вы мой гость, и мне этого достаточно.

— Вам, может быть, достаточно, но не мне, сеньор! Позвольте поблагодарить вас за вашу любезную предупредительность, но пользоваться ею я не намерен. Я — граф Фернандо Гарсиласо де Кастель-Морено, прибыл недавно в Чагрес и отправляюсь в Панаму, куда меня призывают важные вопросы — частные и политические.

Асиендадо почтительно снял шляпу, отвесил поклон до земли и дрожащим от волнения голосом вскричал:

— Граф Гарсиласо де Кастель-Морено, племянник его светлости вице-короля Новой Испании, родственник губернатора Кампече и испанский гранд первого ранга! О, ваше сиятельство, какая честь моему бедному дому, какое счастье для меня, что вы сооблаговолили принять мое гостеприимство!

С этими словами он попятился к двери, не переставая кланяться, и наконец вышел в сопровождении мажордома, растерявшегося не меньше своего господина.

Дверь затворилась, и два авантюриста остались одни.

Мигель принес чемоданы и поставил их на стулья. Дон Фернандо тотчас принялся одеваться с помощью товарища, который добросовестно и со всем должным подобострастием исполнял свою роль слуги.

Береговые братья уже давно были знакомы с обычаями в испанских домах, они прекрасно знали, что в них имеются миллионы потайных дверей, скрытых лестниц и невидимых окошечек, через которые можно подсматривать и подслушивать, и потому соблюдали всякую осторожность.

И хорошо сделали — во всяком случае, на этот раз, — что были предусмотрительны: за ними подсматривали самым тщательным образом. Нельзя, впрочем, сказать, чтобы намерение тут крылось дурное — имя и титул, которые присвоил себе молодой человек, произвели положительное впечатление на достойного асиендадо, сельского жителя, не привыкшего принимать знатных гостей, и он подсматривал за своим гостем и подслушивал его разговоры, чтобы хорошенько уяснить себе, как обращаются вельможи с людьми своего круга.

Вероятно, он остался очень доволен тем, что увидел, потому что удалился с сияющим лицом, радостно потирая руки.

Гость и его слуга постоянно говорили по-испански, и все, что было сказано между ними, только утвердило то высокое мнение о них, которое асиендадо составил себе с первой минуты.

Дон Хесус Ордоньес де Сильва-и-Кастро, родом из Бургоса, еще очень молодым приехал в Америку искать счастья. Ступив на почти девственную землю Нового Света, этот юный искатель золота, лет тринадцати или четырнадцати, никак не более, обладал только сильным желанием обогатиться, не имея ни гроша в кармане. Однако он не падал духом, напротив, он перепробовал чуть ли не все профессии, прошел одну за другой почти все испанские колонии и был поочередно матросом, солдатом, погонщиком мулов, рудокопом, разносчиком и Бог весть чем еще. Лет пятнадцать длился этот довольно пестрый образ жизни, подробности которого, однако, для всех остались тайной — достопочтенный юноша был очень скромно относительно собственных дел, — когда в один прекрасный день он явился в Панаму на собственном корабле, груз которого принадлежал ему одному.

Но это уже не был прежний ньо Хесус Ордоньес, он влез в новую шкуру: был богат, разыгрывал вельможу и величал себя пышным титулом — дон Хесус Ордоньес де Сильва-и-Кастро, который казался ему громким, и потому он окончательно присвоил себе его.

К тому же он был женат на прелестной молодой женщине с кротким и грустным лицом, которая внушала сочувствие с первого взгляда; у нее была премиленькая двухлетняя дочка, резвая хохотушка, по имени Флора, отцом которой, разумеется, был дон Хесус Ордоньес де Сильва-и-Кастро.

Была ли эта дама счастлива со своим мужем? Это казалось сомнительным. Нередко ее видели с покрасневшими глазами, уверяли даже, что заставляли плачущей тайком, когда она целовала свою девочку и прижимала ее к сердцу. Она никогда не жаловалась, и если кто решался спрашивать ее, она ловко переводила разговор на другое, старалась улыбнуться и прикидывалась веселой, хотя никого не могла обмануть этим.

Как бы там ни было, все эти предположения, в сущности, ни на чем фактическом не основывались, ни одно слово, ни взгляд, ни даже движение не подтверждали подозрений людей праздных, любопытных или приятелей вновь прибывшего — он разыгрывал важную роль в Панаме, в силу своего богатства пользовался почетом, и перед ним даже заискивали. Впрочем, как бы ни поступал дон Хесус Ордоньес де Сильва-и-Кастро в своем доме, чего никто не знал, в обществе он был очарователен, любезен, внимателен и с достоинством пользовался своим честно ли, бесчестно ли приобретенным состоянием.

Закончив дела, которые удерживали его в Панаме, он объявил, что край ему понравился и он намерен поселиться здесь окончательно, но чтобы не оставаться в бездействии в свои года, приобретет поместье, где и будет заниматься сельским хозяйством.

В это же время богатый землевладелец в колонии, собираясь переехать обратно в Испанию, продавал все свое имущество, в числе которого находилась великолепная асиенда в нескольких милях от Чагреса, с обширными угодьями, лесом, пахотной землей и множеством лошадей и различного скота.

Асиенда эта называлась дель-Райо и была построена в эпоху открытия Нового Света одним из грозных товарищей Эрнандо Кортеса 13, поселившимся в этой колонии, почти совершенно тогда неизвестной. Об этом искателе приключений шли странные рассказы; поговаривали, что в стенах этого мрачного жилища происходили ужасающие сцены, чудовищные оргии, злодейства, от которых волосы становились дыбом, и смерть первого владельца будто бы сопряжена была со страшными обстоятельствами, которые так никогда до конца и не разъяснились. С той поры грозная таинственность витала над этим домом, народ сторонился его и, как говорили шепотом и крестясь, по временам там слышались непонятные говор и стук, наводя на всех неизъяснимый ужас.

Настоящий владелец никогда не жил на асиенде; раз он прибыл туда, заявив о намерении поселиться, но не провел и двух суток на ней, как ускакал с поспешностью бегства и без оглядки помчался обратно в Панаму, предоставив доверенному слуге управление этим обширным и великолепным поместьем.

При такой худой славе асиенда продавалась со всеми угодьями за сто пятьдесят тысяч пиастров — цену весьма умеренную, тогда как настоящая стоимость ее была по крайней мере в пять или шесть раз больше; но владелец боялся, что даже и за эту небольшую сумму не найдет покупателя.

На его счастье, об этой продаже прослышал дон Хесус. Авантюрист был не робкого десятка, чтобы придавать значение, по его собственному выражению, рассказам мамок. При его жизни, исполненной самых удивительных приключений, он не мог испугаться толков, более или менее основательных, относительно старого дома.

Ему понадобилась асиенда, и такая была в продаже за умеренную цену. Поместье вполне соответствовало его желаниям, он вступил в переговоры с владельцем, выторговал уступку в двадцать пять тысяч пиастров и тут же на месте сполна выплатил золотом всю требуемую сумму, вследствие чего сделался законным владельцем асиенды дель-Райо.

Были лица, которые отважились на попытку отговорить его от этого приобретения, утверждая, что он не замедлит раскаяться, но почтенный испанец только улыбался и пожимал плечами, решения же своего держался с упорством, которое составляло основу его характера. В сущности, покупка была для него очень выгодна, он приобретал за ничто, так сказать, поместье стоимостью миллиона в три-четыре, против этого нечего было возразить, все замолчали, но предсказывали ему в будущем всякого рода несчастья.

Однако, судя по всему, эти предсказания со временем не сбывались. К великому изумлению всех приятелей и знакомых, дон Хесус благоденствовал, проживая в своем новом доме.

Не интересуясь более общими толками, новый асиендадо сделал все надлежащие распоряжения, чтобы уехать из Панамы и поселиться на асиенде дель-Райо. По прошествии недели после заключения сделки однажды утром, на заре, он выехал из Панамы с женой и дочерью в сопровождении многочисленной прислуги, хорошо вооруженной и на добрых лошадях, и направил путь к асиенде, куда прибыл на четвертый день около трех часов пополудни.

Переезд совершился не быстро, так как, хотя асиенда находилась всего в четырнадцати милях от города, дороги были непроходимые или, вернее, их не существовало вовсе. Кроме того, за доном Хесусом тянулось до двадцати мулов, навьюченных самыми разными вещами, пять-шесть телег, запряженных волами, а в паланкине еще находились его жена и дочь.

Служанки были кое-как размещены в телегах. Такой многочисленный, а в особенности тяжелый караван с величайшим трудом выбирался из оврагов и трясин, в которых вязнул на каждом шагу, надо было буквально пролагать себе путь топором и заступом, и только благодаря громадным, почти нечеловеческим усилиям они наконец благополучно достигли асиенды.

Величественный вид великолепного, чисто феодального здания порадовал глаза и сердце нового помещика, который не ожидал увидеть такое чудное жилище. По своей привычке он весело потер руки и совершенно спокойно, без малейшей заботы о том, что может готовить ему будущее в этом Замке, въехал вскачь на парадный двор, где мажордом и все пеоны, работавшие

на асиенде, с нетерпением ожидали своего нового господина, чтобы почтительно приветствовать его и засвидетельствовать всенижайшую преданность.

Дон Хесус был не таков, чтобы терять время на всякий вздор; поздоровавшись с пеонами и раздав им несколько реалов, он отправился в сопровождении мажордома осматривать дом от подвала до чердака, надворные строения, домовую церковь, конюшни и людские.

Теперь радость его уже не знала пределов и превратилась в восторг. Все было в порядке и в наилучшем виде, мебель и вся обстановка в доме имели новый лоск, точно купленные накануне. Дон Хесус горячо выразил свое удовольствие мажордому и едва ли не в первый раз в жизни изменил принятое им решение. Он сказал мажордому, что оставляет его у себя и что от него самого будет зависеть, служить ли ему в этом доме до самой смерти. Мажордом рассыпался в изъявлениях благодарности с тем большим жаром, что знал о прежнем намерении хозяина отказать ему.

Владелец асиенды указал, какие комнаты будет занимать сам, какие отводит жене с дочерью, велел приготовить их к вечеру и, все более и более довольный своей покупкой, завершил осмотр асиенды в самом блистательном расположении духа.

Мажордом не пропустил ни одной комнаты обширного здания, куда бы ни вводил нового хозяина — разумеется, отчасти желая продемонстрировать, как он заботился о порядке в доме. Итак, обход длился долго, но кому же наскучит осматривать свои богатства?

Уже с добрых два часа асиендадо и его мажордом поднимались по лестницам и спускались вниз, поворачивали по коридорам то направо, то налево, стучали в стены, отворяли потайные двери и сходили по тайным лестницам, так как дом, построенный в древнефеодальном вкусе, был, так сказать, с двойным дном: потайные комнаты и неизвестные проходы присутствовали в гораздо большем числе, чем те, что имели окна и двери, выходящие на свет Божий.

Наконец новый владелец и мажордом дошли до правого флигеля здания, построенного в виде сарацинской башни, увенчанной вышкой, откуда открывался прекрасный вид на окрестности. Дон Хесус уже хотел выйти опять на парадный двор, когда порыв сквозняка внезапно ворвался в залу, заколыхал занавеси, и одна из них, вероятно плохо закрепленная, упала, представив всеобщим глазам дверь, так искусно вделанную в стену, что заметить ее можно было только при тщательном осмотре; впрочем, дверь эта, очевидно, не отворялась уже давно и в ней не было следов замка или ручки.

Асиендадо взглянул на мажордома. Тот стоял бледный, весь дрожа, холодный пот выступил у него на лбу крупными каплями.

— Куда ведет эта дверь? — спросил дон Хесус.

— Не знаю, — нерешительно ответил мажордом.

— Отвори ее.

— Этого нельзя сделать.

— Почему?

— Сами изволите видеть, сеньор, в ней нет ни ручки, ни замка, она давно заделана. Зовут ее, сам не знаю почему, дверью Мертвеца. Прежний владелец, говорят, велел заложить ее кирпичом.

Дон Хесус постучал в дверь рукояткой своего кинжала, и действительно, звук был глухой и отрывистый, словно шел от сплошной стены.

Асиендадо покачал головой и спросил вполголоса:

— И ты ничего больше не знаешь об этой двери?

— Если верить преданию, за ней находятся — по крайней мере, находились, — ходы и лестницы, которые шли вокруг всего дома и вели в каждую комнату.

— Вот это мне больше нравится, я люблю ясность во всем!

— Что же касается подземелий, о которых говорится в предании, то они, как мне кажется, существуют в одном лишь воображении пеонов и краснокожих, самых легковверных людей на свете.

— Это правда, продолжай.

— Хотя асиенда эта построена на вершине довольно высокой горы, она не имеет подвалов. Впрочем, вам должно быть известно, сеньор, что в Америке погреба обыкновенно устраиваются не под зданиями.

— Вот тебе и на!

— По тому же преданию, — продолжал мажордом, — подземные ходы идут далеко в землю, и выходы их раскинуты на большое расстояние один от другого.

вернуться

13

Эрнандо Кортес — завоеватель ацтекской империи.

— Это не совсем приятно: получается, будто ты находишься в своем доме, да не у себя.

— О! — с живостью вскричал мажордом. — Это предание не может быть справедливо!

— Почему же?

— Вот уже десять лет, сеньор, как я один живу на асиенде, и сам составил ее подробный план. Раз сто я осматривал дом самым тщательным образом, мало-помалу открыл все тайники, все потайные двери — это просто убежища на случай нападения врасплох. В этой же стороне здания нет ни малейшего признака потайной лестницы, я сам удостоверился в этом; кроме того, потайных дверей нет и в тех комнатах, которые вы выбрали.

— Это справедливо. Дальше.

— Я хотел убедиться в этом полностью и, будучи самовластным хозяином на асиенде, приказал исследовать всю местность вокруг. Я сам наблюдал за этими обходами; они простирались на пять, на шесть и даже на семь миль вокруг асиенды.

— И ничего не открыли?

— Ровно ничего, сеньор.

— Стало быть, в толках нет ни тени правды?

— Что до меня, то я убежден в этом!

— Надеюсь вскоре убедиться в этом сам. Вели двум-трем пеонам прийти с инструментами, чтобы отомкнуть эту дверь.

Мажордом склонил голову и вышел. Через четверть часа он вернулся с тремя пеонами.

— Выньте эту дверь, ребята, — сказал асиендадо, — но смотрите, осторожно, по возможности чтобы не попортить ее.

Пеоны принялись за дело.

В несколько минут дверь была снята с петель; за ней оказалась глухая стена.

— Ты прав, — обратился владелец асиенды к мажордому. Через полчаса все опять было на прежнем месте, а затем хозяин и слуги удалились.

В первый же день по прибытии дон Хесус освоился в доме, точно он целый год прожил на асиенде.

Вечером после сытного ужина дон Хесус вышел из столовой в сад, чтобы освежиться. Ночь была дивная, звездная, месяц светил ярко, и все было видно, как днем.

Асиендадо расхаживал взад и вперед, разговаривая с мажордомом, — он намеревался со следующего же дня начать обзор своих владений и отдавал приказания, чтобы лошади были готовы с рассветом.

Во время разговора он машинально поднял голову и вскрикнул от изумления.

В зале Мертвеца светился огонек.

— Видишь? — указал дон Хесус мажордому.

— Что это значит? — прошептал тот, крестясь.

— Ей-Богу, сейчас мы это узнаем! — вскричал асиендадо. Дон Хесус был храбр; не колеблясь ни мгновения, он увлек за собой растерявшегося мажордома и быстрым шагом направился к правому флигелю.

Вдруг свет померк. Дон Хесус остановился.

— Я с ума сошел! — вскричал он, расхохотавшись. — Я принял за огонь лунный луч, отразившийся в стеклах.

Мажордом покачал головой с видом сомнения.

— Ты не веришь мне, — продолжал дон Хесус. — Я сейчас докажу тебе, что прав.

Он вернулся на прежнее место, где стоял, и огонек появился снова.

— Видишь? — спросил он.

Потом он опять перешел на то место, с которого свет не был виден, и действительно, он исчез. Эту проделку он повторил несколько раз с одинаковым успехом.

— Теперь можно пойти лечь спать, — наконец решил асиендадо, — и не думать больше о всех этих глупостях.

На следующий день он, не говоря о причинах, велел приготовить себе другие комнаты, в отличие от тех, которые выбрал сначала и в которых провел ночь, и отправился объезжать своих фермеров и пастухов. Мажордом заметил, что он бледен, чем-то расстроен, дико озирается по сторонам и порой содрогается от малейшего звука. Как хорошо вышколенный слуга, он оставил эти замечания при себе и не выдал их ни единым словом.

Прошло несколько лет. Дон Хесус только изредка ездил в Чагрес или в Панаму для сбыта товаров с асиенды, кож и зерна. Поездки его никогда не длились дольше, чем это было необходимо. Едва он заключал сделку или делал покупку, как тотчас же поспешно возвращался домой.

Донья Лусия, жена его, жила очень уединенно, она почти не выходила из своих комнат и посвящала себя исключительно воспитанию дочери, которую любила страстно.

Иногда в тихую погоду она выходила в сад, садилась в рощице из магнолий, апельсиновых деревьев и яблонь и проводила несколько часов в задушевных беседах со своей дорогой Флорой и капелланом асиенды, достойным пастырем, согласившимся оставить свой монастырь в Панаме, чтобы похоронить себя в этом пустынном месте.

Отцу Санчесу было лет сорок восемь — сорок девять, но от подвижнического образа жизни и многочисленных лишений, которым он подвергал себя, волосы его побелели до времени, лицо сделалось изможденным, его кроткий взгляд дышал святостью, и сердце было в полном соответствии с его святым видом. Хотя он никогда не говорил о себе, однако при взгляде на него не трудно было понять, что большое горе смолоду навек разбило это великодушное сердце, одаренное редкой чувствительностью, подобно всем избранным натурам, для которых жизнь — одно продолжительное страдание; отец Санчес имел редкий дар не только сочувствовать страданию ближнего, но и приносить утешение, не докучая и не навязываясь при этом.

Все жители асиенды глубоко чтили отца Санчеса, донья Лусия любила его, как отца, и внушала любовь к нему своей дочери. Сам дон Хесус Ордоньес, который мало кого уважал, опасался и любил его в одно и то же время, не давая себе ясного отчета в этом двойственном чувстве к достойному капеллану.

Между тем донья Лусия стала все более и более слабеть, в течение нескольких месяцев силы постепенно оставляли ее, она худела и бледнела, но не жаловалась и, по-видимому, не слишком страдала.

Однажды она слегла.

Дон Хесус, вообще мало обращавший внимания на жену, решился, однако, на этот раз войти в ее спальню и по просьбе доньи Лусии пробыл с ней наедине около двух часов.

Что говорили друг другу супруги во время этого продолжительного разговора?

Этого никто не узнал.

Когда дон Хесус вышел из спальни супруги, он был бледен и сильно расстроен, как бы вследствие глубокого страдания или бессильного гнева.

Он тотчас вскочил на лошадь и в сопровождении слуги помчался сломя голову в Чагрес.

Едва за доном Хесусом затворилась дверь, как к донье Лусии вошли отец Санчес и донья Флора.

Флоре тогда было тринадцать лет; высокая, стройная, почти уже сложившаяся девушка, она обладала красотой матери с добавлением искорки решительности в бархатистых черных глазах.

Эти три лица провели всю ночь в задушевной беседе. На рассвете донья Флора, измученная бессонной ночью, несмотря на все усилия противиться сну, наконец заснула на груди умирающей матери.

Бедная женщина поцеловала ее в лоб.

— Стало быть, так надо? — прошептала она с грустью.

— Надо, — кротко ответил священник.

— Увы! Увижу ли я ее когда-нибудь?

— Увидишь, если повинешься мне.

— Клянусь! Но мне страшно, Родригес.

— Потому что вера твоя слаба, бедная дорогая дочь моя! Сам Господь повелевает тебе моим голосом принести эту жертву.

— Да будет Его воля! — с невыразимой грустью сказала донья Лусия. — Ты будешь охранять ее, отец мой?

— Пока она не будет счастлива и что бы ни случилось!

— Даже если бы этот человек захотел воспротивиться?

— Успокойся, моя дорогая, он меня должен бояться, а не я его.

— Господь принял твой обет, отец мой.

— И поможет мне сдержать его, дочь моя.

Вскоре после десяти часов вечера из Чагреса во весь опор примчался дон Хесус. С ним приехал доктор. У ворот стоял отец Санчес, грустный, но спокойный.

— Донья Лусия?.. — только и смог сказать асиендадо.

— Скончалась при заходе солнца, — глухо ответил священник.

Не слушая дальше, дон Хесус соскочил с лошади и бросился в дом, крикнув доктору:

— Пойдемте!

Когда он вошел в комнату умершей, им овладело странное волнение.

Донья Лусия лежала на кровати спокойная, улыбающаяся, как птичка, сложившая крылышки, она точно спала.

Донья Флора, стоя на коленях у изголовья матери, держала ее руку в своей и горько рыдала.

Поглощенная своим горем, девушка не заметила присутствия отца.

Комната вся была в черной драпировке с серебряными крапинами, четыре толстые свечи горели в подсвечниках — две у изголовья, две в ногах кровати; на столе стоял канделябр с девятью зажженными свечами из розового воска.

Несмотря на это освещение, дальние концы комнаты оставались во мраке — так она была обширна.

— Исполните свой долг, — приказал дон Хесус доктору прерывающимся голосом.

Тот повиновался. С минуту он стоял, наклонившись над телом доньи Лусии, потом поднял голову, взял полынную ветвь, обмакнул ее в серебряную чашу со святой водой, набожно осенил себя крестным знаменем, окропил тело, прошептав короткую молитву, и сказал дону Хесусу:

— Теперь все было бы напрасно: она отдала Богу душу! Асиендадо с минуту оставался как громом пораженный, без воли, без голоса.

Отец Санчес стоял рядом, устремив на него странный взгляд.

Вдруг дон Хесус поднял голову, дико осмотрелся вокруг и дрожащим, хриплым голосом сказал:

— Выйдите все!

— Сын мой, — кротко возразил священник, — долг велит мне молиться у тела бедной покойницы.

— Выходите, говорю вам, — повторил дон Хесус словно в забытьи, — уведите ребенка, я один хочу провести ночь у изголовья моей умершей жены.

Священник склонил голову, тихо приподнял девочку и увел ее с собой.

Доктор уже вышел.

Оставшись один, дон Хесус бросился к двери и запер ее на задвижку, потом медленно вернулся к кровати.

Он скрестил руки на груди и в течение нескольких минут не отрывал глаз от покойницы.

— Это должно было случиться, — прошептал он, — она умерла, несомненно умерла! Наконец!.. Теперь все кончено!.. Кто может обвинить меня? — вскричал он со страшной усмешкой. — Она умерла — да, умерла! Кто осмелится?.. С ума я сошел, что ли?.. Есть еще одно: этот ящичек... проклятый ящичек, ключ от которого она всегда носила на шее... А если бы она выболтала! Кому же? Она не видела никого в этом отдаленном краю. Надо скорее покончить с этим! Где же он, этот ящичек?.. Может, снять с нее ключ? — пробормотал он, бросив взгляд на мертвое

тело. — Но к чему спешить? Ведь она не помешает мне взять его сейчас... Скорее, надо отыскать ящичек!

Тут он с грубым цинизмом, возмутительным в подобную минуту и в подобном месте, стал открывать один за другим шкафы, выдвигать ящики из комодов, рыться в белье, одежде и золотых вещах с жадным упорством гиены, отыскивающей добычу.

Поиски длились долго, не раз асиендадо был вынужден прерывать свое чудовищное дело, лицо его окаменело, пот струился с висков, движения были порывисты, не раз взгляд его невольно устремлялся на бедную покойницу, которая лежала на своем ложе спокойная и прекрасная, и содрогание ужаса пробегало по его телу.

Вдруг он испустил крик радости: он схватил в судорожно сжатые пальцы серебряный с резьбой ящичек.

— Наконец-то! — взревел он, точно тигр.

Он стал поспешно швырять обратно в комоды и шкафы платья, разбросанные им на полу, потом перенес ящичек на стол.

— Теперь все кончено, — сказал он, — не бросить ли его в огонь? Нет, он не скоро сгорит, лучше взять ключ.

Однако он не трогался с места, невольный ужас охватывал его при мысли о таком святотатственном насилии над мертвым телом.

— Ба! — вскричал он вдруг. — Я дурак! Чего мне опасаться?

— Божьего правосудия! — ответил громкий голос. Асиендадо затрепетал, и глаза его устремились на то место, откуда раздались слова.

— Кто это говорит? — пробормотал он. Ответом ему было молчание.

Тогда произошло страшное, необъяснимое явление.

Свечи мало-помалу стали меркнуть, и комната наконец погрузилась в совершенный мрак, только луч месяца в окне проливал слабый свет, от которого все предметы представлялись смутно.

Несколько белых фигур медленно выделились из мрака и тихо скользили по паркету, приближаясь к асиендадо без малейшего шума.

Одно из привидений протянуло руку и коснулось его лба.

Как будто почувствовав прикосновение раскаленного железа, дон Хесус со страшным криком упал навзничь.

— Смотри, не убей дочери своей, как убил жену! — произнес глухой и грозный голос. — Господь, тронутый мольбами твоей жертвы, вершит свое правосудие! Кайся, презренный убийца!

Дальнейших слов дон Хесус уже не слышал; с криком, скорее похожим на предсмертную агонию, он лишился чувств.

Когда он пришел в себя, свечи догорали в канделябре, толстые свечи в больших подсвечниках горели по-прежнему, яркий солнечный свет играл на стене, образуя фантастические арабески.

— Мне пригрезилось! — пробормотал он и провел рукой полбу, покрытому холодным потом. — Какой страшный сон!

Вдруг он испустил крик ярости — ящичек исчез со стола! Машинально глаза его обратились на кровать: она была пуста. Тело доньи Лусии исчезло!

— О, я погиб! — вскричал он. Кинувшись к двери, он торопливо отпер ее.

— Идите, идите сюда, отец мой! — вскричал асиендадо, бросаясь в объятия капеллана.

Оба вернулись в спальню и заперли за собой дверь.

Около часа после того дон Хесус вышел из комнаты и вскоре вернулся, сам неся гроб.

Слуги на асиенде не могли надивиться на страстную любовь их господина, который не хотел допустить, чтобы кто-нибудь, кроме него, касался той, утрата которой сразила его таким горем.

Похороны устроили в тот же день.

На следующее утро дон Хесус заперся в спальне жены, где происходили непонятные явления, целых четыре часа он тщательно осматривал стены и ничего не открыл. Не существовало ни малейшего следа потайной двери!

Донья Флора пожелала переселиться в комнату матери, и дон Хесус согласился на это, уступая убеждению отца Санчеса, которому страшная тайна, доверенная асиендадо, почти давала право повелевать в доме, хотя он не пользовался им.

Три года прошло после этих событий, когда на асиенде дель-Райо появились авантюристы, испрашивая у хозяина убежища и встретив самое радушно гостеприимство.

Донье Флоре минуло шестнадцать лет. Красота ее вполне соответствовала тому, что можно было ожидать, но она имела вид холодный и строгий, ее бледное лицо напоминало мраморную статую, между бровями легла маленькая морщинка, задумчивый взгляд иногда устремлялся на отца с неизъяснимым выражением ненависти и гнева.

Асиендадо боготворил или прикидывался, что боготворит ее, он не стеснял ее ни в чем и с почти детской покорностью повиновался малейшим ее прихотям.

Надо сказать, что в страшную ночь, проведенную им в комнате покойницы, волосы его совершенно побелели.

Отец Санчес был, как и прежде, тих и кроток, сострадателен и покорен судьбе.

Вот что мы можем в нескольких словах поведать о доне Хесусе Ордоньесе де Сильва-и-Кастро, владельце асиенды дель-Райо, и о некоторых событиях из его жизни.

ГЛАВА IV. Дон Фернандо влюбляется в донью Флору и снимает дом у дон Хесуса

С помощью Мигеля Баска дон Фернандо почти совсем уже оделся, когда раздался первый звонок к ужину.

Тотчас же явился мажордом, предварительно тихо постучав в дверь. — Ужин подан, ваше сиятельство, — сказал он с глубоким поклоном и повернулся на каблуках. Молодой человек последовал за ним. Мажордом повел его в столовую. Это была громадная, довольно низкая зала со сводами, потолок с выступами которой опирался на столбы из цельного черного гранита; множество узких готических окон с тусклыми стеклами едва освещали ее, стены скрывались за дубовыми резными панелями, почерневшими от времени, на которых были развешены олени и лосиные рога, охотничьи копья и рожки, кабаньи клыки и тому подобное. В железных подсвечниках, укрепленных вдоль стен, горели факелы, от которых дым поднимался спиралями к потолку и образовывал голубоватое облако над головами присутствующих.

Посреди этой обширной залы, устланной большими белыми плитами, находился громадный стол в форме подковы, средняя часть которого, предназначенная для владельца с его семейством и гостями, была приподнята на три ступени выше обоих его концов.

Два исполинских серебряных судка искусной работы с разного рода специями и соусами как бы пролагали разграничительную черту вправо и влево между господами и слугами, — в эту эпоху в испанских колониях, как и в самой Испании, еще сохранялся патриархальный обычай, согласно которому слуги и господа ели за одним столом.

Громадные медные подсвечники с зажженными восковыми свечами были привинчены к столу на равном расстоянии один от другого.

В верхней части стола, покрытой тонкой камчатной скатертью и сервированной массивным серебром, стояло два зажженных канделябра в семь свечей из розового воска.

Приборы на обоих концах стола были простые, скатерть и вовсе отсутствовала.

На почетном возвышении стояло пять приборов. В середине — для самого хозяина, направо от него — для графа, налево — для доньи Флоры, возле нее — для капеллана, возле доня Фернандо был прибор для молодого и довольно красивого человека с отчаянно закрученными кверху усами и глазами, полными огня.

Мигель Баск и мажордом сидели возле судков, за ними тянулось по ряду слуг, размещенных в соответствии со сроком службы и с возрастом.

Когда граф дон Фернандо вошел в столовую, асиендадо со своим семейством стоял на возвышении, слуги также стояли молча — каждый у своего прибора.

— Мой любезный гость, — любезно обратился к дону Фернандо хозяин, — позвольте мне представить вам моего достойного капеллана отца Санчеса, моего друга доня Пабло де Сандовалья, капитана флота его величества короля испанского, и, наконец, донью Флору, мою дочь... А теперь, отец Санчес, прочтите молитву, чтобы мы могли сесть за стол.

Отец Санчес повиновался, каждый сел на свое место, и приступили к ужину.

Это был настоящий испанский стол из классических народных блюд с добавлением жареной оленины и болотных птиц. Вообще все было приготовлено отлично и подано безукоризненно — дон Хесус имел превосходного повара.

Разговор, который шел вяло в начале ужина, мало-помалу оживился и сделался общим, когда подали десерт, разные сладости, ликеры и легкие вина.

Слуга исчезли, только мажордом и Мигель по милостивому знаку асиендадо остались на своих местах.

Дон Пабло, как узнал дон Фернандо, искал руки доньи Флоры, несколько дней тому назад он вернулся в Панаму после довольно продолжительного крейсерства вдоль берегов Перу. Он командовал двадцатипушечным корветом с экипажем в двести человек; корвет его назывался «Жемчужина» и, по словам блистательного капитана, был хорошо известен и служил грозой *грабителям*, как он величал флибустьеров.

Крейсерство «Жемчужины» складывалось очень удачно: она вернулась в Панаму, ведя за собой два контрабандных судна и с десятков флибустьеров, захваченных в бурю в лодке, едва державшейся на воде.

Капитан рассказал, что эти люди оказали отчаянное сопротивление, прежде чем позволили испанцам овладеть собой, и то они сдались только тогда, когда их лодка стала тонуть. Бедные люди, по-видимому, уже несколько дней ничего не ели и не пили, когда их заметили с «Жемчужины».

— Однако, несмотря на слабость, которую должны были испытывать эти несчастные, они все-таки храбро защищались, — заметила донья Флора.

— Молодецки, сеньорита! — подтвердил капитан, кокетливо подкручивая ус. — Это сущие дьяволы, они убили и ранили у меня человек тридцать.

— А их было всего десять человек? — переспросил дон Фернандо.

— Ни одним больше, честное слово!

— Вы взяли их в плен?

— Их содержат под строжайшим присмотром в панамской тюрьме.

— Гм! — отозвался асиендадо. — Будь их двадцать, а не десять, вам трудно было бы с ними справиться, любезный капитан.

— О! Не все так неустрашимы; эти составляют исключение.

— Вы так думаете, капитан? — насмешливо спросил дон Фернандо.

— Я давно знаю этих грабителей, не впервые мне приходится иметь с ними дело, — самодовольно ответил капитан.

— Ага! — пробормотал дон Фернандо, закусив губу.

— Как же! Я ведь принадлежу к береговой страже, понимаете?

— Вполне.

— Что же вы сделаете с этими беднягами? — спросила донья Флора с участием.

— Их вздернут на виселице без особых церемоний... Впрочем, они вовсе не обманывают себя пустыми надеждами на счет ожидающей их участи, они догадываются, что им уготовано.

— Не знаете ли вы, когда произойдет эта блистательная казнь?

— Не могу вам сказать наверняка, но думаю, что они будут повешены не раньше чем дней через десять.

— Отчего же такое промедление?

— Это мысль губернатора — и довольно счастливая, надо сознаться. В Панаме к тому времени готовится праздник, и казнь флибустьеров входит в программу увеселений.

— Действительно, это счастливая находка, надо быть испанцем, чтобы тебе в голову приходили такие интересные мысли! — вскричал молодой человек с горечью.

— Бедные люди! — воскликнула донья Флора с глазами, полными слез. — Как они должны страдать!

— Они-то? — произнес капитан, пожав плечами. — Полноте, вы заблуждаетесь, сеньорита, они смеются, поют и пьют целыми днями.

— Вероятно, они стараются забыться?

— Ничуть! С самонадеянностью, которая могла бы заставить нас призадуматься, если бы не уверенность, что это абсолютно невозможно, они утверждают, что не будут повешены и что друзья их спасут.

Дон Фернандо и Мигель Баск обменялись выразительными взглядами.

— Дай Бог! — прошептала девушка.

— Аминь! — заключил отец Санчес.

— Ей-Богу! Я не разделяю этого мнения, — сказал асиендадо, — эти флибустьеры — ни во что не верующие негодяи, которые способны на самые ужасные преступления, дерзость их неслыханна, они почти сковали действия нашего грозного флота. Мертвая змея не жалит, чем больше убитых, тем меньше останется способных нам вредить. Что вы об этом думаете, капитан?

— Я полагаю, что было бы глупостью помиловать их, когда уже держишь в руках, петля на шею — самый верный расчет.

— Пожалуй, — заметил капеллан, — но к чему быть свирепее их самих? Ведь после сражения они не убивают пленников.

— А Монбар Губитель? — воскликнул капитан.

— Монбар — исключение, вот дон Хесус — живое доказательство моих слов, он был пленником Олоне, если я не ошибаюсь.

— Это правда, но пока я был у него в неволе, он очень дурно со мной обращался.

— Но ведь он вас не убил?

— Я должен с этим согласиться, — сказал смеясь асиендадо.

— Как! Вы были пленником Олоне, одного из самых свирепых предводителей флибустьеров, и вам удалось бежать, сеньор? — воскликнул дон Фернандо с отлично разыгранным участием. —

Но это просто чудо!

— Ваша правда, сеньор, и этим чудом я обязан своему святому покровителю.

— Быть может, — прибавил дон Фернандо, — если бы мы были милосерднее к этим людям, то смогли бы смягчить их ненависть к нам.

— Ошибаетесь, сеньор, этих людей ничем не укротишь, — возразил капитан, — один вид золота заставляет их бесноваться.

— Увы! Многие походят на них в этом отношении, — прошептал капеллан.

— Ба! С какой стати оказывать жалость подобным негодьям, которые только вид имеют человеческий, а в сущности просто лютые звери? — вскричал асиендадо. — Ваше здоровье, господа, и да здравствует Испания! Очень нам нужно думать о флибустьерах!

— Что бы вы ни говорили, отец, — несколько сухо сказала девушка, — все это люди, пожалуй, виновные, но тем не менее создания Божий, их надо жалеть.

— Как тебе угодно, нянька, я ничего против этого не имею, — посмеиваясь, заметил дон Хесус.

Он налил всем вина.

Разговор перешел на другое.

Капитан Сандоваль, который было вообразил, что может понравиться Флоре, разыгрывая роль истребителя флибустьеров, спохватился, что ошибся и что донья Флора его мнения не разделяет, а посему счел за благоразумие не настаивать на своем, рискуя оказаться без поддержки, так как дон Хесус Ордоньес, по своему обыкновению, всегда принимал сторону дочери.

Что же касалось дон Фернандо, то он, по-видимому, оставался довольно равнодушен к тому, что говорилось вокруг него.

Уже несколько минут он казался погруженным в глубокие размышления и едва слушал любезные речи, которые хозяин считал своим долгом то и дело обращать к нему к месту и не к месту.

Доном Фернандо овладело странное волнение.

Когда он входил в столовую и дон Хесус представлял ему все общество, авантюрист почтительно поклонился девушке, почти не взглянув на нее, после чего сел за стол и, как человек молодой, здоровый, утомленный продолжительным переездом и наделенный хорошим аппетитом, принялся усердно есть с беспечностью путешественника, который, выполняя элементарные требования вежливости, помимо этого обращает мало внимания на обстановку, временно окружающую его, и на лица, с которыми через несколько часов расстанется, чтобы никогда, быть может, не увидеть их вновь.

Когда к концу ужина разговор сделался общим и случайно коснулся предмета, столь близкого ему, — его братьев-буканьеров, — авантюрист, сначала равнодушный к тому, что говорилось, невольно вставил в разговор несколько слов; тогда-то он заметил, не приписывая, однако, этому большого значения, то сочувствие, с которым донья Флора отзывалась о его братьях по оружию, великодушие, с которым она защищала их от нападков.

Он поднял глаза на молодую девушку, взгляды их встретились, и он почувствовал как бы электрический разряд, от которого холод проник ему в сердце, веки его невольно опустились и краска бросилась в лицо.

Этот человек, сто раз холодно глядевший смерти в глаза, никогда еще не поддававшийся какому бы то ни было чувству, нежному или страстному, вдруг содрогнулся, и трепет пробежал по всему его телу.

«Что со мной происходит? — думал он про себя. — Неужели я испытываю страх... или это жгучее ощущение и есть любовь?.. Это я-то пойман? — продолжал он. — Я превращен в дамского кавалера невинной девочкой, почти дикаркой?! Какой вздор! Я, кажется, рехнулся!»

Он гордо поднял голову и, чтобы окончательно удостовериться в победе, которую, как он думал, одержал над собой, принялся рассматривать молодую девушку так пристально, что она в свою очередь опустила глаза.

Донье Флоре минуло шестнадцать лет. Высокая и стройная, она была тонка, но без худобы, гибка без слабости; по странной прихоти природы, придававшей ее красоте особую прелесть, в ней соединялись отличительные черты и северянок, и южанок: белокурые, цвета спелых колосьев, волосы ее, густые и тонкие, развевались при малейшем дуновении ветра и образовывали вокруг ее головы точно сияние, в котором еще резче выделялись ее бархатистые черные глаза и брови; тонкость кожи, свойственная северянкам, сочеталась со смуглотой, присущей представительницам юга; бледное лицо отличалось каким-то прозрачно-нежным оттенком. Маленький, правильно очерченный ротик был пытлив и одновременно задумчив. Ничем нельзя передать выражения этого своеобразного лица, главным образом сосредоточенного в больших черных глазах, невинных и до того блестящих, что, оживляясь, они как будто освещали все вокруг.

Авантюрист невольно поддался обаянию этого очаровательного создания, такого чистого и невинного; победа его над собой если и существовала, то длилась всего лишь мгновение. Молодой человек признал себя побежденным, он склонил голову и сказал про себя с душевным трепетом:

«Я люблю ее!»

Все было кончено! Он отказался от борьбы, сознавая ее бесполезность, и весь отдался увлекающему его течению, не спрашивая себя даже, в какую бездну повергнет его это чувство, так внезапно вкравшееся ему в сердце, тогда как он во что бы то ни стало должен был бы исторгнуть его.

«Ба! Кто знает!» — подумал он.

Кто знает! Это великие слова в любви, они равносильны надежде.

Впрочем, любовь нелогична по самой своей сущности, именно это и дает ей ту грозную силу, с помощью которой она без труда уничтожает все преграды.

— Вы торопитесь в Панаму, граф? — вдруг спросил его асиендадо.

— Почему вы мне задаете этот вопрос, сеньор? — поинтересовался молодой человек, внезапно пробужденный от сладостных мечтаний.

— Если он нескромен, то прошу извинить меня!

— Нескромным он быть не может, сеньор, но все же, пожалуйста, объяснитесь.

— Боже мой! Ничего не может быть проще! Представьте себе, граф, что по некоторым делам и мне надо ехать в Панаму. Я намерен взять с собой дочь, если только она не будет против. Дамы переносят подобное путешествие не так легко, как мы, мужчины, и потому, как вы понимаете, мне необходимо сделать кое-какие распоряжения.

— Я вполне понимаю, — сказал дон Фернандо с улыбкой, взглянув на донью Флору.

— Итак, — продолжал дон Хесус, — я не могу выехать раньше чем через двое суток. Если бы вы могли отсрочить ваш отъезд до того времени, мы отправились бы вместе и путешествие было бы приятным вдвойне для всех нас, — вот что я хотел вам сказать, граф. Прибавлю только, что ваше согласие осчастливило бы меня.

Дон Фернандо бросил украдкой взгляд на молодую девушку, она с живостью разговаривала о чем-то с отцом Санчесом и, по-видимому, ничего не слышала. У авантюриста чуть было не вырвался досадливый жест, но он тут же взял себя в руки и принял решение.

— Ваше предложение заманчиво, сеньор, — ответил он, — мне стоит немалых усилий, чтобы от него отказаться. Однако, к несчастью, дела, требующие моего присутствия в Панаме, настолько важны, что я не имею возможности откладывать их.

— Очень жаль, граф, но если, как я полагаю, ваше пребывание в Панаме продлится некоторое время, то, надеюсь, мы там увидимся.

— Почту за честь быть у вас, сеньор.

Молодая девушка кротко улыбнулась авантюристу. «Какое странное создание! — подумал он. — Ничего не понимаю в ее причудах».

— Простите, граф, но я хотел у вас спросить: вы знаете Панаму?

— Никогда там не бывал.

— Стало быть, никакого предпочтения не имеете к тому или другому месту?

— Ровно никакого.

— И вы пока не предпринимали никаких мер для вашего устройства в городе?

— Разумеется, нет.

— Тогда я сделаю вам предложение, граф, которое, надеюсь, вам будет приятно.

— Позвольте узнать, сеньор, что это за предложение?

— Во-первых, должен сознаться вам со всем смирением, — самодовольно начал дон Хесус, — что, как вы, вероятно, могли заметить, я очень богат.

— Поздравляю вас, сеньор, — ответил авантюрист с легкой иронией, которой дон Хесус не заметил и продолжал отважно:

— Кроме этого громадного поместья, я являюсь владельцем еще двух домов в Чагресе и трех в Панаме, один из которых находится на площади Пласа-Майор против самого дворца

губернатора.

— Но я до сих пор не угадываю вашего предложения, сеньор.

— Сейчас дойду до него, граф. Итак, у меня три дома в Панаме...

— Я уже имел честь слышать это.

— Один из этих домов находится почти у городских ворот, он расположен между двором и садом и имеет выход за черту города посредством подземной галереи под городской стеной и другой выход или вход, как вам угодно будет назвать, на почти пустынную площадь; дом этот стоит одиноко, утопая в густой листве, сквозь которую не может проникнуть нескромный глаз.

— Да это настоящий картезианский монастырь, — смеясь сказал дон Фернандо.

— Просто сокровище, граф, для человека, который любит уединение, там чувствуешь себя вполне дома.

— Это чудесно.

— Не правда ли? Именно этот дом я и собираюсь предложить вам на все время вашего пребывания в Панаме.

— Если ваше описание соответствует действительности, он вполне отвечает моим желаниям, только бы не оказался недостаточно обширным для моей обстановки; не скрою от вас, сеньор, что намереваюсь иметь дом, приличествующий моему имени и званию.

— Не заботьтесь об этом, сеньор, дом велик, и расположение его очень удобно, комнаты обширны и многочисленны; кроме того, в людских могут помещаться человек десять слуг, а при необходимости — и пятнадцать.

— О! Столько мне и не нужно, я не так богат, как вы, Сеньор.

— Быть может, но это к делу не относится... Кроме того, есть конюший двор для лошадей, а на крыше дома — вышка, с которой по одну сторону прекрасно видно все окрестности, по другую — обширное пространство Тихого океана... Что вы скажете о моем предложении?

— Нахожу его восхитительным, и если дом меблирован...

— Меблирован снизу доверху, граф, и не более полугода назад.

— Признаться, — смеясь сказал дон Фернандо, — теперь предложение ваше очень прельщает меня.

— Я был в этом уверен!

— И если цена...

— Какая цена, граф?

— За съем. Не полагаете же вы, что я соглашусь жить в вашем доме даром?

— Почему же нет, граф? Разве я не говорил вам, что очень богат?

— На что я возразил, что не так богат, как вы; тем не менее, сеньор, замечу вам, что каково бы ни было мое состояние, я выше всего ценю право быть полным хозяином в своем доме.

— Кто же вам мешает?

— Вы, сеньор.

— Не понимаю вас, граф.

— Но все очень просто: чувствовать себя вполне дома где бы то ни было я могу только при двух условиях.

— Каких, граф?

— Если дом мной куплен или снят.

— Но я не собираюсь продавать свой дом.

— Прекрасно, тогда позвольте мне снять его у вас.

— Полноте! Я был бы так счастлив доставить вам удовольствие.

— Вы мне доставите огромное удовольствие, если позволите снять ваш дом.

— Значит, вы не хотите просто принять его от меня на время?

— Нет, сеньор, я не настолько богат, чтобы влезать в долги, — прибавил граф, улыбаясь, — я и так уже ваш должник за оказанное мне гостеприимство, давайте же остановимся на этом.

— Какой вы оригинал, граф!

— Вы находите, сеньор? Быть может, вы и правы, но я вынужден объявить вам свое неизменное решение: или снять ваш прелестный дом, или поселиться в другом — вероятно, во сто раз худшем, но где я буду чувствовать себя как дома.

— И вы не передумаете?

— Ни в коем случае.

— Хорошо, граф, я согласен.

— Вы меня очень обязали этим, остается только определить цену.

— Не заботьтесь об этом, граф.

— Напротив, сеньор, я сильно озабочен.

— Да мы договоримся.

— Во сто раз лучше договориться теперь же, чтобы впоследствии не приходилось жалеть ни мне, ни вам.

— Да вы просто страшный человек!

— Потому, что хочу вести дело, как следует?

- Нет, потому что вам во всем надо уступать.
- Вы заходите чересчур далеко, сеньор, ведь я требую только справедливого, кажется.
- Это правда, граф, и я прошу прощения.
- Простить я готов, но с условием.
- Каким же?
- Назначить мне цену за съём вашего дома.
- Опять вы за свое?
- Разумеется, или скажите мне откровенно, что не хотите сдавать мне его.
- Если вы непременно этого требуете, то платите мне тысячу пиастров в год. Не много это будет?
- Цена умеренная, сеньор, и я согласен.
- Значит, теперь с делами покончено?
- Не совсем.
- Что такое?
- Позвольте минуту.

Дон Фернандо вынул из кармана бумажник с золотым замком, порылся в бумагах и подал одну асиендадо, говоря:

- Известна ли вам в Панаме банкирская фирма Гутьеррес, Эскирос и К°?
- Очень даже известна, граф, это самая значительная банкирская фирма во всем городе.
- Очень рад это слышать. Вот чек на тысячу пиастров за дом, который вы, вероятно, примете; оплата, как видите, по предъявлению.
- О, граф! — вскричал асиендадо, которому одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться в подлинности документа. — Я беру его, закрыв глаза, в полном убеждении, что он законный.
- Итак, решено. Потрудитесь дать мне расписку в получении тысячи пиастров и адрес дома, который находится теперь в моем распоряжении. Еще два слова сторожу дома, и с делами покончено.

По знаку хозяина мажордом вышел. Почти тотчас же он вернулся со всеми письменными принадлежностями.

- Как! Тут же, на месте, не переводя духа? — смеясь, вскричал асиендадо.
- Если вы ничего против не имеете, сеньор, я буду вам весьма обязан; я уезжаю завтра на рассвете.
- Справедливо, — согласился дон Хесус.

Он написал расписку и вручил ее молодому человеку; тот положил ее в бумажник после того, как пробежал глазами.

— Что же касается адреса дома, — продолжал асиендадо, — то он называется просто «Цветочный», и ваш проводник-индеец приведет вас к нему с закрытыми глазами.

— Вот и ключи. Я привез их с собой, — сказал мажордом, подавая громадную связку молодому посетителю, который, в свою очередь, передал их Мигелю.

— Благодарю. Позвольте мне теперь принести вам искреннюю признательность, сеньор, за вашу любезность и ваше радушное гостеприимство.

— Будьте уверены, граф, — возразил асиендадо с поклоном, — что я считаю за счастье случай, который мне представился, оказать вам услугу. Вы позволите нанести вам визит?

— Я сам буду иметь честь появиться у вас, как только вы приедете в Панаму.

— Каждый укажет вам мой дом.

— И я, со своей стороны, в вашем распоряжении, если вам угодно будет осмотреть порт, город и даже мой корвет, на котором почту за счастье принимать вас, — сказал капитан.

— С величайшим удовольствием принимаю ваше приглашение, капитан, я воспользуюсь им непременно.

— Так вы решительно отправляетесь в путь?

— Как только займется день, это необходимо; я даже, если позволите, прощусь с вами теперь же, — признаться, я совсем разбит от усталости.

Отец Санчес прочел молитву, и все встали из-за стола.

Дон Фернандо простился с хозяевами и ушел, улыбнувшись донье Флоре на прощание какой-то загадочной улыбкой.

У двери дон Фернандо обернулся, приложив палец к губам. Девушка молча глядела на него.

«По-моему, она хочет что-то сказать мне», — пробормотал он про себя.

Он вышел из зала, предшествуемый мажордомом, который светил ему, в сопровождении самого хозяина и Мигеля.

Дон Хесус настоял на том, чтобы проводить гостя до его спальни и удостовериться, что для него все приготовлено.

Молодому человеку пришлось покориться этой фантазии хозяина, которую он в душе приписывал избытку вежливости.

Мажордом отворил несколько дверей, прошел через несколько зал и наконец ввел посетителей в комнату, но не в ту, где они были сперва.

Эта комната была велика, с потолком в виде купола и ковровыми обоями; освещалась она тремя готическими окнами; дубовая, потемневшая от времени изящной резьбы мебель напоминала лучшие образцы эпохи Возрождения и, очевидно, была привезена из Европы;

кровать, поставленная на возвышении, к которому вели три ступени, была скрыта тяжелыми занавесками.

Рядом с изголовьем была дверь туалетной, где постелили постель для Мигеля.

Чемоданы путешественников стояли на стульях.

На столике возле кровати, у изголовья, горел ночник, и тут же стояла кружка с укрепляющим напитком, который в то время обыкновенно пили, ложась спать, и который поэтому называли вечерним питьем.

Восковые свечи горели в канделябрах, поставленных на тумбах, раскрытая библия лежала на аналое, над которым возвышалось распятие из пожелтевшей слоновой кости.

Асиендадо с видимым удовольствием осмотрелся вокруг.

— Кажется, все в порядке, — сказал он, потирая руки.

— Не знаю, как благодарить вас за такое внимание, — ответил дон Фернандо.

— Я только исполняю долг гостеприимства. Впрочем, — прибавил он со значением, — если вы считаете себя моим должником, мы и этот счет сведем со временем; теперь же, когда я удостоверился, что мои приказания исполнены и вам все подано, позвольте пожелать вам доброй ночи и в особенности благополучного пути, — по всей вероятности, я не буду иметь чести видеть вас перед вашим отъездом.

— Боюсь, что так, поскольку собираюсь отправиться с рассветом.

— Так прощайте — или, вернее, до свидания в городе! Еще раз желаю вам доброй ночи и спокойного сна, чтобы завтра проснуться свежим и бодрым — это едва ли не лучшее, что я могу пожелать вам.

— И чему всего легче исполниться, — с улыбкой ответил молодой человек, — однако искренне благодарю вас.

— Не скажите: иной раз ляжешь в убеждении, что сейчас заснешь — и что же? От бессонницы проворочаешься с боку на бок всю ночь напролет. Для большей верности я бы советовал вам отведать питье, приготовленное на ночном столике, — это чудное средство против бессонницы.

— Не забуду вашего совета; доброй ночи и еще раз благодарю.

Хозяин и гость пожали друг другу руки, и дон Хесус вышел, предшествуемый мажордомом.

— Черт бы его побрал! — вскричал Мигель, запирая дверь на замок и на задвижку. — Я думал, он останется тут до утра. Наконец-то мы от него избавились!

— Признаться, я рад, что он убрался, — ответил дон Фернандо, — он уже начал сильно действовать мне на нервы! Сам не знаю отчего, но мне все время кажется, что любезность его притворная и он скрывает какой-то тайный замысел, которого я не угадываю.

— Говоря по правде, у этого человека физиономия настоящего мошенника.

— Не правда ли?

— Он как две капли воды похож на изображение Иуды Искарота, которое я где-то видел в детстве. Но что за беда! Мы примем меры предосторожности.

— Осторожность никогда не помешает, — заметил дон Фернандо, положив обнаженную шпагу у своего изголовья и пистолеты под подушку.

— Теперь, ваше сиятельство, мы осмотрим комнату.

— Хорошо.

Они взяли в руки по свече и осмотрели всю комнату, приподнимая ковры и простукивая стены. Ничего подозрительного они не нашли.

— Я думаю, мы можем спать спокойно — сказал молодой человек.

— И я думаю так же... Кстати, ваше сиятельство, знаете ли, наем этого дома — замечательная идея, которую вы осуществили преискусно!

— Да, хитрая лисица этот старик, но коса нашла на камень! Мы не могли найти более удобного убежища.

— Сушая находка... Но неужели мы дадим повесить этим собакам-испанцам наших бедных товарищей?

— Ей-Богу, не дадим, если только можно помешать этому! Ведь они и попались из-за нас, думая оказать нам помощь.

— Правда, но через два дня мы будем в Панаме. И хитры же будут испанцы, если мы не высвободим из их когтей наших братьев!

— Что ты думаешь о капитане, дружище Мигель?

— Премилый господин, — ответил буканьер с усмешкой, — но если, как надеюсь, я когда-нибудь ступлю ногой на его корвет, уж покажу же я ему, на что способны грабители, которых он так презирает!

— Это удовольствие я доставлю тебе очень скоро.

— В самом деле, ваше сиятельство? — вскричал Мигель весело.

— Даю тебе слово... но тс-с! Не говори так громко, а то еще, пожалуй, кто услышит.

— Ну вот еще! Все спят.

— И мы отлично сделаем, если последуем этому примеру. Спокойной ночи, Мигель.

— Спокойной ночи, граф.

— Постой, возьми этот напиток и выпей его, если хочешь.

— А вы разве не желаете?

— Нет, я не чувствую жажды.

— А у меня так постоянная жажда. Доброй ночи, ваше сиятельство, я оставлю дверь в туалетную открытой.

— Разумеется, нельзя знать, что может случиться.

Молодой человек лег. Мигель потушил свечи и вышел из комнаты.

Комната теперь освещалась лишь мерцающим светом ночника.

Еще некоторое время Мигель ворочался в кровати, после чего в туалетной воцарилась тишина. Спустя пятнадцать минут дон Фернандо услышал, что товарищ его храпит, словно труба органа, — буканьер спал мертвым сном.

ГЛАВА V. Какую странную ночь провел дон Фернандо на асиенде дель-Райо

Дон Фернандо не спал; напротив, никогда он **не**бывал менее расположен ко сну, чем в настоящее время. Он лежал, закрыв глаза, чтобы, не видя внешних предметов, лучше сосредоточиться. В этом положении он бредил наяву самыми очаровательными сновидениями и убаюкивал себя соблазнительнейшими фантазиями.

В воображении его медленно воссоздавались различные происшествия во время ужина — до того ничтожные, что никто, кроме него, не обратил на них внимания; это взаимное понимание, установившееся между ним и девушкой, немой разговор двух сердец, которые за несколько часов до того обоюднo не знали даже, что существуют, а тут вдруг одним взглядом или улыбкой стали друг друга понимать, эта глубокая любовь, горячая, как электрическая искра, попавшая из глаз в сердце, чтобы воспламенить его тем огнем, что таится в самом сокровенном его уголке, этот союз, так чистосердечно и откровенно заключенный на глазах у всех, — все это, соединяясь в возбужденном мозгу молодого человека, совершенно путало его мысли и рисовало ему, как через призму, картины счастья и невыразимых наслаждений.

Как же все случилось? Он этого не знал, да и не пытался понять. Он довольствовался убеждением, что нельзя быть более уверенным в любви женщины, чем он был уверен относительно доньи Флоры, но если бы он доверил кому-нибудь свою тайну и был спрошен, на чем основывалась эта уверенность, то не только не объяснил бы ее, но и не сумел бы сказать, откуда она взялась.

Он чувствовал, что с любовью растет и обилие его мыслей: цель, которую он себе поставил, показалась ему достойной презрения в сравнении с той, которую открывала ему вспыхнувшая страсть, и перед ним понемногу раскрывалось лучезарное будущее.

Но ночные часы шли, и усталость брала свое, молодой человек чувствовал, что его веки начинают тяжелеть, мысли становятся менее ясными и исчезают, прежде чем он успевал бы логически их связать. Он перешел в такое состояние, которое нельзя назвать бдением, хотя это еще не сон; он уже готов был окончательно уснуть.

Но вдруг среди оцепенения, в котором находился, он внезапно вздрогнул, привстал, открыл глаза и осмотрелся.

Комната была погружена в почти совершенный мрак, ночник потух, а луч месяца, скользивший через стекло, отражался на паркете белой полосой голубоватого оттенка.

Молодому человеку послышался звук, точно где-то сильно щелкнула пружина.

Напрасно он старался проникнуть взглядом в темноту — ничего не было видно; насторожив слух, он слышал одно только храпение своего товарища.

— Я ошибся, — пробормотал он, — однако мне так явственно послышалось...

Он протянул руку к изголовью, взял пистолет и, схватив в другую руку шпагу, мгновенно прыгнул на середину комнаты.

Но в ту же секунду, хотя ничего не видел и не слышал, он был мгновенно схвачен за руки и за ноги и после отчаянного сопротивления повален на пол, обезоружен и лишен возможности пошевелиться.

— Измена! — закричал он хриплым голосом. — На помощь, Мигель! Измена, брат!

— К чему звать того, кто не может ответить? — произнес ему на ухо тихий мелодичный голос. — Ваш товарищ не проснется.

— А это мы еще посмотрим! — отвечал он, начав кричать с новой яростью.

— Вам не хотят зла, — возразил голос, невольно заставивший его дрожать, так как он казался ему знакомым, — вы в нашей власти, и ничего не было бы легче, как перерезать вам горло, если бы мы имели это намерение.

— Это правда, — пробормотал он, уступая этим доводам, — будь проклят дьявол, который меня сюда занес!

Звонкий смех был ему ответом.

— Смейтесь, смейтесь, — сказал он угрюмо, — сила на вашей стороне.

— Признали, наконец!

— Я думаю, черт возьми: ваши пальцы и ногти впиваются мне в тело!

— Гастон, — тихо продолжал голос, — дайте слово дворянина, что не будете стараться узнать, кто мы, и бросите бесполезное сопротивление, тогда вас тотчас же освободят.

— Зачем называете вы меня тем именем, которое я и сам позабыл? — возразил он с гневом.

— Потому что это ваше имя. Так согласны вы на условие, которое от вас требуют?

— Поневоле придется согласиться.

— Дайте слово.

— Клянусь честью дворянина.

— Вставайте, — произнес тихий голос.

Дон Фернандо не заставил повторять приглашения и в один миг уже был на ногах.

Ощупью подошел он к кровати, взял платье, лежавшее на стуле, и оделся.

В комнате по-прежнему царила полная тишина.

— Теперь, когда вы оделись, — продолжал тот же голос, — ложитесь на кровать и не делайте ни малейшего движения — речь идет о вашей жизни.

— Да кто вы?

— Что вам до этого? Повинуйтесь!

— Не раньше чем узнаю, кто вы, черт побери!

— Друзья.

— Гм! Друзья с очень странным обращением.

— Не судите опрометчиво о том, чего не можете знать.

— Ну хорошо! — вскричал он. — Я не прочь в конце концов узнать, что мне думать обо всем этом.

— Вы храбры, это похвально.

— Большое диво, нечего сказать, при моей-то профессии! — пробормотал он сквозь зубы и лег на постель.

В ту же секунду он почувствовал легкое сотрясение, ему показалось, что кровать уходит в паркет.

«Вот тебе и на! — подумал он. — Достойный дон Хесус Ордоньес и так далее едва ли знает более половины своего дома и занимает-то его не один!»

К молодому человеку вернулась вся его обычная веселость, его львиное сердце ни на миг не содрогнулось в груди, страх был ему неизвестен, но зато любопытство его было сильно возбуждено. Кто бы могли быть люди, которые, по-видимому, знали его сокровеннейшие тайны? С какой целью разыгрывали они с ним этот фантастический спектакль, способный разве что напугать ребенка? Чего хотели они от него?

Эти мысли мелькали в его голове и вылились все в одном слове.

— Подождем, — сказал он.

Между тем кровать опускалась все ниже медленно и плавно, пока наконец не встала неподвижно, коснувшись пола.

Дон Фернандо сделал движение, чтобы встать. Чья-то рука удержала его за плечо.

— Оставайтесь на своем месте, — произнес грубый голос.

— Ага! У меня, кажется, появился другой собеседник, — ответил дон Фернандо. — Что ж мне прикажете, лежать или сидеть?

— Как хотите.

Молодой человек сел на постели, скрестил руки на груди и приготовился ждать.

Зеленоватый свет озарял фантастическими отблесками то место, где находился дон Фернандо,

и позволял различать, хотя смутно и неопределенно, очертания нескольких черных фигур — призраков, людей или демонов — в длинных черных одеяниях, которые покрывали их с головы до ног, оставляя открытыми одни глаза, сверкавшие, как раскаленные угли, сквозь отверстия капюшонов, опущенных на лица.

Наступила минута такого глубокого молчания, что можно было бы слышать биение сердца в груди этих существ, допустив, что они состоят из плоти и крови.

Дон Фернандо не думал об этом, он ждал, холодный, надменный, с грозным взглядом.

Наконец тихий голос, который он уже слышал у своего уха наверху в спальне, вдруг снова заговорил:

— Гастон, герцог...

— Не произносите другого имени, кроме того, которое этот человек носит теперь, — перебил грубый голос.

— Вот это умная речь, ей-Богу! — весело вскричал молодой человек. — К чему эти имена и титулы?.. Лицо, названное вами, давно умерло от позора, отчаяния и бессильной ярости! — в порыве гнева воскликнул он и прибавил с горечью: — Тот, кто находится перед вами, носит имя и титул достаточно известные, как мне кажется, и недругам, и друзьям, если, конечно, они у него еще остались.

— Вы правы, — произнес тихий голос с выражением глубокой грусти, — теперь я буду обращаться только к капитану Лорану, знаменитому буканьеру, соратнику Монбара, Медвежонка, Бартелеми и всех флибустьерских героев.

— Гм! Вы знаете меня несколько лучше, чем хотелось бы, принимая в соображение мою личную безопасность, тогда как о вас мне известно так немного.

— Все зависит от того, насколько откровенно вы ответите на наши вопросы.

— Посмотрим, что за вопросы. Если они будут относиться только ко мне, я отвечу без всякого затруднения, но как скоро они коснутся других лиц и могут подвергнуть их опасности, я не скажу ни слова, хоть кожу сдерите с живого, хоть на куски меня разрежьте! Теперь вы предупреждены, делайте, что хотите.

— Вопросы будут относиться только к вам и вашим собственным делам.

— Так говорите.

— Месяца два назад, на Ямайке, куда зашел ваш корабль, вы были предупреждены в одной таверне человеком, которому оказали услугу, что английское правительство намерено захватить вас и конфисковать ваш корабль.

— Это правда, но я в тот же самый вечер снялся с якоря и вернулся в Леоган, захватив английскую каравеллу в отместку за измену, жертвой которой я чуть было не сделался.

— Едва вы ступили на пристань в Леогане, как поджидавший тут незнакомый вам человек отвел вас в сторону и, показав условный знак, от которого вы затрепетали, долго говорил с вами.

— Это совершенно справедливо.

— Какой же знак это был?

— Вы должны знать не хуже меня, раз имеете такие подробные сведения.

— Знак заключался в перстне, на котором был изображен череп со скрещенными под ним двумя кинжалами и вырезано английское слово: «Remember! 14».

— И это верно.

— Спустя восемь дней главные флибустьерские вожаки собрались в Пор-Марго на тайное совещание под председательством Монбара; там вы сделали некое предложение, принятое единогласно, но только после продолжительных прений, во время которых вам удалось убедить в своей правоте ваших товарищей. Что же это было за предложение?

— На это я отвечать не могу, дело касается не одного меня.

— Положим. На следующий день вы отправились к Чагресу и неподалеку от города сели в лодку вместе с одним из флибустьерских капитанов, вашим другом по имени Мигель Баск, и одним краснокожим. Высадившись на берег в пустынном месте, вы потопили лодку, предприняли переправу через перешеек берегом и, наконец, прибыли сюда около двух часов пополудни.

— Ни слова не могу возразить на это! Вы знаете мои дела так, что и я сам лучше не мог бы их знать.

— Не совсем... Нам известна лишь одна причина, побудившая вас к этому опасному предприятию, но другой мы не знаем.

— Не понимаю вас.

— Напротив, вы очень хорошо все понимаете! Ваша главная цель, та, для которой вы разыгрываете свою нынешнюю роль, — это месть.

— Пусть так! — сквозь зубы процедил молодой человек.

— Теперь мы хотим узнать другую вашу цель.

— Если она и существует, то уж от меня-то вы ее не узнаете.

— Вы не откроете ее нам?

— Ни в коем случае! Ведь я обязался отвечать только относительно себя самого и честно сдержал свое слово, большего вы от меня не добьетесь, напрасно было бы настаивать... Впрочем, раз у вас такие искусные шпионы и столь обширные связи, пустите в ход своих агентов и ищите, — быть может, вы и откроете то, что вам так хочется узнать.

Наступило довольно продолжительное молчание. Дон Фернандо напрасно напрягал слух и зрение, стараясь уловить малейший звук и подметить какой-нибудь проблеск света, чтобы найти подтверждение подозрениям, которые возникали в его уме, — все усилия его остались тщетными, он ничего не видел, ничего не слышал.

— О! — пробормотал он про себя. — Будь у меня оружие!

Чья-то рука нежно опустилась на его плечо, и голос тихий, как шепот ветра, произнес ему на ухо:

— Что же вы сделали бы с ним?

— Что бы сделал? Ей-Богу, я распорол бы живот двум-трем негодьям, которые держат меня, словно гусенка на насесте, и сам бы себя убил после этого!

— Убил! — повторил голос с невыразимой грустью. — Разве вы один на земле? Верно, вы никого не любите и... вас никто не любит? — прибавил голос после минутного колебания.

— Я люблю и любим, — ответил молодой человек, не задумываясь.

— Откуда вам это известно? — высокомерно возразил голос.

— Сердце мне подсказало, оно никогда не обманывает.

— Кого же вы любите? — спросил голос с плохо скрытым волнением.

— Я никогда не говорил с ней, два часа назад не знал ее вовсе.

— И она любит вас?

— Я в этом уверен.

Рука, все еще лежавшая на плече авантюриста, слегка задрожала.

— Почему?

— Сердца наши слились в одном взгляде.

— Послушайте, — с живостью продолжал нежный голос, — время уходит, не стоит тратить его на пустые слова. Вот, возьмите этот перстень; когда вам покажут такой же, кто бы ни был тот, у кого он будет в руках, спешите на зов не колеблясь.

— Я исполню это, если не паду мертвый на месте, — ответил молодой человек, крепко сжав в пальцах перстень, чтобы он случайно не выскользнул у него из рук.

— Зачем вспоминать о смерти? — продолжал голос с невыразимой нежностью. — Напротив, говорите о счастье, когда вы любимы... как утверждаете...

вернуться

14

Помни! (англ.)

— О! — воскликнул молодой человек. — Это вы, Флора, моя возлюбленная Флора! Да, да, я люблю вас!

— Тише, несчастный! — вскричала она с ужасом. — Вы погибли, если вас услышат.

— Никого я не боюсь теперь, когда уверен в вашей любви! Крошечная ручка мгновенно

закрыла ему рот; авантюрист покрыл ее страстными поцелуями.

— Тише! — еще раз шепнул голос ему на ухо, да так близко, что он с упоением почувствовал прикосновение двух пухленьких губок к своему лицу.

Он молчал, теперь ему было все равно, что бы ни случилось. В душе его достало бы блаженства на целый век мучений.

— Вы готовы нас выслушать и отвечать? — медленно спросил авантюриста грустный и строгий голос, которого он еще не слышал.

— Готов на то и другое, говорите, я слушаю.

— Мы поняли и оценили, — продолжал тот же голос, — чувство чести, которое обязывало вас молчать, не отвечая на наши расспросы. Мы не хотим более настаивать и заставлять вас изменить данному слову...

— Что касается этого, — перебил авантюрист с усмешкой, — то вы можете быть спокойны; хотел бы я посмотреть, как вы заставите меня изменить данному мной слову!

— Мы не станем это обсуждать, — возразил голос с оттенком досады. — Итак, бесцельно и, я прибавлю, даже неуместно было бы останавливаться дольше на этом вопросе.

— Хорошо, я молчу.

— Как уже сказано, — продолжал голос, — мы не только с удовольствием, но с живейшей радостью воспримем успех первой из целей, которая привела вас в этот край. Могу прибавить, что, хотя невидимые и неизвестные как вам, так и вашим врагам, которых вы не знаете, но знаем мы, мы будем содействовать вам всей нашей властью во что бы то ни стало.

— Благодарю вас и ваших друзей тем более искренне, милостивый государь, что, судя по тому, в чем я мог убедиться, власть эта должна быть очень велика. Я же, со своей стороны, клянусь во что бы то ни стало, как вы сами изволили выразиться, доказать вам свою благодарность за оказанную помощь.

— Мы примем к сведению ваше обещание и напомним вам его при случае.

— Когда угодно, в любой час и любую минуту, где бы то ни было, я готов заплатить долг, в котором у вас останусь.

— Очень хорошо, теперь все сказано на этот счет. Что же касается тайны, которую вы так упорно не выдаете, мы сами откроем ее.

— Может быть, — посмеиваясь, ответил дон Фернандо.

— Непременно откроем, только помните одно: в этом деле, каким бы оно ни оказалось, мы вас не знаем и будем поступать согласно этому.

— То есть?

— Не жертвуя нашими интересами ради ваших. Мы будем действовать с точки зрения личной выгоды, несколько не заботясь о том, как вы на это смотрите, хотя бы пришлось для этого разрушить до основания все здание, вами сооруженное, и разбить в прах ваши соображения, как бы искусны они ни были.

— Принимаю эти условия, хотя они и немного тяжелы. Каждый за себя, один Бог за всех — этому роковому закону повинуются все люди.

— Вы хорошо все взвесили?

— Вполне.

— И все же не хотите говорить?

— Менее прежнего!

— О! Подумайте еще.

— Я никогда не меняю принятого решения.

— Пусть будет по-вашему... и да суди нас Бог!

— Все же, надеюсь, мы остаемся друзьями?

— Да, относительно того, что сказано, и в указанных пределах.

— А насчет остального?

— Мы — смертельные враги, — ответил глухим голосом таинственный собеседник.

— Да суди нас Бог! — повторяю и я за вами.

В то же мгновение дон Фернандо — или капитан Лоран, как угодно читателю называть его, — почувствовал, что ему положили что-то мокрое на лицо. Он хотел вскрикнуть, но голос его оборвался, и он упал без чувств на кровать...

Сильные удары посыпались с громовым гулом на дверь комнаты, занимаемой путешественниками.

Ничто не шевельнулось.

По прошествии нескольких секунд стук повторился с новой силой, да с таким упорством, что, казалось, еще минут пять — и дверь разлетится вдребезги.

Мигель Баск приоткрыл один глаз и повернулся на постели.

— Похоже, постучали? — проворчал он. — Черт бы побрал докучливого! Так славно спалось. А-ах! — потягиваясь, зевнул он во весь рот.

Стук в дверь возобновился.

— Решительно, это стучат, — продолжал Мигель и, не переставая ворчать, встал с постели, снова богатырски зевнул и потянулся. — Странно, — бормотал он сквозь зубы, — ведь я спал как убитый часов десять, а — прости Господи! — хочу спать, точно глаз не смыкал всю ночь.

— Эй! — кричали за дверью. — Живы вы там или нет?!

— Иду же, пропасть вас возьми! К чему горячку-то пороть? Мы живы, здоровы и невредимы, смею надеяться.

Шатаясь, как пьяный, и зевая, он отпер задвижку и отворил дверь. Вошел индеец-проводник.

— Ну вот! Что за идиотская спешка, друг?

— Уже шестой час, — возразил Хосе, — нам давно бы следовало быть в дороге.

— Пять часов?! — вскричал Мигель. — Как время-то идет, Боже мой!

— Где дон Фернандо?

— У себя в постели, где же ему прикажете быть?

— И он спит?

— Полагаю.

— Посмотрим.

Они приблизились к кровати.

Действительно, дон Фернандо спал таким крепким сном, будто век не собирался просыпаться.

— Разбудите его, — сказал Хосе.

— Жалко, он спит так крепко!

Однако он потряс молодого человека за руку. Дон Фернандо открыл глаза.

— Как, опять? — грозно вскричал он, живо вскакивая с постели.

— Что опять? — воскликнул озадаченный Мигель. — Что с вами, ваше сиятельство, что вы так открылись на нас?

Молодой человек провел рукой по лбу.

— Прости меня, — сказал он, улыбаясь, — мне приснился дурной сон.

— О! В таком случае и прощать нечего, — спокойно ответил Мигель.

— Да, тяжелый сон... — повторил дон Фернандо. Вдруг он случайно увидел перстень с бриллиантовым

цветком на своем мизинце.

— Э-э! Ведь это был не сон! Все произошло в действительности, и я наяву присутствовал при этой странной сцене.

Он соскочил с постели.

— С ума сошел! Вот несчастье! — вскричал Мигель.

— А ты хорошо спишь, — обратился к нему дон Фернандо насмешливо.

— Я? Неплохо, кажется.

— Я убедился в этом ночью.

— Вы звали меня?

— Несколько раз.

— И я не отозвался?

— Отозвался... храпом. Мигель задумался.

— Все это неспроста, — решил он спустя минуту. — Не знаю, что было в том питье, но едва я успел проглотить его, как упал на постель, словно колода, и насилу проснулся теперь благодаря Хосе.

— Это правда, — сказал проводник, — не скоро я достучался.

— Во всем этом есть тайна, которую я открою, — пробормотал дон Фернандо.

— Вот тебе на! Вы спали одетые, — удивился Мигель. — Однако, помнится, я помогал вам раздеться.

Дон Фернандо вздрогнул, он начинал припоминать. Не говоря ни слова, он подошел к двери, запер ее на задвижку, после чего вернулся к двум своим спутникам.

— Помогите мне отодвинуть эту кровать, — сказал он.

— Зачем? — любопытствовал Мигель.

— Делай, что тебе говорят!

Соединенными усилиями они втроем после нескольких напрасных попыток наконец подняли тяжелую кровать и переставили ее на середину комнаты.

— Теперь надо взяться за приступки.

Это не представило большого труда, небольшие ступеньки легко отодвигались по паркету, поскольку не были прикреплены.

— Странно! — пробормотал Хосе. — Что же тут произошло? Когда место, занимаемое кроватью, было совсем очищено, дон Фернандо сказал:

— Друзья мои, теперь надо постараться отыскать в паркете малейшие щели.

— Ага! Понимаю, — пробормотал проводник. — Это действительно возможно. Но что же случилось? — спросил он с участием.

— Неслыханные вещи, — ответил дон Фернандо взволнованным голосом, — но поспешим, я расскажу все после, нас могут застать врасплох.

Все трое стали на колени и приникли к полу. Более получаса осматривали они его тщательно, упорно, но безуспешно: паркет казался несомненно цельным и сплошным.

Так ничего и не открыв, они с унынием поднялись на ноги.

— Странно, — прошептал дон Фернандо, — однако мне не приснилось это, ведь доказательство — этот перстень, — прибавил он, страстно целуя его. — Ведь это несомненный признак действительности всего, что произошло... Да где же это я нахожусь? — вскричал он в порыве гнева.

— В проклятом доме. Разве я не предупреждал вас? — глухим голосом сказал проводник.

— Правда, это проклятый дом! Поспешим выйти из него. Кто знает, какие бедствия нас постигнут, если мы останемся тут еще дольше!

— Давайте уедем, я ничего против этого не имею, — вставил свое слово Мигель. — С людьми я готов сразиться, но драться с духами — это не по моей части!

— Но прежде все следует привести в порядок, — посоветовал Хосе.

— Правда, — подтвердил дон Фернандо, — никто не должен подозревать, что мы тут делали.

Приступки и кровать были поставлены на свои места, два авантюриста оделись, взяли свои вещи и сошли во двор вслед за проводником.

Две оседланные лошади стояли на дворе, привязанные к кольцам.

Кое-где бродили пеоны, но хозяин дома не показывался.

Авантюристы уже собирались вскочить в седло, когда вышел отец Санчес и поздоровался с доном Фернандо.

— Вы уезжаете, граф? — спросил капеллан.

— Сейчас еду, святой отец, — сказал дон Фернандо, отвечая на поклон. — Буду ли я иметь честь видеть вас в Панаме?

— Надеюсь, сеньор: если моя духовная дочь, донья Флора, поедет с отцом в город, я буду сопровождать ее.

— Так я не прощаюсь с вами, отец Санчес, а говорю до свидания.

— До свидания, граф; примите и вы, и спутники ваши благословение старика, да хранит вас Господь на вашем пути!

Благоговейно склонив головы, все трое осенили себя крестным знаменем, потом простились со священником, который вошел в церковь, и сели на лошадей.

Они выехали из асиенды крупной рысью.

Когда они достигли подножия пригорка, дон Фернандо приостановил лошадь, оглянулся на мрачное здание и протянул к нему руку с угрозой.

— Я уезжаю, — хриплым от бессильной ярости голосом произнес он, — но даю клятву вернуться и открыть страшные тайны этого мрачного жилища, хотя бы пришлось заплатить жизнью за это открытие! В путь, друзья, надо наверстать потерянное время!

Они удалились от асиенды, и на этот раз вскачь.

ГЛАВА VI. Каким образом капитан Лоран, или дон Фернандо, проник в первый раз в Цветочный дом

Когда асиенда скрылась за пригорком, путешественники придержали лошадей и продолжали свой путь умеренным шагом.

Местность, по которой ехали теперь авантюристы, была едва ли не одной из самых живописных во всей Америке. Думаю, не ошибусь, если скажу, что она не походила ни на какую другую.

Все, что природа заключает в себе поразительного, величественного и из ряда вон выходящего, представлялось удивленному взгляду во всей своей красоте и внушающем священный ужас величии.

Направо и налево, на расстоянии, точно определить которое не представлялось возможным, возвышались мохнатые вершины Кордильерского кряжа, этого спинного хребта Нового Света, пики которого, покрытые вечными снегами, достигали страшной высоты, окруженные облаками, как светлым сиянием. Их склоны покрывали громадные и таинственные леса, склоненные над темными озерами, в зеленоватой воде которых они отражались. На пустынных берегах этих озер, как бы оставшихся неприкосновенными с сотворения мира, никогда не раздавалось человеческого голоса, не скользило по ним лодки, не было закинуто рыбацкой сети, и склоны исполинских высот, постепенно понижаясь уступами, наконец сливались с бесконечными равнинами, бесплодными саваннами и страшными пустынями, которые покрывали перешеек по обе стороны горной цепи необъятным океаном зелени.

На протяжении многих миль путь лежит под исполинскими сводами деревьев-великанов, сквозь которые полуденные лучи никогда не проникают или, как бы нехотя, едва светят; потом вдруг лес редет, и перед глазами расстилается степь, темная, обнаженная, бугристая, где взгляд теряется в безграничной дали, и грусть охватывает сердце, затем снова идут долины вперемежку с холмами. То и дело путешественник поднимается в гору и спускается вниз, пробираясь с унынием, порой с ужасом, среди этой наводящей тоску дикой природы. Напрасно ищет он следов дороги или хотя бы протоптанной тропы, и по прошествии нескольких часов одинокого странствования, не видя исхода из этой страшной пустыни, даже самый твердый человек падает духом и страх овладевает им, он отчаивается достигнуть цели своего пути, продолжительный переход, который он сделал, кажется ему напрасным и как будто вовсе не приблизившим его к человеческому жилью.

Потом вдруг, без малейшего перехода, с вершины холма ослепленному взгляду открывается восхитительная картина: громадные вековые леса, прихотливо разбросанные букетами группы роскошных тропических растений, которые грациозно склоняют свои широкие зубчатые листья, когда их нежно ласкает легкий ветерок, реки, словно змейки извивающиеся бесконечными изгибами под сенью водяных растений, которые окаймляют их берега, и нередко, перекинув через журчащий поток воздушный мост из листьев и цветов, образуют зеленые арки, и, наконец, местами, под жесткой травой, коварные трясины или озера с зеленоватой стоячей водой, убежищем кайманов и игуан 15, лениво греющихся на солнце.

На протяжении около двадцати миль, то есть от Чагреса до Панамы, и миль на сорок или пятьдесят в окружности разнообразнейшие живописные виды сменяют один другой, но не утрачивают печати величия и дикости, которую наложил Господь на все выдающиеся создания природы.

Часам к одиннадцати путешественники остановились для отдыха на большой поляне в лесу, по

которой протекал ручеек.

Они хотели переждать полуденный зной, а заодно дать лошадям передохнуть и накормить их, в чем бедные животные чрезвычайно нуждались.

Когда лошадям задали корму, путешественники подумали о себе.

Хосе взялся приготовить обед и дело это исполнил с ловкостью и проворством, которые снискали ему похвалу товарищей, с давних пор привыкших к кочевой жизни и потому прекрасно разбиравшихся в подобном деле.

После обеда, который был прикончен мигом, путешественники, как обычно, раскурили трубки и принялись беседовать.

Разговор завязал Мигель Баск, богатырски хватив себя по колену кулаком, так что в пору было свалиться быку.

— Что с тобой? — спросил Лоран, смеясь.

— Что со мной? Пропасть их возьми! — вскричал Мигель с блеском гнева в глазах. — Да то, что со мной поступили, как с желторотым птенцом, и если когда-нибудь эти мерзавцы попадутся мне под лапу, — прибавил он, протянув с угрозой огромную ручищу, словно баранью лопатку, — они узнают на собственном опыте, из какого теста я создан.

— На что же тебе жаловаться? — шутливо возразил товарищ.

— Как на что?! — расвирепел буканьер. — Вот это мне нравится! Замечание бесподобно! Вы не понимаете, на что я негодую?!

— Я жду, чтобы ты объяснился более спокойно, если можешь.

— Постараюсь, но ручаться не стану.

— Попробуй все-таки.

— Для меня дело ясное: мнимое питье — просто наркотическое зелье. Этот изменник дон Хесус, как он назвался, хотел убить нас во время сна; по счастью, я запер дверь на задвижку.

— Ты абсолютно ошибаешься, брат, асиендадо к этому непричастен.

— Не может быть!

— Очень даже может. Более того, скажу даже, что он первый перепугался бы, если б только знал, что в эту ночь происходило в его доме.

— Вздор какой! А усыпляющее зелье, которое я выпил?

— Приготовлено было не им. Этот достойный муж не подозревает и о четверти того, что у него творится в доме. Асиенда, полагаю, двойная, если не тройная, и построена во вкусе старых богемских и венгерских замков, со множеством потайных ходов, опускных дверей в стенах, тайников и подземелий, которые перекрещиваются во всех направлениях. У меня есть доказательство, что нынешний владелец не имеет понятия обо всем этом.

вернуться

Игуана — крупная ящерица, обитающая в Новом Свете.

— Как хотите, граф, — возразил буканьер, пожав плечами, — а я все-таки был усыплен, иначе не мог бы не слышать, что вы зовете меня на помощь.

— Это правда.

— И я, ваш преданный товарищ, почти брат, дал бы убить вас возле себя, не защитив!

— Чем же ты был бы виноват, раз спал?

— Эту-то дьявольскую шутку я и не прощу тем, кто проделал ее со мной.

— Мне не хотели причинить зла, напротив, со мной прекрасно обращались.

— Возможно, но могло быть иначе, и тогда я, Мигель Баск, остался бы опозоренным в глазах товарищей, которые не поверили бы ни единому моему слову из этой нелепой истории.

— Полно, утешься, старый товарищ! Разве ты не знаешь, как я люблю тебя?

— Знаю ли? Именно потому и бешусь!

— Итак, — сказал проводник, который внимательно вслушивался в разговор двух флибустьеров, — это правда, что в доме водится нечистая сила, как утверждают?

— Да, водится, но это существа из такой же плоти и крови, как и мы, которые вынашивают какие-то мрачные замыслы.

— Вы не думаете, сеньор, что это призраки потустороннего мира?

— Повторяю тебе, что это люди — решительные и грозные, правда, — но вовсе не привидения. Они обладают громадными возможностями наводить ужас и, вероятно, действуют под началом некоего умного и неустрашимого предводителя, но в том, что они исполняют, нет ничего сверхъестественного, хотя способ и результаты их действий превышают человеческое понимание.

— Тем они опаснее!

— Разумеется! Поэтому я и принял твердое решение открыть, кто это.

— Нас будет двое в этих розысках, — заметил Мигель.

— Нет, трое, — медленно сказал краснокожий, — у меня также есть важный повод стараться узнать, кто эти люди.

Капитан Лоран украдкой взглянул на проводника, но лицо индейца было спокойно и взгляд исполнен такого достоинства, что подозрения молодого человека, если таковые у него и возникли, мгновенно рассеялись.

— Хорошо, — сказал он, — принимаю твою помощь, мы будем действовать сообща.

- Я запомню ваше обещание, сеньор, — произнес проводник.
- Кажется, об этом предмете теперь сказано достаточно, — сказал Лоран, — да и говорить, вроде, больше нечего... Сколько миль осталось еще до Панамы?
- Около восьми, если ехать по окольной дороге, напрямик же не более пяти.
- Можно ли рассчитывать быть в городе до заката солнца, если ехать окольной дорогой?
- Это трудно, даже невозможно.
- А напрямик?
- Очень легко, но предупреждаю вас, дорога утомительная.
- Эка невидаль для нас! — вскричал Мигель.
- Что же вы решили, сеньор?
- Мы поедем напрямик.
- Очень хорошо. Тогда надо двинуться в путь через час.
- Во сколько, примерно, мы будем в городе?
- Самое позднее — в четыре.
- Прекрасно, этого-то я и хочу... Ты хорошо знаешь Панаму?
- Так же, как и эту пустыню.
- Дон Хесус сдал мне внаймы свой дом, куда я напрямиком и намерен отправиться.
- Который из домов? У дон Хесуса их в городе три.
- Тот, что называется Цветочным домом.
- Дон Хесус отдал вам внаймы Цветочный дом? — воскликнул в изумлении проводник.
- Да, а что же ты находишь в этом удивительного?
- Ничего... и вместе с тем очень много.
- Не понимаю.
- Человек этот, должно быть, сошел с ума, если согласился уступить вам этот дом... или кто-нибудь подсказал ему это.
- С какой целью?
- Не знаю, но совет, во всяком случае, исходит не иначе как от друга, вам же остается только радоваться такой удаче.
- Почему?

— Ни один из домов в Панаме не мог быть более удобным для вас по своему устройству как снаружи, так и внутри. Вообще, он имеет очень много общего с домом на асиенде.

— Ах, черт возьми! Ты пугаешь меня, любезный Хосе!

— Чем же, сеньор?

— Если я буду постоянно проваливаться в разные люки и тайники, мне придется плохо в моем жилище; меня окружают невидимыми шпионами, которые будут следить за каждым моим движением, подслушивать каждое мое слово, ловить все, что я захочу скрыть, — словом, я буду связан по рукам и по ногам и, подозревая измену, не посмею ни шевельнуться, ни сказать слова.

— Успокойтесь, ничего подобного не будет. Только два человека знали все тайны этого дома: один из них — тот, кто его строил, но он умер.

— А другой кто?

— Другой — я.

— Эге! Славная штука! — вскричал Мигель.

— Ты? — переспросил дон Фернандо или, вернее, капитан Лоран.

— Именно я, сеньор.

— Я ничего не понимаю, Хосе.

— Объяснение мое будет коротко и ясно, сеньор, слушайте.

— Я слушаю.

— По причинам, о которых вам знать теперь нет ни малейшей надобности, я попал в Панаму ребенком, едва достигнув десяти лет, но я был высок и силен для своего возраста, смотрел бойко и понравился капитану испанского торгового судна. Этот добрый человек купил меня, оставил при себе, мало-помалу привязался ко мне и — поскольку я с полной откровенностью рассказал ему свою историю, ничего не утаив, — был тронут моей несчастной судьбой и дал мне свободу, когда я достиг пятнадцати лет. Свободой своей я, однако, не воспользовался и остался при своем благодетеле. Я поклялся не расставаться с ним до его смерти. Капитан Гутьеррес Агуире, как звали моего хозяина, главным образом занимался контрабандой жемчуга. Он нажил неплохое состояние, занимаясь этим промыслом, но рисковал головой — испанское правительство не шутило с контрабандистами. Капитан был очень богат, но ежеминутно опасался обыска в своем доме, поскольку находился на подозрении. Однажды он сообщил мне о своих опасениях и попросил привести к нему индейца, который под его руководством построил бы такой дом, какой он желает. Во время поездки в Кальяо за несколько месяцев до этого капитан заказал испанцу-архитектору план дома, который показал мне. На мое замечание, что архитектор может случайно заглянуть в Панаму, капитан ответил мне со странной улыбкой, что предотвратить подобную случайность в его власти.

— Достойный контрабандист, видимо, придушил архитектора, — вставил свое словечко Мигель.

— Этого я не знаю, но верно то, что этот человек внезапно исчез и никто о нем больше не слышал.

- Я поклялся бы, что так! — опять вскричал неисправимый буканьер.
- Молчи, Мигель!.. Что ты сделал, Хосе, после того как капитан доверился тебе?
- Я посоветовал ему взять мирных индейцев из другой местности, чтобы они выстроили этот дом под его руководством. Мысль капитану понравилась, и он поручил мне нанять этих людей. Поручение я исполнил со всей тщательностью и спустя две недели вернулся в Панаму с двадцатью работниками, взятыми из дальней индейской деревни или, вернее, дальнего индейского племени. В мое отсутствие капитан не зевал: он выбрал и купил место и завез необходимые материалы. Через пять месяцев дом был закончен, а работники щедро вознаграждены и отпущены. В течение всего времени, пока длилось строительство, мы с капитаном Гутьерресом наблюдали за ними так внимательно, что они ни с кем не могли общаться; впрочем, они и сами не понимали как следует, что именно они сооружают.
- Это весьма вероятно, — заметил Лоран, — но как правительство не встревожилось такой продолжительной постройкой? Ведь в этом краю и дворец воздвигается менее чем за месяц.
- Вам известна небрежность, нерадение и в особенности жадность членов колониального управления... У капитана Гутьерреса были друзья везде, он всем сумел залепить глаза и заткнуть уши. Впрочем, он вел свое дело с величайшей осторожностью, место для дома было им выбрано искусно, в отдаленной части города, где жили одни индейцы. Из всего этого вышло, что никто ничего не видел и видеть не хотел, что, в сущности, для капитана Гутьерреса было одно и то же. Прошло несколько лет, капитан сильно постарел, и его тянуло вернуться в Европу. Наконец он не мог более сопротивляться такому сильному желанию, снарядил корабль, на который перевез все свои богатства, обнял и поцеловал меня на пристани, куда я проводил его, сел в шлюпку, которая ждала его, и уехал. Поднимаясь по трапу на корабль, который стоял уже готовый сняться с якоря, он оступился, упал в воду и утонул, несмотря на все усилия спасти его.
- Это архитектор его за ногу дернул! — со смехом пояснил Мигель.
- А дом кому достался?
- У донна Гутьерреса не было наследников, все состояние его захватило правительство.
- Какая пожива для собак-испанцев!
- Куда же ты тогда девался, Хосе?
- Меня ничто больше не удерживало в Панаме, и я вернулся в прерии. Целых пятнадцать лет после того я близко не подходил к городам белых.
- А по возвращении в Панаму ты ничего не слышал об этом доме?
- Немного, сеньор, он меня не интересовал. Случайно до моих ушей дошло, что он был перепродан несколько раз, но окончательно куплен с год назад доном Хесусом Ордоньесом. Вот и все.
- Не подозреваешь ли ты причины, по которой дон Хесус приобрел его?
- Я солгал бы, сеньор, если бы стал утверждать противное.
- Какая же это причина, по твоему мнению?

— В Панаме все занимаются контрабандой, от губернатора до последнего пеона.

— Ай-яй-яй! — вскричал Мигель.

— Разумеется, — продолжал индеец, — все соблюдают величайшую осторожность, и те, кто имеют наибольшие прибыли от этого беспощинного торга, то есть губернатор и другие члены правительства, неумолимы к мелким контрабандистам и преследуют их с ожесточением за вред, который те наносят их интересам.

— Итак?..

— Мелкие контрабандисты, которым все это известно как нельзя лучше, пускают в ход все возможные способы, чтобы укрыться от гонений на них, отсюда следует постоянная борьба хитрости против хитрости.

— Прекрасно, но какое отношение к этому имеет дон Хесус?

— Вместе с доном Пабло Сандовалем и некоторыми другими людьми он — один из самых смелых и хитрых контрабандистов в Панаме.

— Как?! — перебил проводника Мигель. — Дон Пабло Сандоваль, капитан корвета «Жемчужина», — контрабандист?

— Собственной персоной! Они ведут дело с большим размахом и не отступают ни перед чем. Компаньонам понадобился дом, где они в случае надобности могли бы сложить свои товары. Цветочный дом, с выходом в поле, пришелся им как раз на руку, вот дон Хесус и приобрел его.

— Это действительно вполне возможно... И ты уверен, что дон Хесус не знает всех тайников своего дома?

— Уверен в этом. Кто бы мог ему указать их?

— Случай мог бы помочь им в этом.

— Это невозможно, сеньор, вы скоро сами удостоверитесь в этом!.. Впрочем, с тех пор как дом был продан в первый раз и осмотрен от чердака до подвала, подобное открытие давно уже стало бы известно в городе. Для меня же несомненным доказательством полного неведения дона Хесуса на этот счет служит то, что он так легко согласился сдать вам этот дом внаймы и назначил такую умеренную цену.

— Я допускаю это, но чему ты приписываешь внезапную мысль сдать мне его?

— Как знать? Может быть, за ним стали зорко следить, и этим способом он хочет отвратить от себя подозрения. Прехитрая лисица этот сеньор Ордоньес!

— И я того же мнения, Хосе; не знаю почему, но человек этот, который, в сущности, был крайне любезен со мной, внушил мне непреодолимое отвращение.

— Такое впечатление он производит на всех с первого взгляда.

— Выгодное впечатление, нечего сказать! — пробормотал Мигель.

— Мы будем наблюдать за ним, Хосе.

— Положитесь в этом на меня, сеньор.

Вдруг проводник остановился. С минуту он с беспокойством втягивал в себя воздух, потом лег на землю и прислушался к отдаленному шуму, который был доступен лишь его слуху.

Два авантюриста переглянулись с изумлением, ничего не понимая.

Вдруг проводник вскочил на ноги.

— Скорее спрячьте лошадей в кустах, пока я скрою всякий след нашей стоянки.

Слова эти были произнесены так серьезно, что авантюристы молча повиновались, подозревая, что им грозит серьезная опасность.

Проводник торопливо разбросал золу от костра и поднял примятую траву.

Он крепко перевязал ноздри лошадям, чтобы они не заржали, и после этой последней меры предосторожности шепнул:

— Слушайте!

— Что там такое? — спросил Лоран с беспокойством.

— Какой-нибудь дикий зверь забежал? — вполголоса предположил Мигель.

— Если бы так, — пожал плечами проводник. — Слушайте, говорю вам.

Вскоре явственно послышался глухой, непрерывный шум, похожий на отдаленные раскаты грома; он приближался с необычайной быстротой.

— Что это значит? — спросил опять Лоран.

— Топот двух лошадей, пущенных во весь опор! Не говорите ни слова и смотрите; если не ошибаюсь, мы узнаем кое-что любопытное.

Все молча стали смотреть в направлении, откуда слышался топот, раздававшийся все ближе и ближе.

Прошло несколько минут, потом затрещали и раздвинулись ветви кустарника, и два всадника вихрем промчались мимо притаившихся авантюристов, скрывшись опять в чаще леса.

— Видели? — спросил проводник.

— Разумеется.

— И узнали?

— Еще бы! Это дон Хесус Ордоньес и дон Пабло Сандоваль.

— Действительно, это они и были, вы не ошиблись.

— Что им понадобилось в Панаме сегодня и почему они так спешат?

— Это мы узнаем сегодня же вечером.

— Но ведь они хотели выехать только завтра!

— Вероятно, дон Хесус ночью вернется на асиенду, у него лучшие лошади во всей колонии — арабской породы, способные на одном дыхании проскакать двадцать миль и даже не вспотеть.

— Странно! — пробормотал Лоран.

— Не правда ли?

— Как бы нам узнать причину?

— Это уж мое дело, — перебил проводник, — мы будем в Панаме за два часа до них.

— Ты в этом уверен?

— Ручаюсь головой! Хорошие ли вы ездоки?

— За себя я отвечаю.

— А ваш товарищ?

— И тот не оплошает.

— Так дело в шляпе! Скорей на лошадей!

— Но ты-то как же?..

— А вот как! — ответил проводник, одним прыжком очутившись за спиной Лорана, который передал ему поводья. — Теперь держитесь, сеньоры, вы попробуете езду, какой век не испытывали, и вдобавок по дорогам, где любое падение — смертельно! Ведь вы хотите быть в Панаме во что бы то ни стало?

— Во что бы то ни стало!.. Но как же лошади?

— Сами увидите, на что они способны. Вы готовы?

— Готовы, — ответили в один голос авантюристы. Проводник тихо свистнул, лошади вздрогнули, точно их пронизал электрический разряд, пригнули уши и разом понеслись с такой стремительностью, что всадники, низко наклонившись вперед, порой задыхались, а временами точно дышали огнем.

Описать эту бешеную скачку нет возможности, дать о ней понятие нельзя никакими словами. Несмотря на преграды, на каждом шагу возникавшие под их ногами, лошади, точно демоны, неслись то через опрокинутые деревья и через рвы, то по крутизне и вдоль оврагов, где едва хватало места, куда им ступить.

Время от времени проводник тихо щелкал языком. При этом знаке благородные животные удваивали свои усилия, и сверхъестественный и стремительный их бег принимал размеры страшного наваждения.

Всадники больше ничего не видели и не слышали; без мыслей, почти без дыхания они все мчались и мчались вперед, как бы увлекаемые вихрем, и деревья, овраги, горы мелькали мимо них с головокружительной быстротой.

Лошади летели, пыша огнем из раздувавшихся ноздрей, великолепные в своей дикой красоте, с развевающимися хвостами и взъерошенной гривой, по временам испуская ржание, никогда не спотыкаясь, не замедляя своего фантастического бега и не выказывая ни малейшего признака усталости.

Сколько длилась эта дьявольская скачка, во время которой всадники сто раз рисковали слететь в овраг или разбиться на дне разверзнутых у их ног пропастей, не мог бы сказать ни один из них; они с трудом давали себе отчет в своем собственном существовании и пассивно, без всякого сознания подчинялись увлекающему их урагану.

Вдруг проводник тихо свистнул.

Лошади остановились как вкопанные.

Остановка произошла так мгновенно и неожиданно, что Мигель перелетел через голову лошади и грохнулся оземь.

— Премного благодарен! — вскричал он, встав на ноги и потирая бок.

— Приехали, — сказал проводник голосом спокойным и ровным, как ни в чем не бывало.

— Уже?! — воскликнул Лоран, осматриваясь вокруг и видя одни столетние деревья окружающего их густого леса.

— Я не жалею об этом, — заметил Мигель, — долго мне не забыть этой маленькой прогулки! Вот черти-то, пропасть их возьми! Дерут со всех ног!

— Теперь вы знаете моих лошадей. Что скажете о них?

— Благородные животные! — вскричал Лоран. — И тени усталости не заметно!

— Они могли бы бежать таким образом еще часа три, если бы понадобилось.

— А дон Хесус со своим спутником?

— Далеко позади нас. Разве вы можете предположить, чтобы их лошади могли сравниться с моими?

— Действительно, всякое сравнение невозможно... Но зачем же нам останавливаться в этом лесу?

— Наше прибытие в Панаму пока должно оставаться тайной, завтра утром мы чинно въедем в город, как подобает честным путешественникам, сегодня же мы изберем другой путь.

— Ты прав; какой же?

— Вот этот.

И проводник разобрал хворост, за которым скрывался вход в пещеру.

— Дон Хесус, — продолжал он, — знает один из потайных ходов, ведущих в его дом, мне же известно много других.

Входите, я введу лошадей и скрою следы нашего прохода: никто не должен подозревать, что

существует это подземелье, со временем оно пригодится нам.

— Справедливо, — сказал Лоран и вошел в пещеру, а вслед за ним — Мигель.

Подземелье, должно быть, освещалось искусно сделанными скважинами — в него попадало столько света, что можно было легко продвигаться вперед без малейших опасений.

Проводник ввел лошадей одну за другой, потом тщательно замел все следы на земле и, как и прежде, заложил вход грудой хвороста.

Тропинка в подземелье, усыпанная песком, постепенно вела вниз и была достаточно широкой, чтобы двое могли идти по ней рядом. После двадцати минут ходьбы авантюристы наткнулись на скалу, которой, по-видимому, заканчивалось подземелье.

— Вот, посмотрите, — указал проводник на пружину, искусно скрытую в трещине каменной глыбы.

Он надавил на пружину, и глыба тихо повернулась на своих невидимых шарнирах, потом, когда все прошли, проводник надавил на другую пружину, и скала приняла свое прежнее положение.

Еще две подобные гранитные глыбы встретили они на своем пути.

— Скоро ли мы будем у цели? — спросил Лоран.

— Через четверть часа.

Опять нажав пальцем на некое место в стене, проводник отворил скрытую дверь в конюшню, где совершенно свободно мог поместиться десяток лошадей.

Проводник поставил туда своих лошадей, снял с них сбрую и, засыпав им корму, оставил там.

— Таких конюшен здесь целых пять, — сказал Хосе, — не считая той, которая при доме.

— Эге! Это не вредно знать! — заметил Лоран.

— Со временем я покажу их вам, а теперь пойдете скорее. Он затворил за собой дверь, и все пошли дальше.

— Теперь мы в вашем саду, — сказал проводник спустя некоторое время.

— Так мы, значит, уже в Панаме? — с любопытством спросил Мигель.

— С добрых четверть часа.

— Превесело расхаживать таким образом инкогнито.

— Ба! Вы еще ничего не видели.

Покатость подземного хода мало-помалу становилась ощутимее. Пройдя еще минут двадцать пять, они очутились перед стеной, которая отворилась перед ними, как отодвигались до этого глыбы гранита.

За стеной начиналась узкая лестница, которая шла спиралью.

— Вот мы и дома, — сказал Хосе, запирая за собой проход. — Эта лестница охватывает весь дом, она ведет во все комнаты, от самых маленьких до самых больших, а также выходит в тайники, которых всего девять, — все они большие и с хорошей вентиляцией, из них можно слышать все, что происходит в открытых комнатах дома, и, кроме того, есть еще ход к службам с таким же точно устройством.

— Какое странное здание! — вскричал Мигель. — Напрасно дон Хесус давал нам ключи, не много же пользы они нам принесли!

— Правда, — сказал проводник, — но они нам послужат, когда мы пожелаем войти в настоящий дом, где мы находимся, — это только его двойник. Пойдемте.

Авантюристы последовали за индейцем, и он ввел их в довольно большую комнату, обставленную хорошей мебелью.

— Расположимся здесь на первое время. Кабинет дона Хесуса рядом, отсюда мы увидим и услышим двух наших приятелей, когда они приедут.

— А нам как быть? — спросил Лоран.

— Мы услышим их, но они нас не услышат.

— Это весьма приятно, — заметил Мигель. — А знаете ли, — вскричал он вдруг, — ведь домовладелец-то оставил вторые ключи у себя!

— Вероятно.

— Будьте спокойны, я потребую их у него, — сказал Лоран.

— Он не станет доводить дело до этого и сам отдаст ключи, — возразил проводник. — И оставил-то он их у себя только потому, что имел намерение приехать сюда сегодня, я полагаю.

— Что же нам теперь делать?

— Ждать и, чтобы скоротать время, поесть. Вероятно, вы проголодались?

— Признаться, от этой дьявольской скачки я совсем отощал, — улыбаясь, согласился Лоран.

— У меня также живот подвело, — подхватил Мигель.

— Через минуту я доставлю вам все, что нужно. Тут в шкафу лежит белье, есть и посуда; накройте пока что стол.

С этими словами он вышел.

— Что ты скажешь обо всем этом, Мигель? — спросил капитан Лоран у своего спутника, как только они остались Наедине.

— Скажу, что все это презабавно, лишь бы дольше продлилось.

— Но продлится ли?

— Вы хотите знать слишком много, любезный Лоран, вам должно быть известно мое правило: пусть все идет своим ходом; подождем и посмотрим, как советует проводник. Впрочем, теперь

жаловаться нечего, все удаётся нам как нельзя лучше, если не ошибаюсь.

— Даже что-то уж чересчур хорошо.

— Вечно у вас все заботы! Забота убьёт даже кошку.

— Правда, давай накрывать на стол.

— Это самое лучшее, что можно сделать.

Управившись, они сели к столу и принялись ждать.

Через четверть часа проводник вернулся со всеми припасами для превосходной и обильной трапезы; он не забыл даже напитков.

Возвращение его авантюристы приветствовали радостными возгласами.

ГЛАВА VII. Где доказывается, что иногда полезно подслушивать беседу некоторых особ

Положение капитана Лорана было довольно странно в эту минуту: он снял дом и внес плату за целый год вперед, следовательно, по праву был хозяином Цветочного дома. Между тем он тайком прокрался в него через подземный ход и потайные двери с пружинами, тогда как, напротив, владелец, который не должен был уже входить в дом без разрешения того, кому уступил его, вскоре на виду у всех войдет в него через парадный ход и отопрет внутренние двери оставленными им у себя против всякого законного права вторыми ключами.

Как это часто бывает в жизни, случай все устроил по своей прихоти, и два этих человека невольно поменялись ролями.

Не руководил ли перст Божий всеми событиями, с первого взгляда такими нелогичными?

Как бы то ни было, авантюристы, совершенно не заботясь о будущем, жили только настоящим, усердно отдавая должное добытым Хосе запасам.

В течение всего времени пути индеец был верен, предан и находчив. Буканьеры невольно поддавались чувству, которое влекло их к нему, и, сами того не подозревая, мало-помалу начинали испытывать к нему искреннюю дружбу.

Хосе, однако, со своей стороны, оставался неизменен, он не выходил из своей роли подчиненного, но без раболепства и без заискивания, готовый на все, чтобы услужить, он, тем не менее, не делал никаких попыток более тесно сойтись с флибустьерами и, зная, что нужен, даже необходим, с редким тактом, которым был наделен в высшей степени, заставлял добродушием, простой и заразительной веселостью прощать себе это досадное с точки зрения гордых и щепетильных людей положение зависимости.

На этот раз трапеза длилась долго и сопровождалась забавными рассказами. Авантюристам нечего было торопиться, они убивали время, осушая стакан за стаканом и разговаривая обо всем, что приходило в голову.

Однако к концу ужина разговор принял более серьезный оттенок — в сущности, буканьеры играли в опасную игру и в случае проигрыша могли поплатиться головой; тут было над чем призадуматься.

— Вот мы и в Панаме, благодарение Богу, целые и невредимые! — сказал наконец капитан Лоран.

— Пока нас не повесят, — прибавил Мигель Баск, прихлебывая вино из громадного стакана.

— Ну тебя к черту с такими разговорами! Подумаем лучше о наших делах. Хосе, друг мой, десять человек из наших захвачены в плен этой зеленой рожей — доном Пабло Сандовалем.

— Хотел бы я в отместку захватить его корвет, — заметил Мигель.

— Терпение, брат, дойдет и до этого очередь.

— Надеюсь.

— Ты слышал, что наши товарищи попались в руки испанцев, друг Хосе?

— Слышал, капитан, — ответил проводник. — Здесь никто нас не услышит, и я могу называть вас таким образом.

— Называй как хочешь, любезный друг, лишь бы ты сообщал нам приятные вести, — вмешался Мигель, — и я ведь капитан, черт возьми!

— Знаю; ваша слава настолько велика, что не знать вас нельзя.

— Благодарю. Итак, ты говорил капитану Лорану...

— Что слышал о ваших товарищах, захваченных в плен, и это опечалило меня.

— Надо спасти их! — вскричали в один голос оба авантюриста.

— Об этом-то я и думаю... Здесь все делается за деньги, но дело не шуточное, даже очень опасное, ведь речь идет о Береговых братьях.

— Возможно ли спасти их? — спросил Лоран взволнованно.

— Все возможно, — со значением ответил проводник.

— Так мы сделаем это!

— Но обойдется не дешево.

— Велика беда, был бы успех!

— У вас есть деньги?

Капитан Лоран усмехнулся с пренебрежением.

— Деньги? — повторил он. — Мы с товарищем имеем векселя на первых банкиров в городе на сумму свыше двух миллионов пиастров.

— О-о! Так много!

— Даже больше. Умеешь ты читать?

— Умею, — улыбаясь, ответил проводник. — Вас удивляет, что индеец обучен грамоте?

— Ничто в тебе не удивит меня, любезный друг. Смотри. Капитан достал из кармана бумажник, раскрыл его и разложил перед краснокожим все находившиеся в нем бумаги.

Тот стал рассматривать их с величайшим вниманием.

— Все эти векселя действительны, — сказал он наконец.

— Еще бы!

— Ваши товарищи будут спасены.

— Ты мне ручаешься?

— Ручаюсь.

— Тогда я спокоен! Во сколько нам это обойдется?

— В пятьдесят тысяч пиастров, по меньшей мере.

— Это пустяки. Вот вексель на сто тысяч на фирму Олибарьета.

— Первую и, следовательно, богатейшую в Панаме.

— Завтра же получи деньги и приступай к действиям.

— Не замедлю.

— Какова будет наша роль во всем этом?

— Сам еще не знаю, смотря по обстоятельствам.

— Очень хорошо; итак, это дело решенное.

— Вполне.

— Где мы спрячем их?

— Здесь же.

— Правильно, таким образом они будут у нас под рукой, когда настанет минута действовать.

— Нам нельзя терять времени, — заметил Мигель. — Задача наша не шуточная; двадцать восьмого марта должен быть дан сигнал эскадре, месяц на подготовку наших батарей — этого маловато.

— Но достаточно, если подходить к делу с умом и храбростью, — сказал Лоран.

— Ни в том, ни в другом у вас недостатка не окажется, капитан, — заметил Хосе.

— Но кто же даст сигнал эскадре?

— Я, если хотите, — ответил Хосе.

— Посмотрим, — продолжал Лоран. — Прежде всего надо овладеть асиендой дель-Райо — это сильная позиция.

— И хорошо укрепленная; она неприступна, — прибавил Мигель.

— Есть у тебя там связи, Хосе?

— Очень мало, капитан, ведь я бедный индеец и ничего больше.

— Ну, мне так ты кажешься королем, — весело сказал Мигель, — разумеется, королем без владений.

Индеец улыбнулся, но ничего не ответил.

— Я собираюсь во что бы то ни стало завладеть асиендой, — сказал Лоран, — она будет в моей власти, хотя бы пришлось брать ее приступом.

— Мы примем меры, дружище, когда настанет время; с тех пор как мы попали в эти края, с нами случилось столько удивительных вещей, и в особенности таких полезных для наших целей, что я спрашиваю себя, не откроет ли нам добрая фея двери асиенды, когда мы захотим завладеть ею.

Теперь была очередь капитана Лорана улыбаться, хотя он не счел нужным возражать.

— Что касается меня, — заключил Мигель, — то больше всего я жажду захватить корвет.

— И он будет твоим!

— Вы обещаете?

— Честное слово, до истечения недели.

— Благодарю, — ответил Мигель искренне.

Эти два льва никогда не сомневались друг в друге, обещанное одним было в глазах другого все равно что сделано.

— Скажи, пожалуйста, Хосе, поскольку тебе известен край, не можешь ли ты разыскать некоего Педро Серано? — спросил Лоран.

— Чем он занимается и кто он, капитан?

— Кто? Самый натуральный мошенник, а что делает — право, не знаю. Одно я знаю достоверно — он должен жить в Панаме или в окрестностях.

— Как давно?

— Лет тринадцать или четырнадцать.

— И вам необходимо отыскать его?

— Больше всего на свете. Для него одного я предпринял эту свою отчаянную экспедицию.

— Хорошо, капитан, я отыщу его, хоть бы он скрывался в недрах земли.

— Запомни хорошенько, друг Хосе, что в тот день, когда ты отыщешь мне этого человека... ведь ты знаешь меня, не правда ли?

— Знаю, капитан, очень люблю вас и удивляюсь вам.

— Ну, Хосе, в тот день обратись ко мне с любой, даже самой невозможной просьбой, и — клянусь честью дворянина и Берегового брата! — она будет исполнена.

— Вы не шутите, капитан? — вскричал проводник, и в глазах его сверкнула молния.

— Никогда в жизни не говорил вернее! Вот моя рука, Хосе.

— Решено, капитан, я найду этого человека.

— Сдержи свое слово, а я сдержу свое.

— Вот тебе и моя рука, Хосе, — вмешался Мигель, — раз капитан Лоран берет на себя обязательство, я также беру его. Хотя я понятия не имею, о ком он говорит, это имя для меня ровно ничего не значит, отыщи этого мерзавца и полагайся на меня.

— Благодарю, капитан Мигель, — ответил проводник с волнением, странным для человека, который всегда владел собой.

— Однако как долго не едут наши молодцы, — заметил Лоран, набивая трубку.

— Сейчас шесть часов, капитан, не пройдет и получаса, как они будут здесь. Но позвольте, здесь курить нельзя, запах табака может нас выдать.

— Это правда, ей-Богу! А ведь мне и в голову не пришло. С этими словами Лоран положил трубку на стол.

— Как же мы увидим их? — прибавил он. Проводник выдвинул и убрал во внутренние пазы двери

тоненькие дощечки.

— Отсюда видна вся комната, где они будут находиться. Щели, которые я открыл, находятся в украшениях потолка и совершенно незаметны снаружи, поглядите.

Капитан наклонился к отверстиям, которые находились почти наравне с его плечом, и стал всматриваться.

Отверстия достаточной величины просверлены были так, чтобы одним взглядом можно было легко охватить всю комнату.

Комната эта, просторная и хорошо, даже роскошно меблированная, была скорее гостиной, чем кабинетом.

Несколько небольших свертков лежало на столе.

— Что это за свертки? — спросил капитан.

— Жемчуг.

— Гм! Должно быть, на громадную сумму!

— Из-за этих-то свертков дон Хесус Ордоньес сюда и скачет.

— Возможно, — с приливом надменности ответил Лоран. — Между тем, стоило ему только потребовать, и я счел бы за долг немедленно возвратить их.

— И вместе с тем вы узнали бы, что дон Хесус Ордоньес де Сильва-и-Кастро занимается контрабандой, чего именно он и хотел избежать.

— Это правдоподобно, но, думаю, здесь кроется еще что-то.

— Об этом мы скоро узнаем, надеюсь.

— Терпение!

— Самое главное сделано, капитан... Э! А вот и наши друзья! Слышите? Минут через десять они будут здесь.

Действительно, со двора донесся сильный шум, слышался звук отпираемых и затворяемых дверей, шаги стали раздаваться все ближе, наконец дверь кабинета растворилась и в нее вошли дон Хесус и дон Пабло в сопровождении третьего лица.

— Так я и знал! Тут кроется что-то еще, — прошептал проводник. — По местам, сеньоры, и ни слова!

Все трое приникли к отверстиям.

У дона Хесуса и дона Пабло одежда была в беспорядке и вся в пыли, как бывает после дальнего переезда верхом.

Сопровождал их высокий старик невзрачного вида, с хитрым лицом и блестящими маленькими бегающими серыми глазками. Он был с ног до головы одет в черное, в шляпе того смешного фасона, который веком позднее, после представления Фигаро, прозвали «доном Базилио».

— Сеньоры, — произнесла эта мрачная личность, — я имел честь получить ваше извещение всего полчаса назад и поспешил явиться на зов. Вероятно, речь идет о чем-то важном.

— И даже очень, сеньор коррехидор 16, — ответил капитан Сандоваль. — Прошу садиться, сеньор дон Кристобаль Брибон-и-Москито, нам надо переговорить о серьезном деле.

— Весь к вашим услугам, любезные сеньоры, — ответил, садясь, коррехидор дон Кристобаль Брибон-и-Москито, фамилия которого метко обрисовывала его, если душа соответствовала внешности. 17

— Что нового у нас здесь, сеньор дон Кристобаль? — спросил дон Хесус.

— Да немного, сеньор.

— Хорошего?..

— Ровно ничего.

— А дурного?

— Много.

— Черт возьми, как видно, дело дрянь! — вскричал дон Пабло.

Судья благоговейно перекрестился.

— Не поминайте проклятого, любезный капитан, прошу вас, — заметил он с притворным лицемерием, — это приносит несчастье.

— К черту ваши гримасы! — возразил запальчиво капитан. — Я просто выхожу из себя, когда вижу такого старого плута, как вы, вечно бормочущего молитвы.

— Дела делами, капитан, — возразил судья тоном оскорбленного достоинства, — но они не должны мешать мне спасти мою душу!

— Спасать вашу душу! Да будет вам вздор-то молот, поговорим о деле. Ей-Богу! Мы здесь не для того, чтобы терять время на ваше смешное жеманство, ведь вы даже хуже нас.

— Сохрани меня от этого Господь! — вскричал судья, осенив себя два-три раза крестным знамением и круто переменяв тон. — Ведь контрабанда — не преступление!

— Нет, но воровство — грех, да еще величайший из смертных грехов, — грубо перебил его капитан. — Вам, как судье, должно быть хорошо известно — преступление ли кража или нет, — посмеиваясь, заключил он.

— Капитан! — воскликнул с гневом коррехидор. — Да простит мне Бог, что я не в силах дольше владеть собой, но подобные оскорбления...

Ссора была неминуема между грубым моряком и лицемерным чиновником, дон Хосе понял это и вмешался, чтобы положить ей конец.

— Полноте, сеньоры! — вскричал он повелительно. — Что это за речи между друзьями и товарищами? Мы здесь для того, чтобы заниматься нашим делом, и ни для чего другого.

— Правда, дон Хесус, — ответил капитан. — Сеньор коррехидор, я погорячился и прошу у вас извинения.

— Все оскорбительное я слагаю к ногам моего Господа, — ответил злопамятный судья.

— Итак, вы говорили, дон Кристоаль, — продолжал дон Хесус, — что из новостей имеются только дурные.

— И не мелочь — увы, сеньор, не мелочь!

— В каком смысле?

— Нас подозревают! Наше товарищество было выдано правительству.

— Кто изменник?

— Не знаю, но разыщу его. Губернатор призвал меня к себе четыре дня тому назад.

— Ага! Дон Рамон де Ла Крус против нас?

— Самой ожесточенный наш противник.

— Он, видно, не может простить нам барышей последней сделки, которые он считал в своих руках, а мы так искусно увели у него из-под носа, — заметил капитан, посмеиваясь.

— Именно так, он не может перенести своего поражения.

— Я это понимаю, сто тысяч пиастров у собаки под хвостом не валяются, как говорят простолюдины.

Все трое рассмеялись.

— Что же сказал вам губернатор? — продолжал дон Хесус спустя некоторое время.

— Вот его собственные слова: «Сеньор дон Кристоаль Брибон-и-Москито, вы — главный коррехидор в городе; при этом звании долг велит вам не только печься о безопасности жителей, но и соблюдать выгоды казны. Вы же постыдно пренебрегаете своими обязанностями: контрабанда принимает чудовищные размеры. Я подозреваю несколько весьма высокопоставленных лиц в городе; берегитесь, чтобы я не напал на доказательства вашего сообщничества с ними и не потребовал вашего отстранения от должности!» С этими словами он отпустил меня.

— Положение стало опасным. Что же вы сделали, сеньор? Обычно вы изворотливы.

— Увы! — ответил судья своим протяжным и льстивым голосом. — Я понял, что все пропало, если не прибегнуть к решительным мерам. Я велел схватить первых попавшихся презренных индейцев, по моему приказанию им сунули на пятнадцать тысяч пиастров жемчуга в пояс, и таким образом я сам привел их к губернатору.

— Ага! Что же он сделал? Пятнадцать тысяч пиастров — большая сумма.

— Надо было покориться неизбежному, любезный сеньор, я записал их на общий расход общества.

— Гм! Что же дальше?

— Как я ожидал, сеньор, так и случилось: губернатор взял жемчуг и отослал меня, осыпав похвалами и рассыпаясь в извинениях. Таким образом я удостоверился, что подозрения его основаны лишь на одних неопределенных доносах и ни одного имени ему не известно.

— Так значит, на первый случай мы спасены?

— Надеюсь.

— А что же случилось с индейцами, которых вы захватили?

— К моему глубокому сожалению, я должен был велеть повесить их вчера, но, разумеется, умываю руки в этом деле — приказание исходило от дона Рамона де Ла Круса, а не от меня, я только повиновался его воле.

— Мы и не ставим вам этого в укор.

— Потом я дал три пиастра настоятелю францисканского монастыря, чтобы он помолился за их души.

— О! Я узнаю в этом вашу бережливость, которая так благородно согласуется с вашей просвещенной верой! — не мог удержаться от насмешки капитан.

Дон Хесус опять поспешил вмешаться, чтобы предотвратить новую ссору, которую могла

вызвать насмешливая выходка моряка.

— Каково же ваше мнение, дон Кристобаль, обо всем случившемся?

— Да, да, послушаем-ка ваше мнение, я не прочь был бы узнать его; один раз не закон, да и вам для разнообразия неплохо бы разок высказаться откровенно.

Дон Кристобаль Брибон-и-Москито бросил на своего оппонента взгляд, исполненный надменности и презрения.

— Я думаю, — сказал он, — что подозрения на наш счет скорее временно усыплены, чем уничтожены вовсе, и пробудятся при первом же случае с удвоенной силой.

— И я так думаю, дон Кристобаль, но что вы подразумеваете под этим первым случаем?

— То, что подозрения с новой силой возникнут в уме губернатора, как скоро он проиграет полученные от нас хитростью пятнадцать тысяч пиастров — будьте уверены, что он все отлично понимает и ничуть не проведен нами.

— Разумеется, нет, — подтвердил неисправимый капитан, — это он нас провел.

— Вполне разделяю ваше мнение. И вы заключаете из этого, любезный сеньор коррехидор...

— Я заключаю, дон Хесус, что положение наше опасно, очень опасно, даже может привести к катастрофе.

— И я это полагаю, но мне приятно было бы услышать, как, по вашему мнению, нам следует поступить теперь.

— Я вижу один только выход из западни.

— А именно?

— На время, по крайней мере, совсем прекратить нашу деятельность и ловко направить подозрения на других лиц, которые таким образом поплатятся за все вместо нас. В сущности, это устроить не трудно.

— Но и не так легко, как вы думаете.

— Почему же, дон Хесус?

— Господи! Да по той простой причине, что все так или иначе занимаются запрещенным торгом в Панаме, ведь ни для кого это не тайна, и дон Рамон де Ла Крус знает об этом не хуже кого-либо, вот потому-то я и думаю, что, обратившись к нам, он имел особую на то причину, и кто знает, не лучше ли дон Рамон снабжен сведениями на наш счет, чем заблагорассудил выказать вам?

вернуться

16

Коррехидор — администратор, судья в городах и провинциях Испании и ее колоний.

вернуться

17

Испанцы всех комаров называли москитами (от испанского слова moscas — муха).

— К тому же, — прибавил капитан, — ваша выдумка с индейцами, которую вы считаете такой искусной и хитрой, просто глупость и страшная ошибка.

— Капитан!

— Да, сеньор, повторяю, глупость и страшная ошибка! Дон Рамон де Ла Крус далеко не олух, он сунул себе в карман наши пятнадцать тысяч пиастров, но разгадал проделку, как Бог свят! С помощью этой вашей гениальной выдумки он узнал все, что ему было нужно, и будьте уверены — он не преминет воспользоваться этими сведениями. Благодаря вашей трусости его подозрения, если они прежде существовали, превратились в уверенность, и скоро вы увидите последствия ваших гениальных соображений.

— Если только мы не пресечем зла в самом корне и немедленно!

— Я был бы рад этому, сеньор, и чем скорее, тем лучше.

— Выслушайте меня внимательно, дон Кристобаль, ни одного слова не пропустите мимо ушей, дело чрезвычайно важно.

— Слушаю во все уши.

— Послезавтра около полудня я прибуду в Панаму со своей дочерью Флорой, капитаном Сандовалем и несколькими слугами.

— Как прибудете в Панаму?

— В эту же ночь я вернусь на асиенду, понимаете?

— Ровным счетом ничего, но все-таки продолжайте.

— Я остановлюсь в своем доме на Пласа-Майор, где все будет готово для моего приезда.

— Не лучше ли вам было бы остановиться здесь?

— Ну, видно, что вы меня вовсе не понимаете; постараюсь говорить яснее, если возможно.

— Очень был бы признателен вам за это, весьма важно, чтобы я понял вас хорошо, иначе не смогу удачно содействовать.

— Втолковать будет трудно, — побурчал капитан, посмеиваясь по своему обыкновению.

— Вчера после землетрясения, — продолжал дон Хесус, — которое, вероятно, почувствовали и здесь...

— Действительно, сеньор, несколько ударов были ощутимы, но благодаря милосердному заступничеству Пресвятой Девы Марии нам не приходится оплакивать ни одного несчастья.

— Тем лучше... Итак, после землетрясения ко мне на асиенду прибыл путешественник со слугой и проводником-индейцем и попросил приюта. Разумеется, я принял гостя с полным радушием.

— До сих пор я не вижу...

— Этот путешественник — один из знатнейших вельмож при испанском дворе; он едет сюда и должен быть в городе завтра, так как уехал из асиенды сегодня утром на рассвете.

— Ага!

— О его прибытии давно уже оповещен губернатор.

— Как же зовут этого путешественника?

— Дон Фернандо Гарсиласо, граф де Кагель-Морено. Он племянник вице-короля Новой Испании и даже, если не ошибаюсь, немного сродни губернатору Кампече.

— Этого вельможу действительно ждут с нетерпением, сеньор! Два дня назад в гавань вошла каравелла, доверху груженная одними его вещами.

Слушатели со значением переглянулись.

— Но я не вижу еще, какое отношение... — начал было судья.

— Подождите, сейчас дойду и до этого. Графу понадобилось снять дом, и я сдал ему свой.

— Который?

— Вот этот самый.

— Как! Этот дом, который так удобен для нас?

— Именно потому и сдал. Разве не решено, что мы, по крайней мере на время, должны прекратить нашу деятельность? Присутствие здесь графа де Кагель-Морено уничтожит все возможные подозрения относительно этого дома, которые могли возникнуть вследствие его уединенного положения. Кроме того, граф имеет большой вес, влияние его громадно; я поступил с ним так, что должен был внушить к себе доверие, он считает себя моим должником за оказанную ему услугу, знакомство с ним я буду поддерживать усердно, постараюсь втереться к нему в доверие, и это не будет трудно, так как он молод, кажется добр, благороден и совершенно неопытен. Разумеется, он станет нам покровительствовать, в случае нападения защитит нас, и нам нечего будет опасаться, держась его. Понимаете теперь?

— Отлично понимаю, сеньор, вы прекрасно умеете устраивать дела!

— К тому же, граф беден, — продолжал асиендадо, — он сам мне признался в этом. Кто знает, если искусно подойти к делу, не сумеем ли мы сделать из него не только друга, но и сообщника?

— Вот мастерская шутка была бы, ей-Богу! — вскричал судья в порыве восторга, но тотчас же, опомнившись, осенил себя крестным знамением и пробормотал благоговейно: — Да простит мне Господь, что я произнес Его святое имя всуе!

— Для достижения этой цели, которую я вовсе не считаю невозможной, — продолжал дон

Хесус, — нужны осторожность и ловкость.

— Главное, надо впутать его как-нибудь в дело, остальное придет само собой.

— Совершенно справедливо, любезный дон Кристобаль, это я беру на себя и преуспею в том, клянусь вам.

— Нисколько не сомневаюсь.

— Здесь у нас остается еще некоторое количество товара, который следует сейчас же скрыть. Можете вы взять его к себе?

— Это крайне затруднительно. Разве здесь, в доме, нет какого-нибудь чердака или подвала, или, наконец, потайного угла, где можно было бы спрятать товар без опасения, что его отыщут?

— Увы, любезный коррехидор, дом этот, как вам известно, нечто вроде беседки или охотничьего павильона, в нем нет ни подвалов, ни тайников.

— Это весьма неприятно.

— Утешьтесь; товар, о котором я говорю, не займет много места: всего-то несколько пачек жемчуга и два-три тюка расплющенной серебряной посуды. Как только стемнеет, мы сможем перенести их к вам так, что никто и не заметит, и легко сделаем это в один прием.

— Если это необходимо, — согласился коррехидор в полном отчаянии.

— Не пугайтесь из-за ерунды, дон Кристобаль, послезавтра я все заберу у вас обратно, только заранее навьючите на мула, когда по своем прибытии в город я проеду мимо вашего дома; мул с навьюченным на него товаром смешается с моими мулами, и никто ничего не заметит.

— Так-то лучше, я весь к вашим услугам.

— Разумеется, с условием иметь большие барыши и ничем не рисковать, — заметил презрительно капитан.

— Что ж прикажете? — наивно возразил судья. — Ведь я главный коррехидор, одно из первых лиц в городском управлении, мое звание ставит меня на вид, прежде всего мне надо охранять свое доброе имя и стараться не потерять уважение публики.

— Как же, как же! — вскричал капитан с насмешливым хохотом. — И счастлив же город, черт возьми, где такая администрация! Если правосудие наблюдается и не всегда, действует оно, по крайней мере, быстро; пример тому — бедняги-индейцы, которых вы так проворно вздернули на виселицу.

Судья встал, весь позеленев от злости. Но дон Хесус опять вмешался.

— Полноте! Полноте! — вскричал он. — Что вы это, сеньоры? Нам пора приниматься за дело — надо скорее все убрать с глаз долой.

Дон Кристобаль прикусил свои тонкие губы и бросил ядовитый взгляд на моряка, а тот презрительно пожал плечами и замолчал.

Все трое взяли за пачки с жемчугом, которые лежали на столе, и вышли из кабинета.

Еще некоторое время слышно было, как они ходили взад и вперед по дому, но по прошествии четверти часа все окончательно смолкло.

Ночь была темная, хоть глаз выколи.

— Что вы обо всем этом скажете? — обратился индеец к Лорану, зажигая свечу.

— Скажу, что это каналы, каких свет не видывал, а судья со своим набожным видом и приторной кротостью — самый отвратительный из всех.

— Мне капитан по душе, — заметил Мигель.

— Впрочем, я узнал многое, что для нас очень важно, — продолжал Лоран, — прибытие каравеллы, виды на меня достойного дона Хесуса, из которых я надеюсь извлечь свои выгоды, и плюс уверенность, что никто не знает тайников этого дома.

— Поскольку мы теперь здесь хозяева и нам нечего бояться посторонних глаз, не желаете ли вы, капитан, чтобы я ознакомил вас с подробным устройством этих тайников?

— Разумеется, желаю, Хосе, и немедленно: пока нам нечего делать, следует воспользоваться свободным временем.

Путешественники немедленно приступили к осмотру, который и произвели тщательно, со всеми подробностями, в продолжение нескольких часов. Было около полуночи, когда он наконец был кончен и три путешественника могли насладиться отдыхом.

ГЛАВА VIII. Как граф де Кастель-Морено водворился в своем новом жилище

На рассвете следующего дня они уже выходили из дома, а на исходе восьмого часа дон Фернандо открыто въезжал в Панаму со своим слугой и краснокожим проводником. Чтобы весть о его прибытии разнеслась возможно скорее, молодой человек счел нужным въехать в ворота, противоположные той части города, где находился Цветочный дом.

И цель его была достигнута — в особенности благодаря тому, что подученный Хосе ловко пробалтывался и с величайшей любезностью отвечал на расспросы, с которыми осаждали его любопытные на каждом шагу.

В гавани дон Фернандо остановился у таможни и велел вызвать служителя, назвавшись всеми своими именами и титулами.

Служитель таможни, толстяк с одутловатым лицом, тотчас выбежал впопыхах, рассыпаясь в раблепных извинениях, что заставил ждать его сиятельство.

Мнимый граф положил конец этому словоизвержению, попросив служителя доставить ему в тот же день тюки, присланные для него на каравелле «Святая Троица» и сложенные в таможне. Само собой разумеется, что толстяк свято обязался исполнить желание его сиятельства и не переставал извиняться неизвестно в чем, пока дон Фернандо не простился с ним и не уехал.

Миновав площадь Пласа-Майор и оставив за спиной улицы Маркадер и Платерос, путешественники свернули на улицу Сан-Франсиско, в конце которой находился Цветочный дом.

Коррехидор и два альгвазила стояли неподвижно у входа.

Увидев графа, коррехидор с почтительным поклоном доложил, что в соответствии с законом явился лично присутствовать при отпирании дверей дома, снятого его сиятельством, и его водворении в нем. Он прибавил, что утром к нему прискакал пеон из асиенды дель-Райо. Гонец привез запасные ключи и передал, что дон Хесус Ордоньес де Сильва-и-Кастро второпях забыл вручить их своему благородному жильцу.

Все сказанное было ложью от первого до последнего слова, дон Фернандо знал это как нельзя лучше, но не подавал вида. Он любезно поблагодарил коррехидора за хлопоты, принял от него ключи и пригласил его войти вместе с ним.

Коррехидор с радостью согласился.

Двери отперли, и путешественники в сопровождении коррехидора и двух альгвазилов вошли внутрь.

Дом был действительно великолепен и, в особенности, прекрасно расположен.

Архитектор дона Гутьерреса Агуире был человеком гениальным, план его вполне мог назваться образцовым.

Комнаты, отлично спланированные, были просторны, светлы, прохладны, удобны и меблированы не только роскошно, но и с тем глубоким пониманием комфорта, о котором тогда почти не имели понятия.

Службы, размещенные не слишком близко, но и не слишком далеко от дома, состояли из конюшенного двора с сараями прекрасного устройства.

От обилия больших деревьев и клумб с громадными тропическими растениями, поднимающимися на пятнадцать-двадцать метров в высоту, сад, обширный и со вкусом разбитый, был исполнен прохладной тени и таинственной тишины; по нему протекала речка, в струях которой весело играли на солнце целые стаи рыбок.

Казалось, граф был в полном восторге от всего увиденного.

— Известен вам этот дом, сеньор коррехидор? — между делом спросил он судью, следовавшего за ним по пятам.

— Почти что нет, ваше сиятельство, — не смущаясь, ответил дон Кристоаль, — я был в нем только раз, и то давно, в то время, когда первый его владелец погиб при таких несчастных обстоятельствах.

— Он утонул, кажется? — небрежно спросил граф.

— Утонул, ваше сиятельство, а человек был предостойный, которого Господь наверняка принял в обитель блаженных.

— Аминь! — заключил граф. — Надеюсь, сеньор коррехидор, что вы окажете мне честь и будете навещать меня.

— Помилуйте, ваше сиятельство, это будет честью для, вашего покорного слуги!

В эту минуту к графу подошел Хосе и доложил, что привезены его вещи, которые смотритель

таможни поспешил доставить, и слуги графа, прибывшие на каравелле «Святая Троица», явились в сопровождении самого капитана.

— Извините, что я вынужден оставить вас, любезный сеньор, — обратился граф к дону Кристобалью с величайшей любезностью. — Как видите, я не волен теперь располагать собой.

— Помилуйте, ваше сиятельство, я пришел бы в отчаяние, если бы стеснил вас чем бы то ни было.

— Впрочем, — заметил молодой человек, — надеюсь еще сегодня увидеться с вами.

— Каким же это образом, ваше сиятельство?

— Я намерен сегодня же явиться к его превосходительству дону Рамону де Ла Крису, вашему губернатору, к которому имею рекомендательное письмо, — заявил дон Фернандо с улыбкой.

— Не разрешите ли вы мне оповестить дону Района де Ла Круса о вашем скором посещении, ваше сиятельство?

— Сделайте одолжение, буду очень рад.

Они расстались, и дон Кристобаль ретировался в полном восхищении.

«Дон Хесус прав, — думал он про себя, направляясь к своему дому, — этот молодой человек премилый, мы наверняка будем иметь успех».

Когда дон Фернандо возвратился из сада в дом, тюки уже были внесены, а пеоны отпущены Мигелем Баском.

Человек двенадцать слуг, рослых, дюжих, с резкими, выразительными лицами и в богатых ливреях, уже распаковывали тюки и вынимали вещи.

Тюки эти не вскрывались на таможне, так как были отмечены гербом и вензелем графа де Кастель-Морено; осмотреть их — значило бы грубо оскорбить благородного графа, племянника вице-короля Новой Испании. Служитель таможни отлично знал свои обязанности и, разумеется, не мог совершить подобного преступления против вежливости относительно такой высокопоставленной особы.

Это соблюдение этикета было счастливым для авантюристов. Дон Кристобаль Брибон-и-Москито, честный и богобоязненный коррехидор, известный читателю, скорчил бы престранную физиономию, если бы мог видеть различные предметы, поочередно извлекаемые из таинственных тюков.

Во-первых, в них заключалось шестьдесят отлично упакованных и разобранных на части буканьерских ружей, замечательных по дальноточности и меткости выстрела; ружья эти изготовлялись исключительно в Нанте и Дьепе у оружейников Желена и Бражи.

Потом на свет были извлечены сабли, кинжалы, кортики, порох, пули и Бог весть что еще.

Надо было обладать смелостью этих отважных авантюристов, чтобы отправить подобные предметы в испанский порт, хотя бы и под прикрытием одного из знатнейших имен в Испании. Пустая случайность могла привести к тому, чтобы все открылось, но буканьеры не задумывались ни на секунду.

Впрочем, они рассчитывали на гордость испанской знати и низкое раболепство правительственных чиновников. Расчет их оказался верен.

Следует сказать теперь же, чтобы больше к этому не возвращаться, что весь экипаж на каравелле и все без исключения слуги мнимого графа де Кастель-Морено были буканьерами, отобранными с величайшей тщательностью из числа самых храбрых Береговых братьев на Тортуге, в Леогане, в Пор-де-Пе и Пор-Марго.

По мере того как упомянутые нами странные предметы вынимались из тюков, их переносили в потайную комнату.

Всего тюков было штук двадцать, но только два из них с бельем, гардеробом и драгоценностями дона Фернандо.

Понаблюдав с минуту за работой Мигеля Баска и его товарищей и пожав каждому из них руку, молодой человек прошел в свой кабинет, где его ожидал капитан каравеллы.

— Здравствуй, Тихий Ветерок! — Здравствуй, Лоран! — вскричали оба в один голос и бросились друг другу в объятия.

— Вот мы и опять вместе! — сказал Лоран с чувством.

— Как же я рад этому! — воскликнул Тихий Ветерок.

— Выкурим по трубочке, выпьем по стакану и потолкуем о делах.

— Хорошо, отличная мысль! Эти черти-испанцы — чтоб им пусто было! — все едят с приправой из перца, так что в их проклятой стране вечно хочется пить.

— Так ли уж это плохо? — засмеялся Лоран.

— Да я, собственно, не жалуясь.

Приятели раскурили трубки и разлили вино по стаканам.

— Теперь побеседуем, — сказал Лоран. — Твое здоровье!

— Спасибо, твое здоровье! Побеседуем, я готов.

— Кстати, ты знаешь, что десять человек из наших сидят здесь в тюрьме, и дело идет к тому, что их повесят?

— Знаю ли? Это мне нравится! — вскричал Тихий Ветерок, захохотав во все горло. — Да ведь я же эту штуку и подстроил!

— Ты?

— Самолично.

— Почему? С какой целью? Разве взбунтовался экипаж?

— На судне, где командует Тихий Ветерок? Полно, брат, ты, верно, шутишь!

— Да ведь это непостижимо...

— Разумеется, и если не объяснить тебе всего, ты ни за что в жизни не догадаешься.

— В таком случае, объясни мне все.

— Это самое лучшее. Твое здоровье!

— Твое! Ну, рассказывай.

— Постой, брат, дай начать с самого начала. Представь себе, что я был уже недалеко от берега, когда внезапно мне пришла в голову мысль, что для торгового судна у меня экипаж слишком многочисленный и может возбудить подозрения: не считая твоих слуг, нас на судне было двадцать пять человек.

— Многовато.

— Не правда ли? Легко можно было заподозрить неладное. Вот я и поделился этой заботой со своим лейтенантом.

— Твоим лейтенантом ведь был Бартелеми?

— Был.

— Как был? Разве он умер?

— Да слушай же, пропасть тебя возьми!

— Ты прав; твоё здоровье!

— Твое! Бартелеми нашел, что я прав. «Надо поправить дело, брат», — сказал он мне.

«Но каким образом? — возразил я. — Не побросать же мне своих людей в море».

Ты знаешь Бартелеми, он только рассмеялся.

«В крайне случае, и это средство хорошо, — продолжал он, — но, кажется, я нашел лучшее: я возьму десять человек и вместе с ними отправлюсь в лодке к берегу. Само собой, испанцы схватят нас, отправят в Панаму...» — «...И повесят всех до одного, — перебил я. — Прекрасное средство, нечего сказать!» — «Полно, брат! — расхохотался он. — А ты-то где же будешь? Неужели Лоран и Мигель Баск, не говоря уже об остальных товарищах, не спасут нас?»

— Храбрец!

— Конечно, да и мы были поблизости и могли спасти их. Я не противился более и сказал ему: «Поступай как знаешь».

Тут он свистком вызвал экипаж на палубу и, когда все собрались, рассказал о предстоящем деле, — ты знаешь, как он умеет говорить, когда захочет. В результате я чуть ли не один остался на каравелле, прах их возьми! Но Бартелеми — хитрая бестия, он знает толк в деле; он предложил бросить жребий, кому ехать. Люди согласились, случай решил выбор, и Бартелеми с девятью матросами отчалил от каравеллы в маленькой лодочке. С песнями они направились прямо к берегу, а я, пожелав им успеха, распустил паруса и лавировал до четырех часов вечера, потом вошел в гавань и стал на рейде при заходе солнца... Ну, брат, что скажешь? Доволен мной?

- Еще бы!
- Но теперь их нужно выручить.
- Я думаю! Не воображаешь ли ты, что я ждал твоего приглашения?
- Нет, Лоран, я знаю тебя, знаю, что ты истый Береговой брат.
- Спасибо, твое здоровье!
- Твое!.. Кстати, тебе нужен паж — все вельможи, сколько-нибудь важные, имеют пажей.
- Ну и дальше что?
- Я привез тебе пажу.
- Кого?
- Шелковинку.
- Да ты что?!
- Честное слово!
- Ты ничем не мог порадовать меня сильнее!
- Эй! Шелковинка, причаливай живо! — крикнул Тихий Ветерок громовым голосом.

Дверь отворилась, и юноша лет пятнадцати-шестнадцати, тонкий, стройный, ловкий и бойкий, в прелестном костюме пажу, появился на пороге.

- Теперь ты поступаешь в распоряжение его сиятельства графа, — сказал ему Тихий Ветерок с достоинством. — Смотри в оба, малый, не плошай!
- Я знаю капитана Лорана, и он знает меня, — ответил паж с тонкой улыбкой.
- Знаю и люблю, дитя; я рад, что ты будешь при мне.
- Не больше того, как я рад находиться при вас, капитан Лоран, — с чувством ответил юноша.
- Этот мальчуган иногда выдает такие слова, что пропасть меня возьми, если я знаю, где он их берет! — вскричал Тихий Ветерок.
- Не далеко, капитан, в сердце.
- Каков! Не моя будет вина, если я не сделаю из него настоящего матроса!
- Дитя мое, вели принести несколько бутылок вина и позови наших товарищей, они, должно быть, уже закончили свое дело.
- Ты прав, брат, надо поговорить с ребятами; их огорчает, что они должны быть лакеями, и я вполне понимаю их, да и ты тоже.

Лоран улыбнулся.

— Разумеется, понимаю, — сказал он, — но будь спокоен, сейчас они взглянут на это дело иначе.

Дверь отворилась, и вошли все флибустьеры. Шелковинка принес и поставил возле стола большую корзину с бутылками вина и водки.

Лоран встал, взял шляпу и любезно раскланялся с вошедшими.

Капитан Лоран, при своей необыкновенной красоте, был высок, строен, прекрасно сложен и наделен природной грацией и необычайным величием. Во всем его облике проглядывало нечто неуловимое, мягкое до женственности и в высшей степени располагающее к себе; храбрый как лев, с железной волей и стальными мышцами, он покорила себе всех этих людей, грубых и неотесанных, но, в сущности, добрых, сделался их кумиром и получил от них прозвище Прекрасный Лоран.

То, что рассказывали об этом грозном авантюристе, выходило далеко за пределы возможного; хотя еще и очень молодой, он совершал подвиги такой безумной отваги, что даже товарищам его они казались необычайными. Впрочем, экспедиция, предпринятая им теперь, была чуть ли не одной из самых безумных, какие могут прийти на ум, — читатель вскоре сам сможет судить об этом.

— Добро пожаловать, братья, — сказал он, — я счастлив, что вы со мной, что я могу полагаться на ваши храбрые сердца. Сегодня начинается борьба, которая неминуемо должна окончиться поражением наших противников; только помните наш девиз: один за всех и все за одного. Как скоро вы забудете его, мы погибли. У каждого своя роль в этом грозном представлении; исполняйте ее, как я исполню свою, без колебания, без уныния, и я ручаюсь вам за успех. Верите вы мне?

— Еще бы, брат! — ответил Данник, великан с бесстрастным лицом, но решительным взглядом. — Если мы здесь, то, значит, полагаемся на тебя.

— Хорошо сказано, мой храбрый исполин! Пью за ваше здоровье, братья, и пусть каждый принимается за свое дело! Кто мой камердинер?

— Я, надо полагать! Хотел бы я посмотреть, кто отнимет у меня мою должность! — со смехом ответил Мигель.

— Это правда. Приготовь мне выходной наряд. Когда Хосе приведет лошадей, оседлай шесть: одну — для меня, другую — для себя и четыре лошади для четверых слуг. Шелковинка должен ехать со мной.

— Тогда надо оседлать семь лошадей.

— Действительно. Идите, братья, и не забывайте, что успех экспедиции зависит в большей степени от вас, чем от меня.

Буканьеры осушили свои стаканы и вышли, поочередно пожав руку капитану Лорану.

— Что ты теперь скажешь? — обратился он после их ухода к Тихому Ветерку.

— Скажу, что ты сущий черт, после твоих слов все они дадут искрошить себя на куски за тебя.

— И я так думаю... Ты здесь уже целых три дня?

- Да, три дня.
- Так говори, что ты видел.
- Гм! Признаться, брат, немного утешительного.
- Ну вот! Все-таки рассказывай.
- Ты все шутишь, Лоран, а ведь напрасно.
- Нисколько не шучу, а пытаюсь выудить из тебя сведения, и все тут.
- Очень хорошо... Население города, не говоря об окрестных деревнях, доходит до шестидесяти тысяч душ.
- Не удивляюсь этому, торговля тут идет бойко. Дальше!
- Город обнесен стенами и большим глубоким рвом.
- Знаю, видел.
- А видел ли также двести орудий на валах?
- Видел пушки, но не считал их.
- А я считал.
- Верю тебе на слово, продолжай.
- Вход на рейд защищен четырьмя хорошо укрепленными фортами.
- Какое нам дело!
- Ничем пренебрегать не следует.
- Дальше что? Ты не упомянул еще о гарнизоне, ведь должен же он быть?
- И есть, брат.
- Я был уверен; а во сколько тысяч человек — пятнадцать или двадцать, надо думать?
- Товарищ взглянул на него с таким наивным изумлением, что он засмеялся.
- Ну, двадцать пять тысяч?
- Нет, брат, — возразил Тихий Ветерок, — он в двенадцать тысяч, но и этого, по-моему, довольно.
- Плевое дело! Это же испанцы!
- Испанцы испанцами, однако они воевали во Фландрии под предводительством Фуэнтеса; это храбрые, обстрелянные воины, которые будут драться, как черти.
- Тем больше чести для нас, когда мы победим.

— Ты никогда не сомневаешься в успехе!

— А ты вечно во всем сомневаешься.

— Напрасно ты так говоришь, Лоран, я — матрос Монбара! Мигель Баск и я, мы не отходили от него ни на шаг, и он знает нам цену.

— Знаю и я, черт побери! Разве одно твое присутствие здесь не опровергает моих слов? Прости меня, старый дружище, я виноват.

— Ну вот, Лоран, какая вина!

— Нет, меня в детстве дурно воспитали, и потому я заносчив, нередко позволяю себе оскорблять людей во сто раз достойнее меня, но ты знаешь, как я тебя люблю, брат, и потому простишь меня, не правда ли?

— Можешь ли ты сомневаться в этом? Они крепко пожали друг другу руки.

— Что там делалось, когда ты уехал? — спросил Лоран.

— Готовились в экспедицию, но ничего еще не было определено. Я заставил выбрать адмирала.

— Ага! Кого же выбрали?

— Вообрази, хотели поставить во главе Моргана, но я ненавижу англичан, а ты?

— Я тоже: они холодны, жестоки, вороваты и эгоистичны.

— Всеми силами я воспротивился этому назначению, я сказал, что первая мысль экспедиции принадлежит французам, ведь ты француз, Лоран?

— Я Береговой брат, что за дело до остальных?

— Справедливо, национальность ничего не значит в нашей среде, отвага — вот главное, — согласился Тихий Ветерок, не замечая, что сам себе противоречит. — Итак, я настаивал, что эскадра должна быть под командой французам, что трехцветный флаг — единственный, под которым мы хотим идти, и что второстепенные предводители, англичане ли, кто другие, должны довольствоваться брейд-вымпелом на фок-мачте, тогда как на гафеле должен быть поднят один только флибустьерский флаг. Прав ли я был?

— Тысячу раз прав, брат, флибустьерский флаг — национальный флаг всех нас, Береговых братьев.

— Д'Ожерон был того же мнения, он горячо поддержал меня.

— Узнаю великую и прекрасную душу д'Ожерона! Кого же наконец выбрали в адмиралы?

— Монбара, а капитаном на его корабле — Медвежонка Железная Голова.

— Монбар и Медвежонок! Вот, ей-Богу, счастье-то! С этими двумя людьми можно овладеть всей Америкой, была бы охота!

— Эге, брат, как разошелся!

— Кого выбрали в вице-адмиралы?

— Моргана.

— И прекрасно: Морган храбр, умен, знает свое дело, особенно он бесценен для разработки деталей операции и с этой стороны окажет нам величайшие услуги.

— Так ты доволен?

— Просто в восторге.

— Да! Я и забыл сказать тебе.

— Что такое?

— Ты знаешь, что флотилия галионов со всего Тихого океана собирается здесь, в Панаме.

— Ну что ж из этого?

— Она будет здесь недели через две, самое позднее.

— Как, негодник! — вскричал Лоран, вскочив со стула. — И ты молчал?

— Признаться, совсем из головы вылетело.

— Да ведь это лучшая весть, какую ты мог сообщить мне!

— Почему?

— Пойми же, что когда братья узнают о присутствии галионов, ничто не устоит против них, они пройдут сквозь огонь и воду, чтобы овладеть ими.

— И впрямь, черт побери! Мне это в голову не пришло. В дверях появился Мигель.

— Вам надо одеваться, — сказал он.

— Лошади здесь?

— Приведены.

— Хорошо, сейчас.

— Я ухожу, — с этими словами Тихий Ветерок встал.

— Ты со мной обедаешь?

— А это возможно?

— Я представил бы тебе кое-кого.

— Кого же?

— Моего краснокожего проводника, неоценимого человека.

— Как хочешь. До свидания, в таком случае.

— До свидания.

— Не забудь о Бартелеми.

— Будь спокоен.

Три буканьера пожали друг другу руки, и Тихий Ветерок вышел.

Капитан Лоран весь день провел в официальных посещениях; везде он был принят с изысканной почтительностью, имя и титул, которые он присвоил себе, а более всего его вполне естественное аристократическое обращение открывали ему все двери настежь. По встреченному им приему он убедился, что положение его превосходно и он может отважиться на все.

Особенно предупредителен был дон Рамон де Ла Крус, он даже настоял на том, чтобы представить ему жену и дочь, прелестного пятнадцатилетнего ребенка, наделенного той своеобразной красотой, которая свойственна одним только испанским креолкам; взгляды девушки пронизывали насквозь, словно огненные стрелы.

Дон Рамон де Ла Крус не отпустил графа де Кабель-Морено, пока тот не дал честного слова быть у него на другой день на парадном обеде.

По возвращении домой, часам к шести, Лоран застал там ожидавшего его капитана Тихого Ветерка.

Согласно своему обещанию, он представил ему Хосе, к которому флибустьер проникся с первого взгляда и с первого взгляда полюбил.

Лоран, Тихий Ветерок, Мигель и Хосе обедали вместе, и остальные флибустьеры прислуживали им за столом с глубокой почтительностью и должным приличием.

Храбрые Береговые братья вошли в свои роли не на шутку и добросовестно исполняли их.

К концу обеда Лоран наклонился к Хосе.

— Ты не забыл о наших товарищах? — спросил он.

— Уже веду переговоры и рассчитываю на скорый успех.

— Когда состоится суд над ними?

— Дней через пять.

— Времени остается мало.

— Я прошу у вас всего двое суток. Ведь это немного.

— Немного, если ты спасешь их.

— Разве я не обещал?

— Правда, спасибо тебе.

Почти тотчас вслед за тем Хосе вышел.

Три авантюриста принялись за трубки и вино, между тем обсуждая свою экспедицию. Беседа длилась так долго, что Тихий Ветерок и Мигель Баск наконец скатились на пол, мертвецки пьяные.

Капитан Лоран облокотился на стол, подпер голову руками и погрузился в глубокую задумчивость.

Он думал о донье Флоре.

ГЛАВА IX. В этой главе читатели найдут старых знакомых

Корник, хозяин «Коронованного Лосося», лучшей и наиболее посещаемой гостиницы во всем Пор-де-Пе, нежился, уютно лежа на широкой кровати с балдахинном в сообществе своей целомудренной супруги, толстухи тридцати пяти без малого лет, с прелестями внушительного размера, веселым лицом и живыми глазами, которая два года тому назад пересекла океан, чтобы отдать свою руку вышеупомянутому трактирщику, уроженцу, подобно ей, деревни Бас и ее нареченному уже целых двадцать лет.

Корник попал на берега Санто-Доминго подобно вещи, выкинутой волнами на сушу; несчастный и умирающий с голоду, он перепробовал все способы к существованию, был даже едва не повешен испанцами и после этой невежливости питал к ним сильную ненависть бретонца, которая прекращается лишь со смертью.

Бретонцы весьма хитры, а главное — рассудительны, данный же их представитель был не промах ни в том, ни в другом, он тотчас же понял, что если заниматься добычей золота с помощью меча, грабя испанские талионы, то риск слишком велик в этом, правда, прибыльном, но очень опасном ремесле.

Словом, бретонец весьма радел о целостности своей шкуры. Он рассудил, что золото, добываемое буканьерами молодецким образом, убывает у них, как вода из решета, и что для них нет большого удовольствия, чем спускать его в чудовищных оргиях.

Свой план он составил немедленно. Вместо того чтобы рисковать заработать увечье или умереть, забирая непосредственно у неприятелей-испанцев то золото, которого он жаждал, он решил получать его из вторых рук, то есть из флибустьерских карманов, дырявых как в прямом, так и в переносном смысле этого слова. Это было спокойнее, не сопряжено ни с какой опасностью и лучше во всех отношениях.

Вследствие этого соображения, не лишённого сметливости, и основал наш бретонец гостиницу «Коронованный Лосось».

В первое время плохо обустроенная и еще хуже снабженная, эта несчастная лавчонка, однако, и в тогдашнем ее положении, как единственная в городе, оказала действенные услуги Береговому Братству и была избрана флибустьерами местом сходов и общего сбора.

Итак, гостиница процветала, ее хозяин набил себе карманы и сделался вскоре богатейшим гражданином города; он приобрел вес и обзавелся сонмом льстецов и дармоедов. Счастье его было полным — впрочем, не совсем. Ему не доставало Ивоны. Разбогатев, Корник вспомнил о своей землячке, которая в течение двадцати лет ждала его в ландах 18 Бретани с той твердой верой, которую девы этого края придают обещаниям своих женихов. Корник выписал Ивону и женился на ней.

Этот достойный человек был вознагражден за свой хороший поступок выгодным приобретением. Ивона была женой-хозяйкой, которая умела своей твердой рукой так крепко держать нелегкое кормило управления домом, что хотя в Пор-де-Пе и было основано еще несколько гостиниц, — счастливая мысль всегда находит подражателей, — «Коронованный Лосось» по-прежнему был наиболее популярен, и благосостояние его, вместо того чтобы падать, увеличивалось в почтенных размерах.

В таком-то положении, лелея радужные мечты, и нежился наш трактирщик подле своей добродетельной супруги, как вдруг сильный стук в дверь заставил его внезапно проснуться и вытаращить мутные глаза.

— Это что еще значит? — воскликнул он, озираясь. Начинало светать, от зари чуть посветлело за окнами, но

в комнате стояла почти кромешная тьма, так как не было еще четырех часов утра.

— Что значит?! — вскричала Ивона. — Известно что, кто-то стучится.

— Я сам слышу, что стучат, и порядком даже стучат! Вот это кулаки!

— Без сомнения, хотят поскорее войти.

— Ладно! Пусть ждут, покуда наступит день! Могут стучать, сколько угодно: и дверь, и стены прочны.

— Вставай-ка лучше да отвори.

— Отворить в такое время! Да ты что, Ивона? Посмотри, ведь еще ночь!

— Прекрасно вижу, но если ты не встанешь, то встану я сама. Чтобы производить такой гвалт у дверей, надобно, чтобы люди эти чувствовали себя на это вправе и чтобы их карманы были туго набиты испанскими унциями и дублонами.

— Ты права! — воскликнул трактирщик, вскочив с постели и проворно начав одеваться.

— Ну, слава Богу! Поторопись узнать, что им от тебя нужно. А я тем временем тоже встану и разбужу прислугу.

— Дело, жена! — подтвердил трактирщик, громко засмеявшись.

Он поцеловал жену в обе щеки и бегом спустился по лестнице.

Стук в дверь не умолкал.

Корник поспешно отпер ее, даже не опросив стучавших; он знал своих посетителей.

Вошли четыре или пять человек.

Трактирщик снял колпак и почтительно поклонился, изображая на лице любезнейшую из своих улыбок, которая была на самом деле страшнейшей гримасой.

«Что за умница эта Ивона! — подумал он про себя. — Она угадала!»

Посетители расселись у стола.

— Водку, табак и трубки, чтобы запастись терпением в ожидании завтрака, который ты нам подашь в Синей комнате, — приказал один из них.

— Отчего же не здесь, любезный Монбар? — спросил другой.

— Оттого, господин д'Ожерон, — отвечал знаменитый флибустьер, — что нам нужно переговорить о важных делах, а через пару часов эта зала будет полна народа.

— Вы правы, капитан.

— Так хороший завтрак на пять человек, слышишь, Корник? Давай что хочешь, но смотри, чтобы все было честь по чести.

— Ивона сама будет готовить завтрак, — ответил трактирщик.

— Ну, раз Ивона, — возразил, смеясь, Монбар, — то я спокоен.

В это время на улице послышался шум.

— А вот и шестой явился — я про него совсем позабыл. Принеси сперва что я требовал, а потом завтрак на шестерых, слышишь?

— Я прошу у вас час времени, капитан, чтобы приготовить его.

— Хорошо, ступай.

Новый товарищ, упомянутый Монбаром, явился почти тотчас. Это был еще молодой человек с мужественными и выразительными чертами лица, красивого и симпатичного; длинная черная борода чуть не до пояса падала веером на его широкую грудь; роста он был высокого и хорошо сложен, а мускулы, выдававшиеся, точно канаты, обнаруживали недюжинную силу.

Он был великолепно одет; шпага его висела сбоку на широком поясе, вышитом золотом, жемчугом и драгоценными камнями, на шляпе развевалось перо, а в левой руке он держал желеновское ружье.

Его обычная свита — две собаки и два кабана — следовала за ним, идя, когда он шел, и останавливаясь, когда он останавливался; звери не спускали с него глаз.

— Здравствуй, Медвежонок, старый товарищ! — воскликнули буканьеры в один голос.

К нему немедленно протянулось пять рук.

— Здравствуйте, братья, — отвечал он со своей очаровательной улыбкой, протягивая обе руки, — здравствуйте, господин д'Ожерон, здравствуй, Монбар, здравствуй, Польтэ, здравствуй, Питриан, здравствуй, Пьер Легран!

— Добро пожаловать, капитан, — сказал д'Ожерон.

— Не опоздал ли я, братья?

— Мы только что пришли.

— Тем лучше! Представьте себе, что я шел и немного замечтался на берегу.

— Думая о жене, — смеясь, договорил Монбар.

— Не стану отрицать, что без памяти люблю это кроткое небесное создание. Тебе это кажется странным, Монбар?

— Напротив, любезный друг, вполне естественным, так как и сам без ума от своей собственной жены.

— Я рад слышать это, потому что боялся насмешек — признаться, они очень огорчили бы меня.

Тотчас послышались дружные возражения.

— Да вы нисколько и не опоздали, — заметил д'Ожерон. — Мы пришли не далее как пять минут назад.

Между тем Медвежонок подсел к друзьям, а кабаны и собаки улеглись у его ног.

— Ваше здоровье! — сказал он, налив в стакан воды. При появлении Медвежонок трактирщик тотчас подал графин с водой, так как было известно, что этот капитан иного напитка не употреблял.

Буканьеры весело чокнулись с добрым товарищем, но их стаканы до краев были наполнены ромом.

Тем временем в комнату проник луч солнца, словно золотая стрела.

В то же мгновение раздались звуки труб и барабанный бой, сливавшиеся с топотом большой толпы народа, которая смеялась, кричала и пела.

— Ваши приказания исполняются, Монбар, — сказал, улыбаясь, губернатор.

— Не только здесь, но и в Пор-Марго, в Леогане, на Тортуге — словом, везде, не так ли, Медвежонок?

— Чтобы избежать недоразумений, я сам передал твои приказания во все места.

— Сколько народу! — вскричал Пьер Легран, выглянув на улицу.

— Нам понадобится много людей, — заметил Медвежонок, кивнув головой.

— Да, дело будет жаркое.

— Но мы нанесем смертельный удар испанской торговле!

— Она не оправится за несколько лет!

— Не слышно ли чего о Прекрасном Лоране? — спросил губернатор.

— Ровно ничего.

— Гм!

— В этом нет ничего удивительного, — заметил Монбар. — Чтобы попытаться высадиться на перешейке, Лорану следовало сперва подняться до широты мыса Горна, где крейсировал Тихий

Ветерок, увидеться с ним и объяснить ему наш план, а потом уже вернуться назад. Путь не близкий. Заметьте, что он снялся с якоря второго января в Пор-де-Пе — правда, в тех морях это летняя пора, — а сейчас уже десятое марта.

— Положим, но...

— Лоран вполне предвидел задержки и трудности предстоящего ему плавания, когда назначал десятое марта датой вербовки, если мы не получим от него предварительно известий, а вам известно, господин губернатор, что отсутствие вестей — уже прекрасная весть для нас. Если бы Лоран потерпел неудачу, он уже давно вернулся бы сюда.

— Мне тоже так кажется, — подтвердил Медвежонок, — я вполне убежден, что Лорану удался его план, он человек необыкновенный, его самые безумные, казалось бы, предприятия, в сущности, обдуманы с величайшей тщательностью, он никогда ничего не упускает из виду и почти не оставляет места случайностям.

— Знаю, все это знаю, но знаю также и то, что из всех предпринятых вами экспедиций эта — самая безумная, просто можно сказать сумасшедшая! Такая отчаянная смелость наводит на меня ужас, хотя испугать меня, сознайтесь, господа, совсем не легко.

вернуться

18

Ланды — песчаные равнины.

— Мы ценим вашу храбрость по достоинству, — ответил Польшэ, — но вы забываете, что мы Береговые братья, то есть люди, для которых невозможного не существует; опасность для нас — приманка, а экспедиция тем привлекательнее, чем менее одолимы кажутся трудности, которые надо преодолеть.

— Согласен; я умолкаю, ведь я сам разрешил вам эту смелую попытку, не брать же теперь свое согласие назад.

— И поздно было бы, — вмешался Питриан, — вам должно быть известно, что я три дня назад вернулся с Ямайки.

— Нет, не знал. Что же, успешно вы съездили?

— Вполне! При мне обязательство, подписанное Морганом, в силу которого он соглашается участвовать в экспедиции на равных правах в дележе добычи, принимает звание вице-адмирала под непосредственной командой Монбара и изъявляет готовность подписать договор, как скоро станет на рейде со своей эскадрой в Пор-де-Пе.

— Сколько у него будет судов?

— Семь: пять корветов, один фрегат и посыльное судно, а на них девятьсот человек экипажа, за каждого из которых он ручается, как за самого себя.

— Видите, господин губернатор, — сказал Медвежонок, — наши силы уже обозначаются красивыми цифрами.

— Не спорю, и все же на каждого из нас приходится добрый десяток противников.

— Плюгавых испанцев? Велика беда! — презрительно возразил Польшэ.

— К тому же, — прибавил Питриан, — поскольку я не знал, какие решения могли принять на совете после меня, то предупредил Моргана, что флот 19, вероятно, разделится на три эскадры, и потребуется два вице-адмирала.

— Хорошо сделал, брат! — весело вскричал Монбар. — И что же он сказал на это?

— Ровно ничего; нашел это вполне естественным.

— Славно распорядился, малый! Ты далеко пойдешь.

— Если меня не повесят, — возразил Питриан, смеясь, — мать мне предсказывала это смолоду. Спасибо, Монбар, на добром слове.

Авантюристы засмеялись над этой выходкой Питриана, но так как набралось уже много посетителей разного сорта, они сочли благоразумным переменить разговор и завести речь о посторонних предметах.

В этот утренний час обыватели, слуги, ремесленники и всякого рода люд, перед тем как открыть свои лавочки или приняться за дневной труд, приходили один за другим выпить рюмочку, поболтать о делах колонии или посплетничать о соседях, и каждый, проходя мимо стола, у которого сидели известные всем шестеро авантюристов, снимал шляпу и кланялся с оттенком уважения и дружелюбия, которые свидетельствовали о том, как высоко ценили этих скромных героев. Впрочем, им по большей части и были обязаны колонисты своим благоденствием.

Авантюристы и сам д'Ожерон отвечали на поклоны несколькими дружескими словами, улыбкой или рукопожатием.

Вскоре явился трактирщик с докладом, что завтрак подан, и повел их в одну из комнат верхнего этажа, где у отворенной на балкон двери с видом на море стоял накрытый стол, весь уставленный вкусными кушаньями и разнообразными бутылками.

— Сядем, господа, — весело сказал д'Ожерон, — сегодня, с вашего позволения, я хозяин. Надеюсь, вы окажете честь предлагаемому мной скромному завтраку.

— С удовольствием и признательностью, господин д'Ожерон, — ответил Монбар от имени всех.

Все уселись за стол и проворно принялись за завтрак, как обычно удовлетворяют свои физические потребности люди деятельные.

Звенели стаканы, и бутылки опорожнялись с такой быстротой, что весело было смотреть.

Только Медвежонок, по своему обыкновению, пил одну воду, что не мешало ему быть веселым и со своими четвероногими друзьями, скромно улегшимися у его ног, делиться по-братски всеми угощениями, которые поочередно перебивали на его тарелке.

Авантюристы до того привыкли видеть Медвежонка неразлучным с его собаками и кабанами, что предоставили ему полную свободу, совершенно не обращая на него внимания. С его стороны все это казалось им очень естественным, тем более что его вообще любили и уважали

— известно было, сколько он выстрадал и с каким мужеством вынес горькие испытания — и, разумеется, остереглись бы чем-нибудь нанести ему неприятность. Причуды знаменитого авантюриста уважались не только всеми присутствующими, но и всеми Береговыми братьями.

Сидя за столом, флибустьеры могли наблюдать восхитительный вид: прямо напротив окна был порт, вдали раскинулось море, сливаясь на горизонте с небосклоном, направо черной точкой виднелся Акулий Утес, знаменитый в истории флибустьерства, налево тянулись гористые, поросшие лесом берега Черепашьего острова, колыбели грозного Берегового Братства.

Утренний ветерок вызывал легкую рябь на поверхности моря, и каждая струйка, отражая в себе солнечные лучи, горела, как алмазный убор.

На судах всех видов и размеров, стоявших на якоре в гавани и пришвартованных к пристани, сушили паруса или возились около снастей, словом, исполняли все ежедневные обязанности моряков по боцманскому свистку или под грустное монотонное пение матросов.

Воздух был пропитан тем острым и едким запахом, который бывает только в гаванях и по которому тоскуют моряки, когда подолгу живут в городах в глубине материка и не могут вдохнуть его полной грудью.

Был великолепный день, всюду солнце, жизнь и движение. Гости д'Ожерона расположены были видеть все в розовом цвете, поддаваясь этому благотворному влиянию, вдобавок усиленному превосходным и обильным завтраком, сдобренным изысканными винами.

Когда подали ликеры и кофе, — заметим мимоходом, что кофе, тогда почти неизвестный во Франции, давно уже был в широком употреблении в Вест-Индии, — и закурили трубки, разговор, до тех пор довольно вялый, принял вдруг в высшей степени серьезный характер.

Губернатор первый придал ему этот оборот.

— Господа, — сказал он, откинувшись на спинку кресла, — теперь, если вы согласны, мы немного потолкуем о делах, но, по-моему, самая лучшая приправа к хорошей беседе или важному обсуждению — ароматный кофе, старый ликер да трубка.

— С вашего позволения, господин губернатор, у вас губа не дура, но я предпочитаю одно — хорошую резню с собаками-испанцами! — Сказав это, Питриан провел языком по губам с выражением чувственной неги.

— Эх ты, лакомка! — засмеялся Польшэ.

— Да уж каков есть, прошу не гневаться.

— Окинем взглядом наши дела, любезный Монбар, — продолжал губернатор, — что вы сделали и что намерены делать?

— Я ничего не скрою от вас, — ответил флибустьер, — и сочту за счастье воспользоваться вашим добрым советом, если совершил какой-нибудь промах, что вероятно.

— Этого я, со своей стороны, допустить не могу, любезный капитан, — вежливо возразил губернатор, — но все равно, расскажите-ка, а мы слушаем.

— Вы справедливо сказали, господин д'Ожерон, что экспедиция, к которой мы готовимся в настоящее время, самая безумная из всех предпринимаемых нами до сих пор; гренадская,

даже маракайбская — были просто детской игрой в сравнении с этой.

— Черт возьми!

— Как видите, я не настаиваю на выражениях и даю вам полную свободу пользоваться этим преимуществом.

— Однако маракайбская экспедиция — славное и доблестное дело!

— В успех которого вы также не хотели верить, — сказал Монбар с легким оттенком насмешливости, — однако...

— Вы вышли победителем, и я признал свою ошибку со всем смирением.

— Так будет и теперь, господин д'Ожерон!

— Надеюсь... Впрочем, Монбар, знаете ли, бросим лучше этот разговор, я предпочитаю теперь же признать себя побежденным, потому что с таким противником, как вы, борьба мне не под силу.

— Bravo! — вскричали буканьеры, смеясь.

— А что вы хотите, господа, — добродушно продолжал д'Ожерон, — долгие годы я изучал жизнь; казалось бы, я отлично знаю, сколько энергии, мужества, упрямства и терпения может заключать человеческое сердце, даже самое необыкновенное, а с вами... провались я сквозь землю, если все мои расчеты не разлетаются в прах! Вот уже ровно двенадцать лет как его величество Людовик Четырнадцатый назначил меня вашим губернатором.

вернуться

19

Флотом в описываемые времена именовались крупные соединения кораблей.

— И, поставив вас во главе нашей колонии, король сделал нам великолепный подарок, за который мы искренне ему признательны.

— Во главе! Гм! Положим, что так, благодарю за комплимент. Но вот что, господа: хотите, я вам чистосердечно сознаюсь в том, что особенно обидно для моей прозорливости и моей опытности?

— Мы слушаем, господин д'Ожерон.

— Положа руку на сердце, клянусь вам честью, что знаю вас не больше, чем в первый день нашего знакомства! На каждом шагу вы поражаете меня неожиданностями, от которых у меня голова идет кругом, вы какие-то особенные, непостижимые существа, и если в один прекрасный день вам вздумается отправиться завоевать луну — провалиться мне на этом месте, если я не уверен, что вы добьетесь своей цели!

При этой неожиданной словах, которые губернатор произнес с добродушием, составлявшим отличительную черту его тонкого и наблюдательного ума, флибустьеры разразились неудержимым хохотом.

— Смейтесь, смейтесь, господа, я своих слов назад не беру и стою на своем, я считаю вас способными на все, как в хорошем, так и в дурном, люблю вас, как собственных детей, удивляюсь вашим великим и благородным сердцам и умываю руки: делайте, как знаете, мне остается только жалеть испанцев.

Хохот поднялся пуще прежнего и долго не умолкал.

— Можете продолжать, любезный Монбар, — сказал губернатор, когда наконец воцарилась тишина, — я облегчил свою совесть и теперь спокоен.

— Вот я что сделал, господин д'Ожерон, — ответил с улыбкой знаменитый флибустьер, — во-первых, я собрал все суда, способные выйти в море, как малые, так и большие; их оказалось шестьдесят пять.

— Хорошая цифра!

— Не правда ли? Эти шестьдесят пять судов, имеющие в среднем по двадцать пушек на каждом — что меньше действительного числа, — представят собой в наличности...

— Тысячу триста орудий, — перебил губернатор. — Это не шутка!

— К тому же, — продолжал Монбар, продолжая улыбаться, — заметьте, что я не считаю семи судов нашего союзника Моргана, на которых должно быть примерно около ста пятидесяти пушек.

— Я начинаю думать, что ошибочно взглянул на вопрос — точь-в-точь как и прежде.

— Позвольте далее, — вежливо остановил его Монбар. — У нас теперь, как вам известно, самое лучшее время года, то есть самое благоприятное для плавания: вот уже с полгода как не предпринималось ни одной экспедиции; стало быть, все Береговые братья на суше.

— И прямо-таки совершенно на мели, между прочим, — вмешался Питриан, смеясь, — они почти умирают с голоду и в случае нужды будут драться как черти.

— Именно об этом я и говорю, — согласился Монбар. — Сегодня по моему приказанию во всех портах и селениях Берегового Братства объявлена вербовка, сегодня же начнут записываться добровольцы, и народу у нас наберется даже больше, чем понадобится.

— Ну уж это...

— Вот увидите, господин д'Ожерон, мы будем вынуждены выбирать из числа желающих. Итак, шестьдесят пять судов с одной стороны да семь с другой, итого семьдесят два судна с экипажем, предположим, средним числом в девяносто человек, что также ниже действительной численности, и мы получаем цифру в шесть тысяч четыреста восемьдесят матросов — скажем, для ровного счета, семь тысяч, если включить экипажи на судах Тихого Ветерка и Лорана, которые мы не брали в расчет.

— Положим, семь тысяч — цифра, разумеется, великолепная, но...

— Я предвижу ваше возражение: из семи тысяч только половина может быть высажена на сушу, поскольку остальные должны оставаться на судах, чтобы охранять их.

— Именно! Далее: сперва вам надо будет взять порт, где вы высадитесь на берег, чтобы

заручиться хорошим местом якорной стоянки и возможностью отступления на случай неудачи, да и в случае успеха тоже; после этого вам предстоит сделать миль двадцать по суше по неизвестному краю, где каждый шаг придется делать с боем... Сколько же, полагаете вы, останется людей, когда вы подступите к тому месту, которым хотите овладеть?

— Тысячи две с половиной. Потери убитыми, ранеными и отставшими я оцениваю в тысячу человек; достаточно ли этого, по-вашему?

— Я считаю цифру даже преувеличенной, но несколькими сотнями больше или меньше — ничего не значит. Имеете ли вы сведения о городе?

— Никаких, признаться, но Лоран нам их доставит.

— Сперва доставлю я.

— Вы?

— И очень подробные сведения, которые для вас, собственно, я и велел собрать.

— Как мы вам благодарны!

— Полноте, мне самому доставит удовольствие, если я окажу пользу вам и вашим товарищам.

— Я слушаю, господин д'Ожерон, — вернее, мы слушаем.

— Начнем с Чагреса.

— Как угодно.

— Чагрес хорошо укреплен, дорога, ведущая к нему, узка, город построен у устья реки, защищен прочной и надежной крепостью Сан-Лоренсо-де-Чагрес с гарнизоном в две тысячи человек, который при необходимости может дать хороший отпор.

— Только исполнит свой долг, — равнодушно заметил Монбар.

— Справедливо; перейдем к другому. Панама, наряду с перуанским портом Кальяо, является местом хранения богатств испанского правительства в Южном море — вам ведь это известно?

— Потому-то мы и хотим овладеть ей.

— Очень хорошо, я не буду возвращаться к вопросу, который между нами уже решен.

Монбар поклоном выразил согласие.

— Город защищен и с моря, и с суши; он обнесен большой стеной с бастиянами и рвом, и два форта с моря могут встретить неприятеля перекрестным огнем, а в случае необходимости и сжечь город, над которым возвышаются.

— Это для нас не имеет никакого значения.

— Может быть, но важнейшее значение должно иметь для вас то, что в Панаме до шестидесяти тысяч жителей!

— О! Число преувеличено, будьте уверены! Испанцы такие хвастуны!

— Вы полагаете? Я допускаю и это, положим, сорок тысяч жителей, если вы хотите.

— Пусть сорок.

— И так довольно внушительное число, как мне кажется.

— Да, но ведь из него надо выкинуть женщин, детей, стариков, священников, монахов и Бог весть кого еще! Верных три четверти населения.

— И это я допускаю, останется десять тысяч человек, что все еще составляет весьма и весьма порядочную цифру.

— Разумеется, если бы они дрались все! Но ведь по большей части горожане — трусы и крикуны, которые трясутся за свое имущество, за дома, за жен и детей, да мало ли за что еще, которые при первом же выстреле кинутся со всех ног по своим норам, словно крысы, или укроются в монастырях и церквях! Положим, в крайнем случае, — и это предположение совершенно произвольное, — что найдется тысячи две-три людей настолько храбрых, чтобы взяться за оружие, — это будет только несчастьем для них самих и их друзей.

— Почему?

— Потому что эти достойные мещане, не имея никакого понятия о войне, даже не умея владеть оружием, ослепленные дымом и потеряв голову, окажутся ни на что не способны; их усердие даже повредит маневрам регулярных войск, затруднит его действия и посеет в них смятение, вот увидите... Виноват! Вы не увидите, но увидим мы и расскажем вам по возвращении. Единственный противник, с которыми нам предстоит борьба, — это войско, то есть гарнизон.

— Очень хорошо. А знаете ли вы численность этого гарнизона?

— Признаться, нет.

— Двенадцать тысяч человек!

— Только-то? Я полагал, он сильнее! Согласитесь, большая неосторожность со стороны испанцев держать такой незначительный гарнизон в таком важном пункте.

Монбар говорил так спокойно и уверенно, что д'Ожерон, хоть и привыкший ничему не удивляться с подобными людьми, был совершенно озадачен.

— Наконец, знаете ли вы, — продолжал губернатор после минутной паузы, — что это за люди, из которых состоит гарнизон?

— Солдаты, полагаю.

— Само собой разумеется, но это остатки старых испанских войск, прославившихся во Фландрии как лучшая пехота во всей Европе! Эти не бросятся бежать; надо будет убить их всех до последнего, чтобы выйти победителем.

— И уьем, будьте спокойны! Ей-Богу! Я искренне вам признателен, последнее сведение — самое лучшее. Мы встретим достойного противника, это приводит меня в восторг; еще раз спасибо вам, господин д'Ожерон.

В это мгновение, как бы для того, чтобы придать больше выразительности странной речи флибустьера, грянул залп из нескольких орудий, словно громовой удар, и за ним последовало

несколько других.

— Что это? — вскричал губернатор с изумлением.

Авантюристы бросились на балкон и стали смотреть.

Несколько судов, и первое из них с поднятым на грот-брам-стеннге брейд-вымпелом, входили в порт и салютовали городу на пути к месту якорной стоянки под защитой форта, который отвечал на их салют залпом из всех орудий.

— Это Морган! — вскричали флибустьеры в порыве восторга.

ГЛАВА X. Флибустьерский флот снимается с якоря

Действительно, это был Морган. Верный слову, данному Питриану, он спешил присоединиться к флибустьерскому флоту. Семь его отлично вооруженных судов входили в эту минуту в Пор-де-Пе. Поразительное зрелище представляла собой эта маленькая эскадра, которая с завидной четкостью и точностью производила необходимые маневры, направляясь к якорной стоянке под прикрытием форта.

В Пор-де-Пе ликовали. Все население высыпало на берег и приветствовало вновь прибывших радостными криками и рукоплесканиями.

Как только английские суда бросили якорь и взяли на гитовы паруса, от адмиральского судна отчалила шлюпка и направилась к берегу.

В шлюпке находились Морган и главные лица его штаба. Когда шлюпка причалила к пристани, Морган и его товарищи были встречены Монбаром и другими предводителями флибустьеров. Дружески поздоровавшись, флибустьеры все вместе направились к дому губернатора, окруженные толпой, которая провожала их восторженными криками.

Моргану в это время было тридцать восемь лет; роста он был высокого и хорошо сложен, весь его облик дышал решимостью, а привычка командовать придавала его лицу отпечаток холодной, суровой, неумолимой надменности.

Сын бедного крестьянина из Валлийской Англии, он почти ребенком бежал из родительского дома и попал на Барбадос, где тотчас же ступил на поприще корсара, с которого уже более не сходил. Смелость, упорство, сметливость и везение во всех предприятиях сделали его знаменитым.

Слава его почти равнялась громкой славе Монбара, Прекрасного Лорана и двух-трех других известных флибустьерских капитанов.

Список смелых нападений Моргана на испанцев был длинен, имя англичанина наводило на них несказанный ужас: его жестокость и алчность вошли в поговорку.

Это был настоящий живодер и грабитель. Впрочем, он несколько этого и не скрывал, он хвастал своими злодейскими поступками с несчастными безоружными жертвами. Ему безразличны были и пол, и возраст. Под благородной внешностью мнимого дворянина он скрывал кровожадное, безжалостное сердце.

Гранада, Санта-Каталина, Пуэрто-дель-Принсипе, Маракайбо, Картахена, Пуэрто-Бельо

поочередно были взяты, сожжены и разграблены им, он даже пытался врасплох захватить Панаму, но атака была отражена с громадными потерями.

Надежда на блистательную отплату побудила его с радостью принять предложение Монбара, несмотря на отведенную ему второстепенную роль и необходимость повиноваться, вместо того чтобы командовать экспедицией.

Но злопамятный англичанин замышлял овладеть когда-нибудь, собственно для себя, городом, громадные богатства которого пробуждали в нем сильнейшую жажду к наживе.

Замысел этот он привел в исполнение спустя два года, то есть в 1670 году; теперь же он соглашался стать под команду Монбара просто потому, что намерен был во время экспедиции собрать сведения, которые будут ему полезны, когда он вернется в одиночку повторить это дерзкое нападение.

Впрочем, что бы ни замышлял в будущем знаменитый авантюрист, он не мог бы оказаться на Санто-Доминго при более благоприятных обстоятельствах.

Ровно в двенадцать часов началась вербовка, и флот, по всей вероятности, должен был сняться с якоря спустя несколько дней.

Было десять, когда Береговые братья вошли в губернаторский дом.

Д'Ожерон принял их со свойственным ему добродушным гостеприимством; он распорядился, чтобы подали закуску с обычным приложением трубок и табака, и после обмена первыми любезными приветствиями сейчас же приступили к обсуждению главного вопроса.

Чтобы не повторять всего сказанного, я изложу в нескольких словах решения, окончательно принятые и утвержденные на этом собрании, которое, строго говоря, было не чем иным, как военным советом.

Флот, состоявший из семидесяти двух судов, был разделен на три эскадры, по двадцать четыре судна каждая.

Во главе первой был поставлен избранный в вице-адмиралы Медвежонок Железная Голова вместе с капитаном Питрианом, который был назначен его помощником; во главе второй — вице-адмирал Генри Морган с Дрейком, и во главе третьей — Пьер Легран с Филиппом д'Ожероном в качестве помощника.

Выбрали еще шесть контр-адмиралов, по два на каждую эскадру.

Для первой — Польгэ и Давида, для второй — Льюиса Шотландца и Рока Бразильца, и на третью эскадру — Пьера Прямого и Александра Железная Рука.

Монбар, как командир экспедиции, выбрал себе в адъютанты Прекрасного Лорана, Олоне, Бартеlemi, Тихого Ветерка и Мигеля Баска, которые находились тогда в отсутствии, но должны были примкнуть к товарищам, как только произойдет высадка на берег.

Все французские суда будут идти под флибустьерским трехцветным флагом: голубым, белым и красным.

Морган, разумеется, поднимет английский флаг. Цвета вымпелов назначались: красный для главнокомандующего, белый для вице-адмиралов и голубой для контр-адмиралов.

Высший совет, под председательством главнокомандующего, на время экспедиции состоял из вице — и контр-адмиралов и адъютантов главнокомандующего, каждый из которых сам являлся командующим экспедицией и потому считался по своему положению равным вице-адмиралам.

Все решения высшего совета должны были исполняться беспрекословно, под страхом смертной казни, кем бы ни был слушник и какое бы звание ни имел.

Таковы были решения, единодушно принятые на военном совете, который состоялся в доме у губернатора д'Ожерона.

Этот немного необычный договор, заключенный между предводителями не менее необычной экспедиции, был составлен Оливье Эксмелином 20, секретарем губернатора, который впоследствии сделался историком авантюристов с Тортуги.

После прочтения этого акта все присутствующие подписались за себя и за тех, кто отсутствовал по какой-либо причине. После этого к документу приложили губернаторскую печать, он был приобщен к правительственному архиву, а копию вручили Монбару.

Было около полудня, когда заседание совета кончилось и члены его немедленно отправились в гостиницу «Коронованный Лосось», куда были созваны Береговые братья для вербовки.

Из вышесказанного видно, что никогда флибустьерская экспедиция не соединяла более громких имен. В ней участвовали самые знаменитые Береговые братья.

В глубине большой залы гостиницы были установлены широкие подмостки. На этом возвышении, покрытом ковром, стояли кресла для губернатора и главных предводителей экспедиции. По обе стороны от подмостков стояли два стола, за которыми сидели секретари и вели запись добровольцев.

Двери и окна гостиницы были отворены, так что толпа, которая теснилась вокруг дома и, разумеется, не могла попасть внутрь, тем не менее видела все, что происходит.

Монбар, д'Ожерон, Морган и прочие флибустьеры поместились на возвышении.

Пробило двенадцать.

Секретари громко стукнули два раза рукояткой кинжала о стол.

Вдруг огромная толпа народа, которая беспорядочно двигалась во всех направлениях с ревом и стоном и волновалась со странным глухим ропотом, замерла в неподвижности, точно волны разъяренного моря, в одно мгновение скованные всеильным словом разгневанного Нептуна.

Воцарилась мертвая тишина.

Монбар встал, любезно раскланялся и произнес длинную речь.

Повторять ее здесь нет необходимости, заметим только, что она затронула самые живые интересы авантюристов и сильно воодушевила их.

вернуться

В 1678 г. в Амстердаме была выпущена книга «Пираты Америки», написанная неким А. О. Эксквемелингом. Это произведение переведено практически на все европейские языки. В 1686 г. увидел свет французский перевод «Пиратов». Переводчик назвал автора на французский лад Александром Оливье Эксмелином. Книга «Пираты Америки» и поныне служит источником поистине бесценных сведений о пиратах, промышлявших в XVII в. в Карибском море. Практически все авторы многочисленных романов о флибустьерах так или иначе обращались к этому интереснейшему труду.

Потом были зачитаны общий договор и решение военного совета относительно выбора предводителей.

- Нет ли у кого-нибудь возражений против общего договора? — спросил Монбар.
- Нет, нет! — загудела толпа.
- Вы согласны подписать его?
- Согласны, согласны! — вскричали в один голос флибустьеры.
- Клянетесь вы подчиняться ему?
- Клянемся! Да здравствует Монбар! Да здравствует Морган!
- Хорошо! Одобряете ли вы назначения военного совета?
- Одобряем!
- Признаете вы командирами тех, кого избрал совет?
- Признаем!
- Клянетесь повиноваться им во всем, что они прикажут, исходя из интересов экспедиции?
- Клянемся, клянемся!
- Извините, адмирал, — почтительно обратился к Монбару один из флибустьеров, выступив вперед, — могу ли я задать вам вопрос?
- Говори, брат, ты имеешь полное право спрашивать меня: пока договор тобой еще не подписан, мы с тобой равны.
- Вы не открыли нам цели экспедиции.
- Цель эта не может и не должна быть открыта здесь: испанцы подсылают к нам такое множество шпионов, что выдать наши намерения означало бы предупредить их заблаговременно.
- Понимаю, — сказал флибустьер, утвердительно кивнув головой.
- Одно только я могу вам открыть, братья, — продолжал Монбар, — после победы беднейший из вас будет чуть ли не миллионером! Довольно вам этого, братья?
- Вполне! Да здравствует Монбар! — грянула толпа.

— А ты, брат, желаешь еще сказать что-нибудь?

— Желаю извиниться, адмирал, что осмелился задать вам глупый вопрос, и поблагодарить за то, что вы удостоили меня ответом.

Флибустьер почтительно поклонился и отступил назад.

— Не желает ли кто заявить еще что-нибудь? — спросил Монбар.

Все молчали.

— Желающие могут начинать записываться, — заключил Монбар, и толпа вереницей потянулась к столам.

Целых три дня являлись желающие участвовать в экспедиции.

Монбар не ошибся, сказав д'Ожерону, что людей будет больше чем достаточно.

Когда через пять дней после начала вербовки в Пор-де-Пе доставили списки добровольцев, оказалось, что даже при самом тщательном отборе лишних остается около полутора тысяч человек, поскольку не было абсолютно никакого повода отказать им.

Когда эти списки были представлены д'Ожерону, он не мог поверить: восемь тысяч человек, завербованных за пять дней, то есть треть населения — это казалось ему просто фантастикой, а между тем это даже не было вербовкой в строгом смысле этого слова, так как все желающие явились добровольно, по собственному побуждению, и если бы уполномоченные, которым были даны очень строгие инструкции, не отбирали людей с особой тщательностью, число их легко дошло бы до огромной цифры в двенадцать тысяч, а все отстраненные были в прекрасной форме, знакомы с военным делом и отлично подходили к службе.

— Что вы теперь скажете? — спросил у губернатора Монбар со своей приятной улыбкой, всегда, однако, немного насмешливой.

— Что тут говорить! — ответил губернатор, совсем оторопев от такого неожиданного результата. — Просто не верится! Пусть мне скажут после этого, — прибавил он, улыбнувшись, — что мои колонисты — преимущественно земледельцы, как бы не так! Ей-Богу, я сумею ответить на такие речи! Вот и доказательство налицо. Согласитесь, Монбар, что прерванная у нас земледельческая колония.

— Кто знает! Дайте испариться лишнему жару и, быть может, лет через двадцать мы так же будем ненавидеть войну, как любим ее теперь.

— Увы, любезный Монбар, — возразил губернатор с комическим отчаянием, — я жду этого отрадного явления больше всего на свете, но надеяться не дерзаю — во всяком случае, мы с вами его вряд ли застанем.

— Говоря по совести, любезный господин д'Ожерон, я со своей стороны вовсе не жажду этого.

— Понятно, — сказал губернатор со вздохом, от которого пошла бы в ход ветряная мельница, — вы рубака, тогда как я...

Монбар захохотал. На этом разговор и закончился.

Эти два человека, оба одаренные светлым умом, уважали и любили друг друга, но шли по

дороге в диаметрально противоположных направлениях, в определенных вопросах им было невозможно прийти к согласию, и они открыто отказались от попыток переубедить один другого.

Тем временем Пор-де-Пе быстро пополнялся судами. Из Леогана и Пор-Марго один за другим приходили корабли, так что прошла едва неделя после начала вербовки, а весь флибустьерский флот уже соединился в Пор-де-Пе.

Рейд представлял собой поразительное и живописное зрелище.

В городе царил небывалое оживление.

На корабли перевозили провизию, пресную воду и боеприпасы, многочисленные лодки и баркасы то и дело сновали по рейду вдоль и поперек.

Монбар поспевал везде, все видел и за всем наблюдал.

Когда флот оказался в полной готовности, Монбар устроил ему смотр.

Командиры заранее отправились на свои суда, и все экипажи находились в полном составе.

Войско состояло из восьми тысяч пятисот человек, вместо семи тысяч, на которые рассчитывали. Таким образом, десантное войско было на тысячу пятьсот человек больше, чем предполагалось, потому что число людей, изначально определенное Монбаром для охраны кораблей, осталось неизменным.

Каждый доброволец был обязан иметь свое оружие, два фунта 21 пороха и пули и, кроме того, съестных припасов на целую неделю.

Таково было постановление на всех флибустьерских судах.

Выгода его заключалась в том, что это значительно уменьшало расходы, что было особенно важно в такой экспедиции, какая предпринималась теперь.

Понятно, что Монбара интересовала в основном готовность оружия и наличие боеприпасов и провизии, что же касается самих судов, то он давно знал их превосходные ходовые качества, прочность и прекрасную оснащенность.

Смотр состоялся. Он был произведен тщательно, придирчиво и в высшей степени строго, тем не менее Монбар вернулся на берег исполненный радости: он не имел повода сделать ни одного упрека, ни одного замечания.

Если он знал флибустьеров, то и они знали его, им было известно, как он строг даже относительно мелких, на первый взгляд, подробностей, от которых, однако, нередко зависит успех экспедиции. Разумеется, они приняли меры к тому, чтобы он остался доволен во всех отношениях.

В губернаторском доме опять был созван военный совет по предписанию главнокомандующего.

Пора было выступать в поход, терять время на рейде не следовало, особенно с людьми, которые, имея перед глазами родную землю, ежеминутно против воли испытывали приступы непокорности, и было ясно, что они полностью подчинятся дисциплине только после нескольких дней плавания в открытом море.

Командующий экспедицией намеревался также представить свой план действий и всесторонне обсудить его со своими помощниками, прежде чем окончательно приступить к его исполнению.

Ровно в полдень двадцать один пушечный выстрел из форта возвестил об открытии заседания совета.

Флот ответил залпом из всех орудий.

Ничем нельзя описать тот оглушительный гром, что был произведен тысячью пятьюстами орудиями, грянувшими одновременно.

Грохот этот, подхваченный эхом, разносился все дальше и дальше и наконец замер в ущельях Черной горы, где долго еще гудел грозными раскатами.

От каждого адмиральского судна отделилась шлюпка и на веслах пошла к пристани. Из этих шлюпок высадились на берег все высшее флибустьерское начальство.

Отряд войска ожидал их на пристани для почетного караула.

У дверей губернаторского дома флибустьеры были встречены Монбаром, д'Ожероном и его племянником Филиппом.

Губернатор по своему обыкновению принимал гостей роскошно и на широкую ногу; однако закусили скорее для виду — время было дорого — и вскоре прошли в залу совета.

Береговые братья, такие беспечные относительно будущего, чья жизнь на суше, когда они оставались не у дел, была рядом чудовищных оргий, невероятных прихотей и сумасбродств, которых не опишешь никаким пером, едва только им западала в голову мысль об экспедиции против испанцев и план этот необходимо было осуществить, моментально перерождались; в них происходило превращение самое полное и коренное. Пьянство, разгул, праздность — словом, все пороки, которые оспаривали первенство в этих странных натурах, вдруг сменялись умеренностью, покорностью, лихорадочной деятельностью и всеми качествами, которые в данное время создают если не великих людей, то, по крайней мере, героев.

вернуться

21

Фунт равен примерно 454 г.

Едва ли не в этом и крылась тайна их бесчисленных и блистательных успехов во всем, за что бы они ни брались.

Все в великолепных мундирах, расшитых золотом и драгоценными камнями, с толстыми шнурками на шляпах, высшие флибустьерские предводители оставляли далеко позади себя самых щеголеватых вельмож при дворе Людовика XIV, роскошь которых всегда немного отдавала расчетом, так что любой посторонний, случайно столкнувшийся с ними и не будучи в курсе дела, непременно принял бы их за принцев крови.

Простые Береговые братья, грязные, растрепанные, едва прикрытые жалкими дырявыми лохмотьями, все в жиру и дегте, любили видеть своих предводителей в блистательном наряде;

пренебрегая роскошью для себя, они ставили ее, так сказать, в неперемнную обязанность своим командирам, которым повиновались с тем большим рвением, преданностью и уважением, чем больше они гордились ими. Сами командиры знали это и, разумеется, не упускали из виду свой долг удовлетворять этому требованию.

Тем не менее разница в костюме составляла одно лишь мнимое различие между командиром и матросом; на берегу они шли рука об руку в самые грязные кабаки напиваться вместе или играть, чтобы просаживать или выигрывать баснословные суммы.

На берегу между ними не существовало никакого различия, дисциплина соблюдалась только на море, но там она властвовала всецельно, жестоко и неумолимо: слово, взгляд, движение подхватывались на лету и исполнялись с беспрекословной покорностью, неизмеримое расстояние отделяло командира от простого матроса, с которым за час до того, быть может, он кутил по-товарищески; матрос, со своей стороны, знал это и ничуть не оскорблялся, а напротив, находил вполне естественным, чтобы такая дистанция отделяла его от командира. Кроме того, весьма частыми бывали случаи, когда сегодняшний матрос завтра принимал начальство над тем самым командиром, которому в настоящее время повиновался с такой почтительной готовностью.

Флибустьеры сели вокруг большого стола, покрытого зеленым сукном, и заседание началось.

Монбар ясно и четко изложил свой план.

Этот план был образцовым произведением военного искусства, смелости и воображения. Его выслушали с глубоким вниманием от начала до конца.

Когда Монбар кончил, все наклонили голову в знак одобрения.

— Не последует ли каких-либо возражений с вашей стороны, господа? — спросил главнокомандующий.

— Ни малейших, адмирал.

— Стало быть, если все согласны, приступим к исполнению этого плана — я говорю теперь только о маневрах, которые позволят нам достигнуть твердой земли. Наша экспедиция делится на две совершенно отдельные части: первая — исключительно морская, вторая, напротив, преимущественно сухопутная, когда мы должны превратиться в солдат, преодолеть большие пространства и совершенно забыть о том, что мы являемся моряками, вспоминая об этом разве только в стремительных нападениях и во время быстрых переходов по лесам в погоне за теми, кого собираемся захватить врасплох.

— Это правда, — заметил Морган.

— Здесь мы будем обсуждать только первую часть нашей экспедиции, — продолжал Монбар. — Это единственное, о чем теперь может идти речь. Наш флот велик. Испанцы* находятся настороже, видя наши усиленные приготовления; уведомленные шпионами, они зорко следят за нами, тем более что не знают, в какую точку мы устремим наши силы и какая именно из их колоний подвергнется нападению. В этом полезном неведении их необходимо держать как можно дольше и даже усилить их опасения, придав им ложное направление. Для этого, я полагаю, хорошо было бы сделать вот что...

Все придвинулись ближе и затаили дыхание. Помолчав с минуту, Монбар продолжал:

— Мы выйдем в море все вместе милях в десяти отсюда. По знаку, поднятому на адмиральском корабле, флот разделится на три части следующим образом: адмирал Морган, однажды уже взявший Пуэрто-Бельо, направится прямо к этому городу, овладеет им и, прочно укрепившись, займется приготовлением всего необходимого для высадки. Адмирал Пьер Легран займет Санта-Каталину. Этот остров богат, обильно снабжен съестными и боевыми припасами и служит

в одно и то же время складом и арсеналом испанскому флоту. Пьер Легран заготовит с возможной быстротой все необходимое для снабжения флота припасами; на Санта-Каталине он оставит порядочный гарнизон и шесть судов для наблюдения за теми местами на острове, где легко пристать, так как туда мы будем свозить наших больных и раненых, там же назначается общий сборный пункт по возвращении из экспедиции. После этого эскадра со съестными припасами, которые адмиралу удастся собрать, примкнет к остальному флоту в порту Бургас, но предварительно адмирал с помощью легкого посыльного судна известит Моргана, чтобы тот спешил соединиться с ним. Медвежонок Железная Голова с третьей частью флота поднимется прямо по ветру и бросит якорь в нескольких милях от Чагреса, в устье реки Сан-Хуан — именно там произойдет общая высадка. Действуя таким образом, я полагаю, нам удастся провести испанцев и сбить их с толку: пока они будут зорко следить за Морганом и Пьером Леграном, стараясь не допустить их высадки на Санта-Каталину и в Пуэрто-Бельо, эскадра Медвежонок незаметно подойдет к тому месту, где мы хотим высадиться, и спокойно станет на якорь, не встретив отпора; к тому же, если мы сумеем прочно укрепиться в Пуэрто-Бельо и Санта-Каталине, то уже тем самым мы захватываем владычество над морем и перешейком и, следовательно, вольны действовать против Панамы, не опасаясь, что сильные отряды из внутренних колоний подоспеют на помощь местному гарнизону. Вот, господа, какой план я составил для исполнения первой части нашей кампании. Прошу вас взвесить все, сказанное мной, после чего сделать мне честь и представить ваши возражения; я с должным уважением отнесусь к мнению таких знатоков военного дела, как вы.

Услышав это ясное и точное изложение плана, составленного главнокомандующим, флибустьеры не могли удержаться от изъявления восторга — но не удивления; в самом деле, все было предвидено и рассчитано с редким искусством. То, что задумал Монбар, не требовало решительно никаких изменений, чего можно было бы ожидать в подобном случае. Монбар разом разрешил все затруднения, даже сам недоверчивый д'Ожерон почти что уверовал в возможный успех экспедиции и открыто завил об этом, поздравив Монбара с таким превосходным планом.

— Адмирал, — с пленительной улыбкой обратился к нему Морган от имени всех. — Мы понимаем, что вы из одной только вежливости созвали этот совет и нисколько в нем не нуждаетесь; нам остается только повиноваться вашим приказаниям.

— Стало быть, мой план, господа, кажется вам не только возможным, но и легко исполнимым?

— Нельзя придумать лучше, адмирал! Все мы искренне принимаем его без малейшей тени страха.

— Благодарю, господа. Итак, исполним же его! С вашей помощью я рассчитываю на успех.

— С таким командиром, как вы, адмирал, — продолжал Морган, — всегда можно с уверенностью рассчитывать на успех даже самого отчаянно смелого предприятия. Мы постараемся показать себя достойными вас!

Все поочередно пожали руку Монбару, с жаром уверяя его в своей безусловной преданности.

— Когда вы отправляетесь, адмирал? — спросил д'Ожерон.

— Сегодня же, с вашего разрешения, — ответил Монбар и прибавил, обращаясь к флибустьерам: — Теперь двадцатое марта, господа, на общий сборный пункт в устье реки Сан-Хуан я назначаю вам прибыть десятого апреля.

— Будем! — вскричали в один голос все присутствующие.

Спустя два часа флибустьерский флот снимался с якоря при неистовых криках толпы, теснившейся на берегу.

Никогда еще испанским владениям на суше не угрожало большей опасности!

С редким искусством и точностью маневров флот уходил в открытое море. Вскоре суда при свежем ветре стали удаляться одно за другим и не замедлили скрыться в голубоватой дымке горизонта.

Экспедиция началась.

Д'Ожерон, который желал лично присутствовать при отплытии флота и до последней минуты стоял один на краю пристани, наконец повернулся и направился к своему дому, погруженный в глубокую задумчивость.

ГЛАВА XI. Как капитан Сандоваль пригласил дона Фернандо позавтракать на корвете «Жемчужина»

Однажды утром, часов в десять, граф де Кагель-Морено только было собрался с духом, чтобы встать с мягкого ложа, на котором нежился, и надеть халат и туфли, когда дверь его спальни осторожно приотворилась и его доверенный камердинер, Мигель Баск, вошел в спальню доложить хозяину, что дон Пабло Сандоваль, капитан корвета «Жемчужина», просит позволения немедленно увидеться с графом по важному делу, которое не терпит отлагательства.

Хозяин и слуга улыбнулись друг другу со странным выражением, и по знаку графа капитан был тотчас к нему введен. После обычных приветствий и усиленных извинений дон Пабло Сандоваль за свой визит в столь ранний час Лоран, которому надоедало все это пустословие, решил положить ему конец; он подвинул кресло капитану, сам сел в другое и с пленительнейшей улыбкой сказал:

— Готов извинить вас, любезный дон Пабло, но с одним-единственным условием.

— Каким же, граф?

— Что вы не откажетесь позавтракать со мной.

— Не вижу причины этому противиться, граф.

— Прекрасно! Значит, договорились.

— Я этого не говорил.

— Позвольте, что же тогда вы, собственно, хотели сказать?

- Разве камердинер не доложил вам, что я приехал по важному делу?
- Определенно доложил, но я не думаю, чтобы это важное дело состояло, например, в том, чтобы заплатить мне сто пятьдесят унций золота, которые вы проиграли на слово на балу у губернатора?
- Не совсем, хотя и это входит в мои расчеты, игорные долги следует выплачивать в двадцать четыре часа, — прибавил он, отсчитывая и кладя на стол означенную сумму.
- Очень нужно было вам подниматься в такую рань для подобной мелочи!
- У меня были на то другие причины.
- Справедливо, я упустил это из виду.
- Любезный граф, я явился к вам в качестве посланника.
- Каково бы ни было поручение, трудно было найти посланника более приятного для меня.
- Покорно благодарю, граф. Вот мое поручение в двух словах.
- Я весь превратился в слух.
- Кстати! — неожиданно прервал капитан нить своей речи. — Вы слышали новость?
- Когда? Ведь я едва протер глаза.
- Действительно, ведь воры дали тягу этой ночью, вот оно что!
- Какие воры? Извините, я что-то не соображу.
- Вы помните, я рассказывал вам как-то, что мне удалось захватить с десятков французских флибустьеров?
- Позвольте, как же это было? На лодке, кажется, в открытом море?
- Да, да, именно так!
- Теперь вспомнил... И что же?
- Они дали тягу.
- Как дали тягу?
- Да так, как обыкновенно задают стрекача, черт возьми! Представьте, что они содержались в тюрьме в ожидании казни, их должны были повесить, но молодчики, видно, не питали особенного пристрастия к такого рода смерти и улизнули.
- Я понимаю.
- Да и я тоже.
- Так они совсем исчезли?
- Наиположительнейшим образом; втихомолку удрали ночью, слегка придушив тюремщиков.

- Что ж, в таком случае — туда им и дорога!
- Видно, граф, что вы прямо из Испании и не знаете этих негодяев. Это же сущие демоны!
- Прекрасно, но не могут же десять человек наводить на вас страх, будь они даже Самсонами, истребителями филистимлян, или Геркулесами, сыновьями Юпитера и победителями Лернейской гидры.
- Ошибаетесь, граф, эти разбойники очень опасны.
- Разве вы боитесь, что они возьмут город? — спросил молодой человек с легкой усмешкой.
- Этого я не говорил, хотя считаю их способными на все.
- Даже овладеть вдесятером Панамой? — расхохотался граф.
- Нет, но все же наделать нам много хлопот, если мы не сумеем изловить их. Губернатор в бешенстве — он рвет и мечет, даже напал на своих приближенных, подозревая измену. Признаться, и я того же мнения: просто-таки физически невозможно было этим мерзавцам сбежать, если бы снаружи им не помогли некие соучастники или, по крайней мере, люди подкупленные.
- Так у флибустьеров, значит, было золото?
- Ни единого реала! Это-то меня с толку и сбивает... Словом, дон Рамон де Ла Крус выслал за ними погоню по всем направлениям.
- О! Тогда можно не волноваться, на их след скоро нападут.
- Самое странное, что они и следов за собой никаких не оставили — ни малейшего признака, который мог бы служить указанием для поисков, как будто они улетели по воздуху, прости Господи, или земля поглотила их! Ни одна живая душа не видела их и не слышала. Городские ворота оставались закрыты, цепи натянуты у входа в порт; где же они могли пройти?
- Скажите, пожалуйста, как странно! И ничего они после себя не оставили?
- Напротив, я совсем забыл упомянуть!
- Вот видите!
- Судите сами, насколько это поможет нам в розысках: они написали метровыми буквами на стене своей камеры: *До скорого свидания, плюгавые испанцы!*
- Шутка, признаться, не очень милая.
- Губернатор находит ее возмутительной и видит в ней угрозу.
- Скорее хвастовство, черт возьми! Этим десятерым ускользнуть бы от преследователей!
- Им трудно придется, я с вами согласен... Но оставим их и вернемся к тому, что я собирался сообщить вам.
- Разумеется! Эти негодяи меня нисколько не интересуют.

— Вчера на балу несколько дам договорились прибыть сегодня ко мне на корвет с некоторыми родственниками и друзьями, конечно ими же приглашенными. В числе этих дам я назову вам, среди прочих, донью Линду, дочь губернатора дона Рамона де Ла Круса, и донью Флору, дочь дона Хесуса. Меня предупредили об этом только полчаса назад. Распорядившись относительно завтрака, я поспешил явиться к вам, любезный граф, с покорнейшей просьбой помочь мне принять дам на моем корвете.

— Предложение ваше очень любезно, капитан, и я принимаю его с большим удовольствием.

— Вот и отлично! Как видите, я не находил со своей стороны никаких препятствий завтракать с вами. Достигнув теперь цели своих дипломатических переговоров, я бегу опростетью — прием назначен на половину двенадцатого. До скорого свидания, как написали эти мошенники!

Молодые люди засмеялись, пожали еще раз друг другу руки, и капитан вышел.

Немедленно вошел Мигель.

— Ну, видно, дело устроили мастерски, — сказал Лоран.

— Неплохо, — согласился буканьер с усмешкой. — Кажется, вы имеете кое-какие вести?

— И самые свежие. По словам сеньора дона Пабло, губернатор просто взбешен, что с ним сыграли такую шутку. Он разослал во все стороны отряды в погоню за нашими бедными товарищами.

— Что ж, скатертью дорога! Моцион полезен, хотя беглецов им не догнать.

— Где они? Здесь?

— Разумеется, как и было условлено.

— Только пусть уж притаятся как мыши.

— Ничуть не бывало! Хосе с самого утра занят их гримировкой и переодеванием. Они теперь сами не узнали бы себя в зеркале. Этот краснокожий черт — мастер на подобные превращения, просто глазам своим не веришь.

— Все равно необходима осторожность.

— Хосе утверждает, что лучшее средство скрыться — это смело показываться на людях.

— В этом парадоксе есть доля правды, но только не следует заходить слишком далеко.

— Число ваших слуг никому не известно, там и здесь добавить по лишнему — в доме, в саду и в конюшне, — и никто этого не заметит. Вот посмотрите, какой подбор самых разнообразных слуг вам готовят, ваше сиятельство! Бартелами, между прочим, ваш дворецкий, превратился в великолепнейшего идадьго, какого можно себе вообразить. Умора просто! Честное слово, мы боимся взглянуть друг на друга!

— Сумасброды! Все же я повторяю, будьте осторожны.

— Да ведь Хосе отвечает за все!

— У тебя с некоторых пор Хосе с языка не сходит. Что это ты так восхищаешься им?

— Он вовсе не то, чем кажется.

— Стало быть, и он также переодет?

— Еще бы! И мы все — это прелесть что такое!

— Странную мы разыгрываем комедию...

— Которая вскоре превратится в трагедию!.. Впрочем, я нисколько не скрываю своего пристрастия к Хосе, а вам известно, ваше сиятельство, что я с бухты-барахты никем восхищаться не стану.

— Тебе надо отдать должное.

— Этого же человека, доложу вам, я просто полюбил от души; он храбр, честен, предан, я готов за него ручаться.

— Монбар знаток в людях и очень хвалил мне его.

— Стало быть, мы можем не волноваться. Разговаривая таким образом, Лоран с помощью Мигеля надел богатый костюм, на груди его красовался орден Золотого Руна, который в то время давали кому-либо чрезвычайно редко и за одни только величайшие заслуги.

Мигель улыбнулся, заметив, как Лоран небрежно прикалывал его.

— Чего зубы-то скалишь? — спросил мнимый граф. — Разве я не имею права носить этот орден?

— Да сохранит меня Бог сомневаться в этом, ваше сиятельство! — с живостью возразил буканьер. — Бесспорно, вы более всякого другого имеете на него право, только мне смешно видеть орден Золотого Руна на груди одного из главных предводителей Береговых братьев, ожесточенных врагов Испании.

— Правда, для нас с тобой это противоречие очень забавно. Положил ты мне золота в карманы?

— Положил, ваше сиятельство.

— Подай теперь мои бриллианты.

— Я поеду с вами?

— Нет, черт возьми! Я еду на корвет «Жемчужина», а ты так горячо возлюбил это очаровательное судно, что способен наделать там гвалта. Ведь я знаю тебя, друг сердечный, как облупленного, и мне приходится принимать свои меры... Серьезно, Мигель, чем ближе развязка, тем хитрее и осторожнее должны мы поступать.

— Вы же обещали мне «Жемчужину»!

— И получишь ее, жадный человек, но потерпи еще немного.

— Хорошо, — проворчал Мигель, словно собака, у которой отняли кость, — подождем, но ведь один же вы туда не поедете?

— Я возьму с собой Шелковинку.

— Вот счастливчик! Только ему такая удача на роду и написана!

— Не приревновал ли ты, чего доброго? — засмеялся Лоран. — Лошади готовы?

— Ждут у дверей.

— Тогда я немедленно отправляюсь; не жди меня скоро, я пробуду на корвете несколько часов, сам еще не знаю сколько.

— Ладно. Они вышли.

На дворе Шелковинка — или, вернее, Юлиан, так как это было его настоящее имя, — предвидя, что поедет с хозяином, уже вскочил в седло, надев богатый костюм паж.

Граф также сел на лошадь, махнул Мигелю рукой на прощание и отъехал от дома в сопровождении Юлиана и ливрейного слуги, который должен был привести назад лошадей.

Испано-американцы не знают иного способа передвижения помимо поездки верхом.

Редко можно встретить их пеших: как для самого кратчайшего переезда, так и для самого продолжительного они садятся на лошадь и, так сказать, всю жизнь проводят в седле.

Возбуждая всеобщее оживление, граф неторопливым шагом проехал часть города и наконец достиг гавани. Он сошел с лошади и сделал знак своему пажу также спешиться. Ливрейный слуга взял в поводья лошадей и тотчас повернул назад, а Лоран тем временем подозвал одного из множества лодочников, лодки которых лепились вдоль пристани, и велел отвезти себя на корвет капитана Сандовалья.

«Жемчужина» была великолепным судном, изящным, стройным, с низкой кормой и высокими, слегка наклоненными назад мачтами, которое содержалось в величайшем порядке. На корвете было двадцать четыре пушки. Построенный на верфи Фьероля, он славился как одно из надежнейших судов по прочности постройки во всем испанском флоте, который в то время оспаривал у голландского право называться лучшим в мире.

Капитан дон Пабло Сандоваль, несмотря на свою хвастливость, коей славятся уроженцы Андалусии, был действительно превосходным моряком безупречной храбрости; он любил свой корвет, как дорогую возлюбленную, и то и дело придумывал для него новые изящные украшения.

Лодка подъехала к корвету с правого борта; дон Пабло ждал графа у спущенного парадного трапа. Увидев на графе орден Золотого Руна, дон Пабло не мог удержать восклицания восторга.

Дон Фернандо улыбнулся, заметив это невольное волнение.

— Я хотел оказать вам внимание, — обратился он к дону Пабло, протягивая ему руку.

Графа встретили на корвете с почестями, приличествующими его званию.

— Не заставил ли я себя ждать, любезный капитан? — спросил граф.

— Нисколько, ваше сиятельство, пока что еще никто не прибыл.

— Любезный дон Пабло, сделайте мне одно удовольствие.

— Весь к услугам вашего сиятельства.

— Раз и навсегда бросьте все эти сиятельства и титулы, мы достаточно знакомы и подобный этикет совершенно излишен.

— Но как же прикажете называть вас, сеньор граф?

— Опять! Честное слово, вы неисправимы! — засмеялся гость.

— Но я, право, не знаю, как мне быть.

— Называйте меня просто доном Фернандо, как я вас — доном Пабло, вот и все!

— Если вы требуете этого...

— Я не имею никакого права требовать, капитан; я могу только просить, что и делаю.

— Пусть будет по-вашему, я повинуюсь.

— Благодарю, дон Пабло, вы меня искренне обрадовали, вы не можете вообразить, как мне в тягость все эти формальности! Я люблю простоту.

— Вижу, сеньор, и рад этому.

— Вот так-то лучше, любезный дон Пабло, вы привыкнете, я вижу.

— Желаете закусить?

— Мне пока не хочется, благодарю. Не воспользоваться ли нам свободной минутой, чтобы осмотреть ваш прелестный корвет?

Ничто не могло так сильно польстить самолюбию капитана, как подобное предложение; разумеется, он охотно согласился.

Граф и капитан приступили к осмотру судна, оставив Юлиана на верхней палубе, где он тотчас познакомился с экипажем.

Внутреннее устройство корвета вполне соответствовало его наружному виду, везде царили роскошь и редкая чистота. Капитан потратил громадную сумму на меблировку и отделку не только своего помещения, но и кают офицеров; корма его судна превратилась в прелестнейшее убежище, какое можно вообразить.

Граф прикидывался довольно несведущим в морском деле, но осмотрел корвет с большим вниманием, не упуская из вида ни одной детали, имеющей маломальское значение. Хоть и равнодушно, однако он так подробно расспрашивал капитана, что непременно возбудил бы в нем удивление, если бы дон Пабло, потеряв голову от радости, что принимает такого высокого посетителя, не был целиком поглощен упоительнейшим делом: выставлять напоказ превосходные качества своей «Жемчужины».

Экипаж был очень многочислен для такого легкого судна, анесколько дней назад его еще усилили и довели до ста семидесяти человек отличных и храбрых матросов, приученных к дисциплине, очень строгой на «Жемчужине», вопреки тому, как было поставлено дело на всех

других испанских кораблях.

Четыре офицера, опытных моряка, боготворили своего командира.

Кроме того, граф узнал, что «Жемчужина», превосходная на ходу, управлялась с большой легкостью в любую погоду; впрочем, он и сам мог бы увидеть это, исходя из внешнего вида корвета и расположения его мачт.

В кают-компании стол, богато сервированный серебром и заставленный разнообразными холодными закусками, ожидал гостей капитана Сандовалья. Однако по необычайной деятельности на баке можно было понять, что эти закуски, когда гости сядут к столу, составят лишь незначительную часть предстоящего пира.

Все осмотрев и всем налюбовавшись, граф вернулся на верхнюю палубу вместе со своим любезным провожатым.

«Хорошо же я сделал, — думал про себя флибустьер, усердно улыбаясь капитану, — ей-Богу, очень хорошо, что не взял с собой сорвиголову Мигеля: при виде этой великолепной „Жемчужины“ и такой кучи драгоценностей он способен был бы обезуметь, и еще неизвестно тогда, чем бы все кончилось».

В это время вдали показались лодки, направляющиеся в сторону корвета.

На ближайшей из них развевался испанский флаг. Это была шлюпка губернатора.

В ней сидели четверо — двое мужчин и две дамы. Эти четверо были: сам губернатор дон Рамон де Ла Крус при полном параде, весь в золоте и шитье, дон Хесус Ордоньес де Сильва-и-Кастро — в более скромном, хотя и богатом наряде изысканного вкуса, донья Линда де Ла Крус, дочь губернатора, очаровательная девушка почти одних лет с дочерью дона Хесуса и ее близкая подруга, и, наконец, донья Флора Ордоньес, уже давно известная читателю, а потому и распространяться насчет ее красоты и привлекательности было бы совершенно излишне.

Три лодки, следующие за первой, как бы нарочно держались на порядочном расстоянии позади, чтобы тем самым, вероятно, засвидетельствовать почтительное уважение сидящих в них к особе губернатора.

Как только с корвета завидели губернаторскую шлюпку, по безмолвному знаку капитана была поднята тревога.

Этот маневр, кажущийся, по-видимому, таким простым для людей непосвященных, в сущности, один из самых трудных и сложных.

Он должен быть исполнен в пять минут и в одно мгновение нарушает весь обычный ход жизни моряка.

За пять минут все внутренние перегородки корвета были сняты, огни в камбузе потушены, люки открыты, оружие вынесено наверх и роздано экипажу, пушки приготовлены к бою, баки залиты водой, фитили зажжены; для раненных был устроен спуск на среднюю палубу, где на столе были разложены инструменты и где хирург, при помощи фельдшеров, мог их принять в свое ведение в случае необходимости; бегучий такелаж был укреплен, реи упрочены подпорками, матросы выстроены в полном боевом порядке, констапели 22 у орудий, марсовые — на своих местах, пожарные трубы и абордажные крюки приведены в готовность, сети натянуты, а для подноски пороха оставлен проход; словом, все находилось на своем месте и

каждый — на своем посту, от командира до последнего юнги, который носит пушечные заряды, не говоря об оружейных мастерах, конопатчиках, плотниках и рулевых, каждый из которых, согласно своей специальности, заботится о безопасности корабля. Не станем мы также перечислять множество важных подробностей, которые остались бы непонятными для большинства читателей, скажем только, что все эти сложные и вместе с тем согласованные действия, направленные на достижение одной цели, должны быть кончены в пять минут, так что не успеешь перекреститься.

Разумеется, экипажи на военных судах постоянно упражняются по целым месяцам, добиваясь, чтобы этот маневр удавался им мало-мальски сносно.

Граф стоял, облокотившись о борт, и следил украдкой за тем, что происходило вокруг него, не подавая вида, какое значение это имело для его тайных планов.

Он остался поражен быстротой и четкостью в исполнении маневра экипажем корвета «Жемчужина». Не прошло и четырех минут, как каждый был на своем посту и готов к бою.

«Гм! — рассуждал про себя дон Фернандо, кусая усы. — Вот это противники! Наделают они нам хлопот, если мы не остережемся! Молодцы! Жаль, что тут нет Мигеля, это заставило бы его призадуматься, полагаю».

Между тем губернаторский катер быстро приближался. Вскоре он уже находился у борта.

Капитан и граф встретили дону Рамона де Ла Круса на нижней ступени трапа, дон Пабло предложил руку донье Линде, дон Фернандо завладел рукой доньи Флоры, и все вместе поднялись на палубу.

Едва губернатор ступил на нее, как его приветствовал залп из одиннадцати орудий, кверху взвился испанский флаг, а выстроенное для его встречи войско с барабанным боем отдало ему честь.

Эти почести были преувеличены; на самом деле дон Рамон де Ла Крус, в качестве бригадира и губернатора, имел право на салют всего из семи орудий, без тревоги и барабанного боя, а тем более без поднятия национального флага на грот-мачте. Но дон Пабло Сандоваль любил все делать на славу и хотел польстить гордости губернатора, имея важный повод сохранять с ним наилучшие отношения. Своей цели он достиг полностью.

Дон Рамон де Ла Крус, властью короля испанского являющийся губернатором Панамы, буквально пришел в восторг от таких необычайных почестей и не знал, чем выразить свое удовольствие командиру корвета, который с напускной скромностью извинялся, что не сумел принять его лучше.

ГЛАВА XII. Почему дон Фернандо согласился на приглашение капитана Сандовалья

Три другие лодки, о которых мы упоминали, оставались позади, чтобы предоставить губернатору честь первому взойти на корвет, но вскоре также причалили, и все гости капитана собрались на палубе.

Они принадлежали к самым знатным и богатым семействам в городе.

Каждый кавалер подал руку даме, и все направились вслед за губернатором, изъявившим желание осмотреть судно, пока экипаж еще оставался на местах и он мог в одно и то же время

видеть и корвет, и людей.

Дон Фернандо и донья Флора не интересовались этим зрелищем — он, вероятно, будучи сам моряком, не находил в нем ничего нового, она, быть может из женской робости, не чувствовала стремления к развлечениям подобного рода; а возможно, оба по особой, им одним известной причине оставались к нему равнодушны. Незаметно пропустив вперед всех других гостей, молодые люди сами понемногу отстали и, пользуясь этим уединением в толпе, все внимание которой было приковано к занимательным по своей новизне предметам, завели вполголоса разговор, судя по выражению их лиц и блеску глаз, не только оживленный, но и чрезвычайно увлекательный.

Уже несколько раз дон Фернандо имел случай встречаться таким образом с доньей Флорой наедине, — мы говорим «наедине», потому что влюбленные, величайшие эгоисты на свете, все относят к себе, видят одних себя и ничего не замечают, кроме того, что относится непосредственно к их любви.

Донья Флора, глаза которой при первой встрече с доном Фернандо так явственно выдали ему, что происходило в ее сердце, не сочла нужным взять назад свое безмолвное согласие, когда он признался ей в любви со свойственным влюбленным лицемерием, очень похожим на бесчестность, так как объясняются они только тогда, когда в глубине сердца уверены, что объяснение их будет выслушано без гнева.

— А вы, донья Флора, любите ли вы меня? — заключил свое объяснение дон Фернандо.

Вся вспыхнув и дрожа от волнения, молодая девушка устремила на него свой ясный и невинный взгляд и, тихо опустив свою руку в его, ответила одним словом:

— Люблю.

Казалось бы, короткое, избитое слово, но как же сходил с ума дон Фернандо от радости, от счастья, когда услышал его!

С этой минуты при каждом удобном случае молодые люди вели нескончаемые разговоры на ту же полную очарования тему, никогда не истощающуюся и не утрачивавшую своей прелести со времени появления на земле мужчины и женщины, суть которой заключается в трех словах: любить, быть любимым.

Величайшее наслаждение влюбленных — нескончаемо рассказывать друг другу историю их любви: как она началась, что они испытали, впервые увидев предмет своей страсти, как электрическая искра в одно мгновение пронзила их сердца, заставила затрепетать все их существо, открыла им, что они наконец нашли того или ту, для кого впредь только жить и будут, — весь этот милый вздор, подсказываемый страстью, имеет, однако, неодолимую привлекательность, мысли утопают в океане несказанных и неведомых до того времени наслаждений, слово, взгляд, пожатие руки украдкой заставляют пережить век блаженства в один миг.

Но влюбленные ненасытны; чем больше они получают, тем больше требуют; разлука для них величайшее зло; видеться, говорить друг с другом для них верх счастья; глагол «любить» такой приятный, что во всех уголках земного шара и на всех наречиях его спрягают без умолку и тем не менее только в одном виде: я люблю! Эта нежная болезнь сердца есть ясное, простое и вместе с тем сложное выражение божественного луча, вложенного Творцом в души всех Его созданий.

Дон Фернандо и донья Флора любили друг друга всеми силами души, они знали это, говорили один другому сотни раз и не уставали повторять все с тем же радостным трепетом, тем же содроганием блаженства.

Дон Фернандо видел донью Флору у ее отца, в обществе, так как часто получал приглашения, у обедни, на прогулке — словом, везде, однако ему казалось, что этого недостаточно. Не станем утверждать, что Флора не разделяла такого мнения; молодая девушка любила со всей нежностью сердца, полностью отдавшегося предмету своей страсти, и с наивным чистосердечием гордой и девственной души.

Расхаживая по корвету и бросая вокруг себя рассеянные взгляды, не замечавшие ничего кроме доньи Флоры, молодой человек жаловался на тяжелые оковы, которые вынужден был налагать на свою любовь.

вернуться

22

Констапель — первый офицерский чин в морской артиллерии.

Донья Флора надула губки; дон Фернандо был раздосадован и не знал, чему приписать то, что он считал ее капризом.

И два сердца, которые так хорошо понимали друг друга, эти избранные натуры, связанные таким искренним чувством, чуть не поссорились во время однообразной и скучной прогулки по корвету.

— Однако, сеньорита, — вдруг вскричал молодой человек с тайной досадой, — что же все-таки является причиной такого непостижимого упорства?

— Но это вовсе не упорство, дон Фернандо, — кротко возразила девушка.

— Что же тогда? Вы мне только одно и твердите, что это невозможно.

— Потому что, к несчастью, это действительно невозможно.

— Обсудим дело вместе, согласны?

— Согласна, почему же нет?

— Вы меня любите, донья Флора?

— А вы сомневаетесь?

— Сохрани Бог! Верю, глубоко верю!

— Так что же?

— Да то, что моя любовь может и должна, кажется, идти открытым путем, когда она честна и благородна!.. Отчего вы не хотите разрешить мне просить вашей руки у дон Хесуса?

Девушка грустно улыбнулась.

— Еще не время, — сказала она.

— Не время! Чего же вы боитесь? Разве вы предполагаете, что мое предложение будет отвергнуто?

— И не думаю.

— Быть может, вы думаете, что ваш отец, насколько мне известно, связан своим словом с доном Пабло Сандовалем...

— Я не люблю капитана, ведь вы же знаете это, дон Фернандо, да и отец до сих пор лишь очень смутно намекал на такой союз.

— Однако дон Хесус может вынудить вас согласиться на этот брак.

— Когда я скажу отцу, что не люблю того, за кого он хочет выдать меня замуж, он наверняка возьмет свое слово назад и заставлять меня не станет.

— Насколько я могу понять из ваших слов, препятствие заключается именно во мне?

— Может быть, — покачала она головой.

— Ваш отец, вероятно, находит меня не слишком хорошего рода и недостаточно богатым, чтобы удостоить вашей крошечной ручки, моя дорогая донья Флора, — сказал он с оттенком досады.

— Опять ошибаетесь, дон Фернандо, мой отец пришел бы в восторг, если бы подозревал, что вы ухаживаете за мной и просите моей руки.

— Тогда я отказываюсь понять что-либо! Откуда же берутся эти препятствия для моего счастья?

— От вас самих, от одного только вас, дон Фернандо, — ответила она с грустью.

— Меня?! О! Вы будто нарочно терзаете мое сердце, донья Флора!

— О, дон Фернандо!

— Простите, донья Флора, простите, я сам не знаю, что говорю! Сжальтесь надо мной, я с ума схожу, одно слово, одно-единственное, умоляю вас, чтобы я знал, чего мне бояться, на что надеяться.

— Увы, дон Фернандо! Это слово жжет мне сердце, оно срывается у меня с губ, но...

— Что же?

— Я не могу произнести его.

— Опять!..

— Увы!

— О Господи! Что же делать?

— Я говорила вам, мой друг: ждать!

— Еще ждать!

— Так надо.

— Разве я могу?!

— Неужели мне, женщине, надо подавать вам пример мужества, дон Фернандо?

— Но я нуждаюсь не в мужестве! — вскричал молодой человек с невольным взрывом нетерпения.

— Нет, в вере! — прошептала она с грустью. Это слово заставило его опомниться.

— Ах, Флора, моя возлюбленная Флора! — сказал он тоном нежной укоризны. — Что же я сделал, чтобы вы говорили мне подобные вещи?

— Я страдаю, Фернандо, меня терзает ваша неблагодарность, ваше ослепление, а вы словно удовольствие находите в том, чтобы я страдала еще сильнее.

— Вы страдаете, Флора!

— Оставим это, друг мой, еще не время открыть вам глубокую рану сердца — увы, целиком принадлежащего вам!

— Разве я не могу требовать своей доли в ваших страданиях?

— Нет! Есть глубины, в которые вам проникать еще нельзя, тайны, которые принадлежат не мне одной.

— Кажется, я понимаю...

— Друг мой, — с живостью перебила она, — поверьте, вы ничего не понимаете.

Наступила минута молчания.

Общество, все еще с губернатором и капитаном во главе, который вел под руку донью Линду, возвращалось теперь на верхнюю палубу судна, после подробного осмотра его внутреннего устройства.

— Послушайте, Фернандо, — вдруг заговорила донья Флора с волнением, от которого слегка задрожал ее голос, — нам остается всего несколько минут разговора наедине. Я воспользуюсь ими, чтобы обратиться к вам с просьбой.

— Ваша просьба для меня приказ, сеньорита.

— Правда?

— Клянусь честью!

— Я полагаюсь на ваше слово.

— Прекрасно, говорите же теперь.

— Фернандо, я прошу у вас три дня.

— Три дня?

— Да, разве это много?

— Три дня на что, Флора?

— Чтобы открыть вам все.

— И вы обещаете?

— Клянусь, Фернандо!

— Благодарю, Флора, вы меня воскрешаете!

— Так вы согласны на условие?

— О! С радостью.

— Вот вам моя рука.

Дон Фернандо с наслаждением поцеловал крошечную ручку и долго продержал ее в своих руках, но девушка не противилась этому.

— Теперь ни слова более, мы уже не одни, — прибавила она с очаровательной улыбкой.

— Но как же мне вас увидеть?

— Не беспокойтесь, я дам вам знать.

В эту минуту к ним подошла донья Линда, и разговор был поневоле прерван.

В любви или ненависти женщины одарены каким-то ясновидением и с удивительным тактом угадывают час и минуту, когда необходимо подоспеть на помощь приятельнице или нанести сопернице решительный удар.

Поглощенные своей любовью, уединившись от окружающих их людей и сосредоточенные на самих себе, молодые люди продолжали разговор, чрезвычайно для них занимательный, отрывки которого мы привели выше, вовсе не замечая, что внимание всех этих посторонних людей, продолжительное время поглощенное занимательными предметами, которые командир корвета не без гордости выставлял им напоказ, теперь ничем не занятое, не замедлит от бездействия обратиться на них. К счастью, донья Линда издали охраняла свою подругу. Она бросила капитана Сандовалю, даже не извинившись, что так быстро обращается в бегство, и со смехом встала между влюбленными.

— Просто прелесть! — вскричала она своим серебристым голосом. — Этот корвет содержится на славу! Что вы скажете, граф?

— То же самое, сеньорита, — бессовестно солгал дон Фернандо, почтительно кланяясь, — я имел честь слышать сейчас от доньи Флоры.

— Вот это да! — громко рассмеялась девушка. — Это правда, дорогая?

- Правда, — ответила донья Флора, слегка пожимая ей руку.
- Теперь я, разумеется, знаю, что мне думать! — вскричала озорница, не переставая смеяться. — Впрочем, я глядела на вас издали, и вы оба казались очень заинтересованы разговором.
- Злюка! — прошептала донья Флора, вспыхнув.
- Клянусь, сеньорита...
- К чему клятвы между нами, граф! — перебила донья Линда с живостью. — Поберегите их для лучшего случая. Вашего первого уверения для меня достаточно.
- Вы ангел! — ответил он с легким поклоном.
- Не ошибаетесь ли вы? Кто знает, быть может, я демон?
- Скорее, и то и другое, сеньорита.
- Как вы объясните это?
- Очень легко, сеньорита: очевидно, вы ангел по сердцу и красоте.
- Прекрасно... а демон я по чему?
- По уму.
- Вот ловкое объяснение, за которое я вам очень благодарна, сеньор дон Фернандо, и свою признательность скоро докажу на деле.
- Сеньорита!
- Почему же нет? Я принимаю живое участие во влюбленных, — продолжала она, понизив голос, — в них всегда есть что-то наивное, трогательное мое сердце. Я взяла вас обоих под свое покровительство.
- Не знаю, как выразить, насколько ваша доброта...
- Не отпирайтесь напрасно, граф, Флора мне все сказала, у нее нет тайн от меня.
- А вы откровенны с ней?
- Да ведь мне нечего и сообщать, дон Фернандо! Единственная тайна женщины — это любовь, я же никого не люблю.
- Никого не любите?
- Кроме вас, быть может, — отчетливо произнесла она с великолепным пренебрежением, — кого же иначе прикажете мне любить здесь? Вы любите мою подругу и потому, конечно, — засмеялась она, — должны иметь для меня заманчивость запрещенного плода. Но я не завистлива и не любопытна; если бы вместо нашей прародительницы в раю оказалась я, клянусь вам, я не съела бы яблока!
- И для всего человечества это было бы величайшим несчастьем.

— Почему же?

— Мы не знали бы любви!

— Опять хороший ответ... но любовь — благо ли это?

— И благо, и бедствие, но, в общем, страсть благородная, великодушная, которая открывает в сердце все могущество вложенных в него жизненных сил и делает его под влиянием страсти способным на великие и геройские подвиги.

— Или ужаснейшие злодеяния, — возразила донья Линда, насмешливо, — не так ли, сеньор?

— Вы позволите мне, сеньорита, после вашего признания с минуту назад, не приступить к дальнейшим прениям по этому поводу? Иначе мы никогда не договоримся.

— Я тоже так думаю, не сердитесь на меня, граф... А вот и благородный вельможа, отец которого был мясником в Пуэрто-Санта-Мария, сеньор дон Пабло Сандоваль, решается наконец пройти в столовую. Пожалуйста, будьте нашим кавалером, в награду за такую любезность мы посадим вас за столом между нами. Когда вам наскучит правая соседка, обратитесь к левой, со стороны сердца, чтобы легче было выносить скуку.

— Как бы я любила тебя, злая, если бы ты не дразнила меня так безжалостно! — улыбаясь, вскричала донья Флора.

— Уж не жалуешься ли ты, чего доброго? Я добровольно вызываюсь в покровительницы, охраняю, а на меня изволят гневаться! Да ты просто неблагодарная! — И девушка разразилась хохотом.

Завершив осмотр корвета, губернатор в нескольких словах похвалил экипаж, но особенно он порадовал людей, передав боцману крупную сумму для раздачи ее всем поровну.

Щедрость эта вызвала оглушительные крики: «Да здравствует губернатор!» — крики, приятно защекотавшие ухо достойного сановника.

Капитан подал знак, и на корвете не осталось и следов тревоги, все опять приняло свой нормальный вид.

Вскоре дон Пабло Сандоваль пригласил своих гостей пройти в столовую, где их ждал завтрак.

Радужное приглашение вызвало общую радость: было за полдень, и все чувствовали голод.

Девушки действовали так ловко, что сумели, согласно обещанию доньи Линды, посадить дону Фернандо между собой, к тайному неудовольствию дон Пабло, который собирался посадить губернатора по правую руку от себя, а графа — по левую; но тут женская воля взяла верх, и капитану пришлось довольствоваться, при большом сожалении, соседством дон Хесуса Ордоньеса.

Ни малейшей тени ревности не примешивалось к тайному неудовольствию дон Пабло. Ему даже в голову не приходило, что граф может быть его соперником — правда, надо сказать, что любовь его к очаровательной невесте отличалась крайней умеренностью, женитьба была для него просто выгодным делом: его будущий тесть имел большое состояние и давал за дочерью великолепное приданое, — больше капитану нечего было и желать. Кроме того, девушка

славилась своей красотой, что очень льстило самолюбию капитана, но будь она дурна как смертный грех, это нисколько не изменило бы его намерения жениться на ней.

Сначала больше молчали и только усердно ели, однако когда первый голод был утолен, все понемногу заговорили, и вскоре беседа сделалась всеобщей.

— Сеньор губернатор, — начал толстяк с одутловатым лицом багрово-синего цвета, который обливался потом и ел, как слон. — Позвольте спросить: что слышно о галионах?

— Собравшись в Кальяо, флотилия должна была сняться с якоря дней десять тому назад, любезный дон Леандр, — ответил губернатор. — Она состоит из чилийских, мексиканских и многих других судов. Говорят, она просто великолепна!

— Это хорошие вести, сеньор губернатор, — отозвался толстяк дон Леандр.

— Правда, и если Богу будет угодно, как говорят моряки, флотилия бросит якорь на рейде перед нашими глазами также дней через десять.

— Да хранит ее Господь! — гнусаво произнес дон Кристоаль Брибон-и-Москито, уткнувшись носом в тарелку.

— А нет ли каких вестей о флибустьерах? — спросил кто-то.

— Слава Богу, нет! С некоторых пор они не дают пищи для толков, — ответил губернатор.

— Правда ли, что флибустьеры еретики? — спросила пожилая дама, старательно изображавшая из себя простодушную невинность.

— Еретики до мозга костей, любезная донья Лусинда, — ответил дон Пабло, любезно улыбаясь.

— Так они не верят ни в Бога, ни в дьявола?

— В Бога не верят, но в дьявола — разумеется.

— Господи Иисусе, помилуй нас! — воскликнул дон Кристоаль.

— Аминь! — вставил дон Фернандо. — Кстати о флибустьерах, дон Рамон, — прибавил он. — Действительно ли убежали, как я слышал, те, которых вы здесь содержали в тюрьме?

— К несчастью, ничего не может быть действительнее, граф.

— Их, вероятно, опять изловят.

— Это очень сомнительно.

— Вы удивляете меня.

— После бегства этих разбойников, совершенно непостижимого, я поднял на ноги всю городскую полицию, велел даже окрестности города изъездить вдоль и поперек многочисленным отрядам.

— И что же?

— Я должен с прискорбием вам сознаться, так как в качестве губернатора огорчен этим более,

чем кто-либо, что полиция и солдаты из сил выбились, а между тем не нашли ни малейшего следа беглецов на пять миль в округе.

— Вот странно! — вскричал граф.

— Они буквально исчезли, — сказал дон Рамон.

— Их покровитель, нечистый дух, верно, похитил их, — намекнул дон Крестобаль.

— Это, право, очень страшно! — жеманно произнесла донья Лусинда.

— Говорят, разбойники эти очень дерзки с дамами.

— Берегитесь! Беда вам, если они вас захватят! — посмеиваясь, сказал толстяк Леандр.

— Молчите, гадкий слон! — сердито вскричала пожилая дама.

Это замечание вызвало единодушный смех.

— Мне очень жаль это слышать, — опять обратился к губернатору дон Фернандо.

— Почему же?

— Да потому, что я жду прибытия в Чагрес шхуны с ценными вещами из Веракруса и опасаясь, как бы при переходе через перешеек мои вещи не попали в руки очень некстати удравших флибустьеров.

— Об этом не беспокойтесь, граф, — величественно сказал губернатор, — я снабжу вас конвоем, даже целым пятидесятком, если пожелаете.

— Не скрою, любезный дон Рамон, что ваше предложение меня очень радует, я непременно приму его.

— Обязательно примите, граф; я, со своей стороны, буду счастлив оказать вам услугу в данном случае, как и во всяком другом, какой только может представиться.

— Не знаю, как и благодарить вас!

— Когда должна прийти шхуна, граф? — спросил дон Хесус.

— С минуты на минуту, любезный сеньор, она даже могла уже прийти.

— Так, наверно, она вскоре будет, — догадался проницательный дон Леандр.

— Вероятно, — согласился дон Фернандо со смехом.

Настало время бесчисленных частных разговоров, которые перекрещиваются с общим; уже каждый начинал думать только о себе, как бывает после доброго пира, и дон Фернандо мог продолжать свой тихий разговор с прелестными соседками, не пропуская, однако, мимо ушей ни одного слова из того, что говорилось вокруг.

Две важные причины привели графа на корвет: любовь к донье Флоре и замышляемое им дерзкое нападение на город. Вероятно, могла у него быть и третья причина, но она оставалась тайной для всех — так, по крайней мере, думал он; к тому же, он имел случай осмотреть

корвет, что было для него немаловажно.

Утро выдалось для доня Фернандо преудачное: он долго разговаривал с возлюбленной, кроме того, ему удалось собрать немало драгоценных сведений. Разумеется, он был в блистательном расположении духа, что его соседки имели возможность оценить в полной мере, поскольку пир продолжался долго.

Было четыре часа пополудни, когда, сытые и довольные, гости встали наконец из-за стола и собрались в обратный путь.

Прощаясь с Флорой, дон Фернандо не упустил случая напомнить ей о данном слове.

mir-knigi.org